

РОССИЙСКОЕ ПРАВО

ОБРАЗОВАНИЕ,
ПРАКТИКА,
НАУКА

РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Основан в июле 2004 года

Выходит 6 раз в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Уральский государственный
юридический университет»
620137, Екатеринбург,
ул. Комсомольская, д. 21

РЕДАКЦИЯ

В. В. ДОЛГАНИЧЕВ, главный редактор
К. С. ПУТУШКИНА, редактор
М. А. ХОМЯКОВА, ответственный
секретарь

АДРЕС РЕДАКЦИИ

620137, Екатеринбург,
ул. Комсомольская, 23, каб. 209.
Адрес для корреспонденции:
620137, Екатеринбург,
ул. Комсомольская, 21.
тел./факс (343) 375-58-47,
<https://rospravojournal.usla.ru>
e-mail: rp@usla.ru

Издание зарегистрировано в Федеральной
службе по надзору в сфере связи, информа-
ционных технологий и массовых коммуника-
ций, свидетельство ПИ № ФС 77-55438 от
17 сентября 2013 г.

Использование материалов возможно
только с письменного согласия редакции

Фотографии, использованные в номере,
предоставлены авторами статей, героями
интервью и организаторами мероприятий

Журнал распространяется по подписке;
придерживается независимой политики.
Мнения авторов могут не совпадать
с мнением редакции

СОДЕРЖАНИЕ

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

- Былинкина Е. В.**
Понятие и виды электронного
голосования в России и за рубежом:
сравнительно-правовой анализ 4
- Садовой М. В.**
О подходах к пониманию категории
независимости Конституционного Суда
Российской Федерации 11

ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

- Мурзин Д. В.**
Иное имущество в гражданском праве:
объекты абсолютных и относительных
прав 18
- Гаврин Д. А.**
Особенности совершения сделок
с использованием финансовой платформы 29

ГРАЖДАНСКИЙ И АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

- Михайлова Е. В.**
Права и свободы человека и гражданина
как объекты судебной защиты 36
- Новиков Н. А.**
Судебное примирение в арбитражном
судопроизводстве: теория и практика 46

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

- Дорошенко В. С.**
Уголовная ответственность
за преступления в сфере незаконного
оборота нефти и ее продуктов:
ретроспективный анализ 54

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Ю. С. Безбородов, Л. Н. Берг, В. С. Белых, А. В. Брызгалин, В. А. Бублик, А. В. Винницкий, Д. В. Винницкий, Б. М. Гонгалов, В. В. Гошуляк, Е. Ю. Грачева, Д. А. Гришин, И. Г. Дудко, Т. Д. Зражевская, В. Б. Исаков, А. Я. Капустин, И. Я. Козаченко, Ю. В. Козубенко, Г. А. Кокурин, Г. Н. Комкова, А. Н. Костюков, В. В. Круглов, В. И. Крусс, А. М. Куренной, А. А. Ливеровский, Н. А. Мехренцева, А. Н. Митин, А. Н. Мочалов, Е. И. Носырева, В. Д. Перевалов, В. В. Полянский, А. Д. Прошляков, И. В. Решетникова, В. Н. Руденко, М. С. Саликов (председатель), Н. М. Саликова, А. С. Смыкалин, С. Д. Хазанов, А. М. Хлус, С. Н. Чернов, В. В. Ярков

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

С. А. Авакьян, С. Н. Бабурин, В. В. Блажиев, А. К. Голиченков, В. В. Ершов, В. В. Игнатенко, Г. С. Казинян, Л. О. Красавчикова, П. В. Крашенинников, В. А. Малиновский, С. П. Степкин, Т. Я. Хабриева, Ю. Я. Чайка, Г. Н. Чепотарев, М. Ф. Чудаков, Ю. С. Шемшученко, Б. С. Эбзеев, Э. С. Юсубов

Порайко В. В.

О роли принципов уголовного права в регламентации ответственности за преступления в сфере предпринимательской деятельности 65

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Хлус А. М.

Осмотр или обыск на месте задержания взяточполучателя? Процессуальные и тактические аспекты производства 71

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Несмеянова С. Э.,

Калинина Е. Г., Грачева М. В.

Дополнительное профессиональное образование: переход в инновационный режим 83

Мельник В. Д., Скуратовский М. Л.

Экономическое правосудие как специализированное направление в юридическом вузе 90

CONSTITUTIONAL LAW

- Bylinkina E. V.**
The Concept and Types of Electronic Voting in Russia and Abroad:
A Comparative Legal Analysis 4
- Sadovoy M. V.**
Approaches to the Understanding the Category of Independence
of the Constitutional Court of the Russian Federation 11

CIVIL AND BUSINESS LAW

- Murzin D. V.**
«Other Property» in Civil Law: Objects of Absolute and Relative Rights 18
- Gavrin D. A.**
Features of Making Transactions Using the Financial Platform 29

CIVIL AND ARBITRATION PROCEDURE

- Mikhailova E. V.**
Human and Civil Rights and Freedoms as Objects of Judicial Protection 36
- Novikov N. A.**
Judicial Conciliation in Commercial Proceedings:
Theory And Practice 46

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

- Doroshenko V. S.**
Criminal Liability for Crimes in the Sphere of Illegal Turnover
of Oil and Its Products: Retrospective Analysis 54
- Porayko V. V.**
On the Role of the Principles of Criminal Law in the Regulation
of Liability for Crimes in the Field of Entrepreneurial Activity 65

CRIMINAL PROCEDURE

- Hlus A. M.**
Inspection or Search at the Place of Detention of the Recipient?
Procedural and Tactical Aspects 71

LAW EDUCATION

- Nesmeyanova S. E., Kalinina E. G., Gracheva M. V.**
Additional Professional Education: Transition to Innovative Mode 83
- Skyratovskiy M. L., Melnik V. D.**
Economic Justice as Education Specialty Field in Law Schools 90

Е. В. Былинкина

Московская финансово-юридическая академия
Уральский государственный юридический университет
(Москва)

ПОНЯТИЕ И ВИДЫ ЭЛЕКТРОННОГО ГОЛОСОВАНИЯ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Техническое совершенствование избирательного процесса (применение оптических сканеров, систем электронного голосования с прямой записью, дистанционного электронного голосования, блокчейна, биометрии и других технологий) порождает большое количество новых терминов и правовых норм, иногда разрозненных и противоречащих друг другу и, как следствие, приводящих к проблемам в правоприменительной практике. В связи с этим необходимо выработать единый подход к пониманию терминов, которые используются в национальных нормативных правовых актах и международных стандартах, посвященных избирательному процессу.

В статье проведен сравнительно-правовой анализ определений электронного голосования и дистанционного электронного голосования в соответствии с международными стандартами Европейского союза и с российским законодательством. Предложены авторские определения электронного голосования и дистанционного электронного голосования.

Ключевые слова: цифровизация избирательного процесса, программно-технические средства, понятие электронного голосования, виды электронного голосования, понятие дистанционного электронного голосования

Для цитирования

Былинкина Е. В. Понятие и виды электронного голосования в России и за рубежом: сравнительно-правовой анализ // Российское право: образование, практика, наука. 2021. № 5. С. 4–10. DOI: 10.34076/2410_2709_2021_5_4.

УДК 343.8

DOI: 10.34076/2410_2709_2021_5_4

Лавинообразное развитие информационных технологий способствовало их проникновению во все сферы жизни общества, в том числе в избирательный процесс. Техническое совершенствование избирательного процесса является одним из основных направлений модернизации избирательных систем многих стран. В России цифровизация избирательного (референдумного) процесса предусматривается национальной программой «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденной в 2019 г.

В связи с этим очень важно обратить внимание на то, что внедрение новых технологий в избирательный процесс должно сопровождаться адекватным правовым регулированием. Задача правоведов на международном, национальном и региональном уровнях – путем совершенствования законодательства не

допустить нарушения конституционных прав граждан, обеспечить соблюдение принципов избирательного процесса.

Электронное голосование – уже не новая и активно изучаемая область избирательного процесса. Информационные технологии применяются на разных этапах избирательного процесса, в том числе на стадии голосования. Комплексы электронного голосования (КЭГ) уже хорошо знакомы избирателям, имеют правовую основу и всесторонне освещены в научной литературе. В 2019 г. впервые в российской электоральной практике для голосования избирателей, находящихся вне своего места жительства, в порядке эксперимента были апробированы цифровые избирательные участки.

Постепенное развитие и закрепление в законодательстве получает дистанционное

электронное голосование. На федеральном и региональном уровне накоплен определенный опыт применения данной формы голосования, в том числе с использованием технологии блокчейн. Так, в июле 2020 г. при голосовании по поправкам в Конституцию РФ дистанционный формат был доступен жителям Москвы и Нижегородской области. А в единый день голосования 19 сентября 2021 г. дистанционное электронное голосование проведено уже в Курской, Ярославской, Мурманской, Нижегородской, Ростовской областях, Москве и Севастополе.

Дальнейшее развитие технологий уже сегодня позволяет обсуждать возможности и риски использования блокчейна, биометрии, искусственного интеллекта на разных этапах избирательного цикла [Maurer 2020; Саликов, Несмеянова, Мочалов и др. 2019; Савченко, Лихолатов 2020; Либанова, Былинкина 2021; Лысенко 2019]. Возникает значительное количество новых терминов [Борисов, Головин, Игнатов 2020: 5], а также правовых норм, иногда разрозненных и противоречащих друг другу, что порождает проблемы в понимании и правоприменительной практике. В связи с этим представляется необходимым выработать единый подход к пониманию терминов, которые используются в национальных нормативных правовых актах и международных стандартах, посвященных избирательному процессу.

В научной литературе можно выделить широкий и узкий подходы к рассмотрению электронного голосования. Согласно первому подходу электронное голосование охватывает как подачу, так и подсчет голосов [Саликов, Несмеянова, Мочалов и др. 2019: 139–140; Матренина 2016: 23; Гонтарь 2019: 33], а именно голосование с использованием технологии сканирования бюллетеней (реализацией которой в Российской Федерации является КОИБ), систем электронного голосования с прямой записью (к которым можно отнести КЭГ, а также электронные терминалы цифровых избирательных участков), голосование с использованием Интернета (в контролируемой представителями избирательной комиссии среде) и дистанционное электронное голосование (голосование с использованием Интернета в не контролируемой представителями избирательной комиссии среде).

Данный подход реализуется на международном уровне в соответствующих стандартах и руководствах. Например, в Рекомендации Совета Европы Rec (2004) 11 «Юридические, организационные и технические стандарты электронного голосования» электронное голосование определялось как электронные выборы или электронный референдум, в ходе которых электронные средства используются хотя бы для подачи голосов. Данная дефиниция, несмотря на отсутствие в ней прямого указания на подсчет голосов, достаточно широка и позволяет включать в электронное голосование не только подачу, но и подсчет голосов, осуществляемый с использованием электронных устройств. Также хотелось бы обратить внимание на не вполне удачную формулировку этого определения, которая позволяет рассматривать подачу голоса с использованием электронных средств в качестве минимально необходимого условия для признания голосования электронным. Отсутствие в определении прямого указания на подсчет позволяет некоторым авторам сужать содержание определения исключительно до подачи голоса с помощью электронных средств [Maurer 2017: 153].

В более позднем международном документе Бюро ОБСЕ по демократическим институтам и правам человека 2013 г. – «Руководстве по наблюдению за использованием новых технологий голосования» – ставится знак равенства между терминами «электронное голосование» и «новые технологии голосования». Второй термин означает использование информационно-коммуникационных технологий (оптических сканеров, систем электронного голосования с прямой записью, интернет-голосования) на стадии голосования и подведения итогов голосования как в контролируемой, так и в неконтролируемой среде.

С целью унификации определений электронного голосования в новой Рекомендации Совета Европы Rec (2017) «О правилах электронного голосования» в дефиницию электронного голосования было включено прямое указание на использование электронных средств как для подачи, так и для подсчета голосов (см. Приложение II «Определения и термины»). В пояснительном Меморандуме к Рекомендации Rec (2017) уточняется, что термин «электронное голосование» ох-

ватывает использование машин для голосования на избирательных участках (имеются в виду системы электронного голосования с прямой записью типа КЭГ или электронных терминалов цифровых избирательных участков), оптические сканеры как для регистрации, так и для подсчета бумажных бюллетеней (типа КОИБ), а также дистанционное электронное голосование. Таким образом, Совет Европы и Бюро ОБСЕ по демократическим институтам и правам человека пришли к общему пониманию электронного голосования, что способствует и единообразному восприятию стандартов.

Согласно второму подходу понятие «электронное голосование» охватывает только подачу голоса с использованием электронных устройств, исключая подсчет голосов с помощью оптических сканеров [Киселева 2020]. Некоторые авторы [Курячая 2017; Митяева 2013] еще более сужают данное понятие, отождествляя его с понятием «дистанционное электронное голосование» (интернет-голосование), что не имеет правовой основы ни на международном, ни на национальном уровне регулирования.

Второй подход сегодня реализуется в законодательстве Российской Федерации. В п. 62 ст. 2 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» электронное голосование определяется как голосование без использования бюллетеня, изготовленного на бумажном носителе, с использованием технического средства.

Буквальное толкование пп. 41.1, 62, 62.1 ст. 2, п. 10 ст. 61 Федерального закона № 67-ФЗ с учетом положений Федеральных законов от 29 мая 2019 г. № 102-ФЗ и от 23 мая 2020 г. № 152-ФЗ позволяет сделать вывод о том, что электронное голосование по законодательству РФ включает голосование с помощью КЭГ и электронных терминалов цифровых избирательных участков, стационарное голосование с использованием Интернета и дистанционное электронное голосование с использованием Интернета в неконтролируемых условиях, не охватывая при этом использование КОИБ. Последнее можно рассматривать как временное явление, переходный этап от бумажного голосования к электронному, но в связи с тем что сегодня использо-

вание КОИБ весьма распространено в России и соответствует уровню технологического развития российского общества, полагаем, что на данном этапе развития оно должно включаться в понятие электронного голосования. При этом имеются в виду как случаи использования КОИБ при взаимодействии избирателя с электронным устройством, так и случаи чисто технического подсчета голосов избирательной комиссией без взаимодействия избирателя с электронным устройством (п. 24 ст. 68 Федерального закона № 67-ФЗ допускает такую возможность при обеспечении тайны голосования).

Совершенно справедливой представляется позиция Я. В. Антонова [Антонов 2013: 18] об отсутствии принципиального значения у способа ввода данных: с помощью предварительно заполненного бумажного носителя (с применением КОИБ) либо же с помощью его электронной формы без использования бумажного носителя (с применением КЭГ, электронных терминалов цифровых избирательных участков). Общим критерием является факт введения данных о голосах посредством электронного устройства (будь то КЭГ, КОИБ, телефон избирателя или иное электронное устройство). Во всех перечисленных случаях необходимо обеспечение соблюдения тайны голосования и прозрачности процесса электронного голосования.

Электронное голосование целесообразно рассматривать как общее родовое понятие по отношению ко всем видам голосования с использованием электронных устройств как в контролируемых, так и в неконтролируемых условиях. Нами предлагается следующая классификация.

1. Электронное голосование в контролируемой среде:

1) стационарное голосование в помещении для голосования (помещение избирательного участка, посольства, любое другое используемое для голосования помещение, находящееся под контролем ответственных должностных лиц):

голосование с использованием технологии сканирования бюллетеней (например, КОИБ);

голосование с использованием систем электронного голосования с прямой записью (реализацией которых в России являются КЭГ, а также электронные терминалы цифровых избирательных участков);

голосование с использованием Интернета. Здесь применяется тот же программно-технический комплекс, что и при дистанционном электронном голосовании, что порождает большинство аналогичных рисков: возможное несоблюдение принципа тайны голосования (проблемы идентификации и аутентификации избирателей), риск хакерских атак, сложности в обеспечении наблюдения, отсутствие транспарентности и недостаточная открытость для общественного контроля и т. д. Однако такое голосование проходит под непосредственным контролем представителей избирательной комиссии как за техническим средством, так и за условиями голосования, что позволяет говорить о минимизации риска нарушения принципа свободного и добровольного участия в выборах и референдуме. В связи с этим представляется, что законодатель не вполне корректно причислил данный вид голосования к дистанционному электронному голосованию (см. п. 4 ст. 4 Федерального закона от 23 мая 2020 г. № 152-ФЗ «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования в городе федерального значения Москве»);

2) удаленное (выездное) голосование вне помещения для голосования, но под контролем представителей избирательных комиссий с использованием переносных электронных терминалов с прямой записью (например, переносное электронное устройство УСГ-П, порядок использования которого предусмотрен постановлением ЦИК России от 7 сентября 2011 г. № 31/276-6).

2. Электронное голосование в неконтролируемой среде – дистанционное электронное голосование с использованием технических средств в условиях, не контролируемых представителями избирательных комиссий.

Сегодня легитимное определение электронного голосования не позволяет однозначно рассматривать соответствующее понятие в качестве родового для всех перечисленных выше видов электронного голосования. Во-первых, проведенный анализ показал, что электронное голосование по законодательству РФ не включает подсчет голосов с использованием сканеров. А во-вторых, само упомянутое определение в п. 62 ст. 2 Федерального закона № 67-ФЗ позволяет предположить, что законодатель имел в виду стационарное электронное голосование. Электронное голосова-

ние (видимо, стационарное) и дистанционное электронное голосование дифференцируются в зависимости от применения технического средства либо программного обеспечения. Так, электронное голосование проводится с использованием технического средства (п. 62 ст. 2), а дистанционное электронное голосование – с использованием специального программного обеспечения (п. 62.1 ст. 2). Однако голосование и того и другого вида проводится с помощью как технических средств, так и специального программного обеспечения, ввиду чего подобное разграничение представляется не вполне корректным и не отражающим сути явлений.

Электронное голосование и дистанционное электронное голосование дифференцируются в зависимости от применения технического средства либо программного обеспечения

В литературе высказывается мнение о необходимости замены понятия «электронное голосование» на понятие «стационарное электронное голосование» [Григорьев 2020: 87]. На наш взгляд, логичнее оставить понятие «электронное голосование» как родовое по отношению ко всем видам электронного голосования, расширив его содержание и изложив п. 62 ст. 2 Федерального закона № 67-ФЗ в следующей редакции: «Электронное голосование – голосование с использованием программно-технических средств при подаче и / или подсчете голосов». Термин «программно-техническое средство» подразумевает использование как технического средства, так и программного обеспечения (без которого невозможно использование технического средства для целей избирательного процесса). Данное определение охватывает случаи применения технологии сканирования бюллетеней (КОИБ), систем электронного голосования с прямой записью (КЭГ, электронные терминалы цифровых избирательных участков), Интернета в помещении для голосования и дистанционное электронное голосование (с использованием телефона или иного электронного устройства избирателя в неконтролируемой среде).

В свою очередь понятие дистанционного электронного голосования необходимо конкретизировать путем указания на факт голо-

сования в среде, не контролируемой представителем избирательной комиссии. Легитимная дефиниция этого понятия в п. 62.1 ст. 2 Федерального закона № 67-ФЗ предусматривает всего два критерия – использование электронного бюллетеня и использование специального программного обеспечения, – которые не позволяют отграничить его от иных видов электронного голосования (например, электронного голосования с применением КЭГ, также осуществляемого с применением электронного бюллетеня и специального программного обеспечения, без которого КЭГ функционировать не сможет).

В связи с этим представляется целесообразным п. 62.1 ст. 2 Федерального закона № 67-ФЗ изложить в следующей редакции: «Дистанционное электронное голосование – голосование с использованием электронного бюллетеня и программно-технических средств в условиях, не контролируемых представителем избирательной комиссии». Здесь подразумевается отсутствие контроля представителя избирательной комиссии как за

техническим средством, так и за условиями, в которых осуществляется голосование. Полагаем, что этот критерий является определяющим при отграничении дистанционного электронного голосования от электронного голосования иных видов (в том числе, например, от стационарного голосования с использованием Интернета). Именно данный факт порождает риски, связанные с возможностью подкупа, принуждения, иных манипуляций в отношении избирателей, что приводит к нарушению принципа свободного и добровольного участия в выборах и референдуме (п. 3 ст. 3 Федерального закона № 67-ФЗ).

Анализ процесса информатизации, активного роста использования информационных технологий позволяет сделать вывод о неизбежности дальнейшей цифровизации избирательного процесса, в частности процедуры голосования. Это в полной мере соответствует идеям развития информационного общества в Российской Федерации и в мире, в связи с чем очень важно прийти к единому образному пониманию терминологии.

Список литературы

- Maurer A. D.* New Technologies in the Electoral Cycle. 2020 // URL: <https://rm.coe.int/electoralprocess-adrizamaurer-rev202003/1680a07b3b> (дата обращения: 01.06.2021).
- Maurer A. D.* Updated European Standards for E-Voting // Electronic Voting Collection of the Results of the International Joint Conference on Electronic Voting (24–27 October 2017) / ed. by R. Krimmer, M. Volkamer, N. Braun Binder etc. Bregenz: Springer, 2017. P. 146–162.
- Антонов Я. В.* Конституционность электронного голосования и электронной демократии. Lambert Academic Publishing, 2013. 153 с.
- Борисов И. Б., Головин А. Г., Игнатов А. В.* Выборы в мире: электронное голосование / под общ. ред. И. Б. Борисова. М.: Рос. обществ. ин-т избират. права, 2020. 218 с.
- Гонтарь С. Г.* Электронное голосование – новая возможность участия граждан в формировании органов власти // Государственная власть и местное самоуправление. 2019. № 4. С. 29–33.
- Григорьев А. В.* Конституционно-правовое регулирование использования современных информационно-коммуникационных технологий при осуществлении институтов прямой демократии в России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. 224 с.
- Киселева Н. В.* Электронное голосование в России: понятие и виды // Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества. 2020. № 19. С. 37–43.
- Курячая М. М.* Электронное голосование как этап развития непосредственной демократии // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 11. С. 31–35.
- Либанова С. Э., Былинкина Е. В.* Технология блокчейн: возможности и риски применения в избирательном процессе // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 2. С. 34–38.
- Лысенко В. И.* Национальный регистр избирателей, фотоидентификация избирателей и списки избирателей: зарубежный опыт. 2019 // URL: <http://www.rfsv.ru/education/informirovanie/natsionalnyi-registr-izbiratelei-fotoidentifikatsiia-izbiratelei-i-spiski-izbiratelei-zarubezhnyi-opyt#> (дата обращения: 01.06.2021).

Матренина К. Ю. Становление электронного голосования на выборах в Российской Федерации и перспективы его развития (конституционно-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2016. 224 с.

Митяева Ю. В. Опыт проведения интернет-голосования на выборах и референдумах в России и за рубежом // URL: <http://www.rcoit.ru/news/17065/> (дата обращения: 01.06.2021).

Савченко М. С., Лихолатов Г. С. Современные технологии в избирательном процессе: особенности и перспективы развития // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 12. С. 62–64.

Саликов М. С., Несмеянова С. Э., Мочалов А. Н. и др. Права человека в сети Интернет: коллектив. моногр. Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2019. 148 с.

Елена Викторовна Былинкина – доцент кафедры государственно-правовых и финансово-правовых дисциплин, руководитель юридической клиники Московского финансово-юридического университета, соискатель кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета. 117342, Российская Федерация, Москва, ул. Введенского, д. 1А. E-mail: Bylinkina.elena@gmail.com.

ORCID: 0000-0002-9999-6199

The Concept and Types of Electronic Voting in Russia and Abroad: A Comparative Legal Analysis

Technical improvement of the electoral process is one of the main directions of modernization of electoral systems. The use of the technology of scanning ballots, electronic voting systems with direct recording, remote electronic voting, blockchain, biometrics and other technologies gives rise to a large number of new concepts and terms, legal norms, sometimes scattered and contradicting each other and, as a result, leads to problems in understanding and in law enforcement practice. In this regard, it seems necessary to develop a unified approach to understanding the terms that are used in national regulatory legal acts and international standards on the electoral process.

The article provides a comparative legal analysis of the definitions of electronic voting and remote electronic voting in accordance with international standards of the European Union and Russian legislation, identifies differences, formulates proposals for amendments to the current Russian legislation. The author's formulations of the definitions of electronic voting and remote electronic voting are proposed.

Keywords: *digitalization of the electoral process, software and hardware, the concept of electronic voting, types of electronic voting, the concept of remote electronic voting*

Recommended citation

Bylinkina E. V. Ponyatie i vidy elektronnoho gosovaniya v Rossii i za rubezhom: sravnitel'no-pravovoi analiz [The Concept and Types of Electronic Voting in Russia and Abroad: A Comparative Legal Analysis], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2021, no. 5, pp. 4–10. DOI: 10.34076/2410_2709_2021_5_4.

References

Antonov Ya. V. *Konstitutsionnost' elektronnoho gosovaniya i elektronnoi demokratii* [The Constitutionality of E-Voting and E-Democracy], Lambert Academic Publishing, 2013, 153 p.

Borisov I. B., Golovin A. G., Ignatov A. V. *Vybory v mire: elektronnoe gosovanie* [Global Elections: E-Voting], Moscow, Ros. obshchestv. in-t izbirat. prava, 2020, 218 p.

Gontar' S. G. *Elektronnoe gosovanie – novaya vozmozhnost' uchastiya grazhdan v formirovanii organov vlasti* [Electronic Voting as a New Opportunity for Civil Participation in the Establishment of Government Authorities], *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie*, 2019, no. 4, pp. 29–33.

Grigor'ev A. V. *Konstitutsionno-pravovoe regulirovanie ispol'zovaniya sovremennykh informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologii pri osushchestvlenii institutov pryamoi demokratsii v Rossii* [Constitutional and Legal Regulation of the Use of Modern Information and Communication Technologies in the Implementation of Institutions of Direct Democracy in Russia]: cand. jur. sc. thesis, Moscow, 2020, 224 p.

Kiseleva N. V. *Elektronnoe golosovanie v Rossii: ponyatie i vidy* [Electronic Voting in Russia: Concept and Types], *Aktual'nye problemy teorii i istorii pravovoi sistemy obshchestva*, 2020, no. 19, pp. 37–43.

Kuryachaya M. M. *Elektronnoe golosovanie kak etap razvitiya neposredstvennoi demokratsii* [Electronic Voting as a Direct Democracy Development Stage], *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, 2017, no. 11, pp. 31–35.

Libanova S. E., Bylinkina E. V. *Tekhnologiya blokchein: vozmozhnosti i riski primeneniya v izbiratel'nom protsesse* [The Blockchain Technology: Opportunities and Risks of Application in the Electoral Process], *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, 2021, no. 2, pp. 34–38.

Lysenko V. I. *Natsional'nyi registr izbiratelei, fotoidentifikatsiya izbiratelei i spiski izbiratelei: zarubezhnyi opyt* [National Voter Register, Voter Photo-ID and Voter Lists: Foreign Experience], 2019, available at: <http://www.rfsv.ru/education/informirovanie/natsionalnyi-registr-izbiratelei-fotoidentifikatsiia-izbiratelei-i-spiski-izbiratelei-zarubezhnyi-opyt#> (accessed: 01.06.2021).

Matrenina K. Yu. *Stanovlenie elektronnoy golosovaniya na vyborakh v Rossiiskoi Federatsii i perspektivy ego razvitiya (konstitutsionno-pravovoe issledovanie)* [Formation of Electronic Voting in Elections in the Russian Federation and Prospects for Its Development (Constitutional and Legal Research)]: cand. jur. sc. thesis, Tyumen, 2016, 224 p.

Maurer A. D. *New Technologies in the Electoral Cycle*, 2020, available at: <https://rm.coe.int/electoralprocess-adrizamaurer-rev202003/1680a07b3b> (accessed: 01.06.2021).

Maurer A. D. *Updated European Standards for E-Voting*, Krimmer R., Volkamer M., Braun Binder N. etc. (eds.) *International Joint Conference on Electronic Voting: conference papers*, Bregenz, Springer, 2017, pp. 146–162.

Mityaeva Yu. V. *Opyt provedeniya internet-golosovaniya na vyborakh i referendumakh v Rossii i za rubezhom* [Experience of Internet Voting in Elections And Referenda in Russia and Abroad], 2013, available at: <http://www.rcoit.ru/news/17065/> (accessed: 01.06.2021).

Salikov M. S., Nesmeyanova S. E., Mochalov A. N. etc. *Prava cheloveka v seti Internet* [Human Rights on the Internet], Ekaterinburg, Izd-vo UMTs UPI, 2019, 148 p.

Savchenko M. S., Likholatov G. S. *Sovremennye tekhnologii v izbiratel'nom protsesse: osobennosti i perspektivy razvitiya* [Modern Technologies in the Electoral Process: Features and Development Prospects], *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, 2020, no. 12, pp. 62–64.

Elena Bylinkina – associate professor of the Department of state legal and financial legal disciplines, head of the legal clinic, Moscow Financial and Law University, doctoral student of the Department of constitutional law, Ural State Law University. 117342, Russian Federation, Moscow, Vvedenskogo str., 1A. E-mail: Bylinkina.elena@gmail.com.

ORCID: 0000-0002-9999-6199

Дата поступления в редакцию / Received: 08.06.2021

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 01.09.2021

М. В. Садовой

Уральский государственный юридический университет
(Екатеринбург)

О ПОДХОДАХ К ПОНИМАНИЮ КАТЕГОРИИ НЕЗАВИСИМОСТИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» устанавливает, что в целях защиты основ конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина, обеспечения верховенства и прямого действия Конституции РФ Конституционный Суд РФ осуществляет судебную власть самостоятельно и независимо. В статье рассматриваются подходы к пониманию категории независимости как принципа деятельности Суда.

Автором указаны основные политико-правовые идеи, на которых базируется концепция учреждения независимого органа конституционного контроля. Изложены основы нормативного закрепления принципа независимости Конституционного Суда РФ с учетом как отечественного законодательства, так и источников международного права. Выделены различные подходы к использованию терминологии в рамках изучения данного принципа. В заключение предложен обобщающий вариант определения независимости как принципа деятельности Конституционного Суда Российской Федерации, подразумевающий выделение свойств независимости, самостоятельности и беспристрастности как составляющих элементов этого принципа.

Ключевые слова: Конституционный Суд Российской Федерации, принцип независимости, независимость, самостоятельность, беспристрастность

Для цитирования

Садовой М. В. О подходах к пониманию категории независимости Конституционного Суда Российской Федерации // Российское право: образование, практика, наука. 2021. № 5. С. 11–17. DOI: 10.34076/2410_2709_2021_5_11.

УДК 342.08

DOI: 10.34076/2410_2709_2021_5_11

Конституционный контроль в современном понимании является средством правовой охраны конституции. Логичным будет вывод о том, что конституционный контроль мог появиться лишь после того, как появились конституции. Тогда же возникли и вопросы, связанные с проблемой независимости органа конституционного контроля как принципа его деятельности. Но если рассматривать конституционный контроль шире, как проверку соответствия законов, различных юридических процессов основам правопорядка, то идеи о подобном контроле, а также о том, что он должен осуществляться независимым субъектом, высказывались мыслителями и до появления современных конституций.

Ж.-Ж. Руссо считал, что в основе государства лежит соглашение о создании го-

сударственной власти и законов, которым все будут подчиняться. Характерной чертой правящих субъектов Руссо называл стремление к узурпации власти, поэтому народ должен иметь гарантии защиты от злоупотребления государственными органами своей властью. Одной из таких гарантий, по мнению Руссо, выступает специальный контролирующий орган – трибунал. Он должен не только защищать население от неправомерных действий государства, но и защищать государство от населения и поддерживать равновесие между ними [Руссо 1998: 305–307]. Трибунату отводится особое место в государственной системе: он не должен иметь полномочий, присущих органам законодательной и исполнительной власти. Полномочия трибунала заключаются в том,

что он, будучи независимым арбитром, вправе отменять решения властвующих субъектов. При этом его полномочия также должны быть предустановлены, чтобы трибунал не мог обладать неограниченной властью. В подобных условиях трибунал становится опорой стабильности государства.

Идея независимого органа конституционного судебного контроля в ее современном понимании отражена в трудах Г. Кельзена. Рассматривая конституцию как фундаментальную норму, являющуюся основой для создания законов, соответствующих ей, Кельзен исследовал гарантии конституционности норм права. При этом наиболее эффективной гарантией автор считал отмену неконституционной нормы. По его мнению, в случае если отмена неконституционной нормы находится в компетенции органа, ее издавшего, то невозможно говорить о наличии гарантий конституционности норм права. Такой механизм Кельзен называл «политической наивностью», поскольку законодатель не заинтересован в осуществлении самоконтроля и рассматривает себя лишь в роли творца права [Кельзен 2006: 5]. В связи с этим конституционность нормативных актов может быть обеспечена лишь независимым судебным органом, который вправе отменять неконституционный нормативный акт.

Стоит отметить, что под независимостью Кельзен понимал такое положение конституционного суда, при котором в своей деятельности он не может подчиняться приказам других органов и быть им юридически обязанным. При этом независимость органа конституционного контроля от других государственных органов заключается не только в неподчинении судебной власти законодательной и исполнительной ветвям, но и в отсутствии какого-либо вышестоящего судебного органа по отношению к конституционному суду. Данная модель охраны конституционной законности реализована в отечественном правовом порядке посредством создания Конституционного Суда РФ, одним из принципов деятельности которого является независимость.

Согласно ст. 10 Конституции РФ государственная власть делится на три ветви: законодательную, исполнительную и судебную. При этом презюмируется, что органы трех ветвей власти самостоятельны. Так, в ст. 120 устанавливается принцип независимости су-

дей и подчинения их только Конституции и федеральному закону, а в ст. 124 – правило, согласно которому суды должны получать из федерального бюджета финансирование, достаточное для полного и независимого осуществления правосудия. Указанные статьи составляют основу принципа независимости Конституционного Суда.

Принцип независимости судебных органов закреплен и международным правом. Например, ст. 10 Всеобщей декларации прав человека, п. 1 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод предусматривают право человека на судебное разбирательство независимым и беспристрастным судом.

Таким образом, закрепление принципа независимости на уровне Конституции и базовых международно-правовых актов отражает возможность обеспечения верховенства права, защиты прав и свобод человека, системы разделения властей только в случае существования независимого суда. Несомненно, для реализации принципа независимости суда недостаточно лишь провозгласить его на уровне правовых норм фундаментальных источников права, часть которых в определенной степени являются нормами программного характера (речь идет о декларативных международных актах). Необходим законодательный механизм реализации принципа независимости, устанавливающий правовые и экономические гарантии самостоятельности суда.

На уровне международного права базовые декларативные нормы предусмотрены в Основных принципах независимости судебных органов (приняты седьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Милан, 26 августа – 6 сентября 1985 г.). Большая часть этих норм касается правового статуса судьи: судья должен обладать знаниями в области права, а законодательство должно предусматривать квалификационные требования к кандидату на должность судьи; деятельность судьи должна быть гарантирована закрепленным законом сроком полномочий и набором социальных гарантий и т. д. Основные же принципы построения независимой судебной власти согласно этому документу таковы:

независимость судов должна быть закреплена законодательно и должна охраняться государством;

государство должно наделить суды необходимой полнотой власти для разрешения дел в рамках установленного законом процессуального порядка;

третьи лица не вправе вмешиваться в деятельность судов.

Представляется, что в отечественном законодательстве механизм реализации принципа независимости Конституционного Суда не может быть установлен в виде закрытой системы норм, закрепленной отдельным законом о независимости Конституционного Суда, либо отдельным разделом в Федеральном конституционном законе от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации». Скорее, этот механизм должен представлять собой комплекс правовых норм, закрепленных в нормативных актах конституционного, процессуального, уголовного и иных отраслей права. Именно по такой модели построено действующее правовое регулирование.

Безусловно, фундаментом для принципа независимости Конституционного Суда является Конституция, однако большая часть норм права, применяемых в рамках реализации данного принципа, содержится в Федеральном конституционном законе от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (в том числе нормы о самостоятельности судов и независимости судей, обязанности судебных постановлений и т. д.), Законе РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» (в том числе гарантии независимости судьи) и Федеральном конституционном законе «О Конституционном Суде Российской Федерации» (комплекс норм о правовом статусе Суда и гарантиях его деятельности). Значение для реализации принципа независимости Суда имеют и нормы иных отраслей права: нормы об особом порядке уголовного судопроизводства в отношении судьи Конституционного Суда в Уголовно-процессуальном кодексе РФ, нормы о наказании за воспрепятствование осуществлению правосудия в Уголовном кодексе РФ, нормы об определении объема бюджетных ассигнований в части обеспечения функционирования Конституционного Суда в Бюджетном кодексе РФ и т. д. Таким образом, можно говорить о наличии в отечественном законодательстве меж-

отраслевого института независимости Конституционного Суда.

В целом категория независимости означает такое свойство сущности, при котором она обладает собственной ценностью, характеризуется самостоятельным началом, не детерминируемым внешними обстоятельствами и причинами [Философский словарь 2001: 361]. Для определения независимости деятельности Конституционного Суда указанное философское определение нуждается в уточнении,

В отечественном законодательстве механизм реализации принципа независимости Конституционного Суда не может быть установлен в виде закрытой системы норм, закрепленной отдельным законом о независимости Конституционного Суда, либо отдельным разделом в Законе о Конституционном Суде

однако оно отражает ключевые характеристики объекта, которому присуще свойство независимости: самостоятельное начало и неподверженность воздействию внешних сил.

В юридической литературе неоднократно рассматривался вопрос об определении термина независимости в отношении как судебной власти в целом, так и Конституционного Суда.

Ряд авторов не считают независимость и самостоятельность судебной власти отдельными категориями. Например, Ю. Ф. Беспалов под независимостью понимал способность суда самостоятельно, в строгом соответствии с нормами судопроизводства и своей совестью постановить законный, обоснованный судебный акт в разумные сроки [Беспалов 2008]. При данном подходе самостоятельность является составной частью статуса независимости суда, т. е. самостоятельность и независимость рассматриваются как часть и целое.

Можно встретить и иные подходы, при которых независимость и самостоятельность наполняются разным содержанием. И. Ю. Носков предлагает понимать под независимостью судебной власти исключение влияния внешних факторов на процесс исполнения ею своей функции. При этом автор в качестве отдельной характеристики выде-

ляет самостоятельность судебной власти как ее готовность и способность выполнять свое предназначение в полном объеме самой, без посторонней помощи [Носков 2013]. Таким образом, выделяются две характеристики судебной власти: независимость как отсутствие внешнего воздействия на суд и самостоятельность как способность суда осуществлять свои полномочия.

Третий подход соединяет первые два и говорит о том, что независимость и самостоятельность – это разные, но неотделимые характеристики. По мнению Н. И. Газетдинова, свойства независимости и самостоятельности судебной власти не могут существовать в отрыве друг от друга [Газетдинов 2015]. При этом автор определяет самостоятельность как организационное построение судебной власти, при котором она автономна по отношению к другим ветвям государственной власти. Независимость же Н. И. Газетдинов понимает как сущностную самостоятельность судебной власти, проявляющуюся в независимом осуществлении судом своих полномочий. Таким образом, автор предлагает разделять внешнюю и внутреннюю составляющие статуса независимости: организационную самостоятельность от иных государственных органов (внешнюю составляющую) и независимость при реализации своих полномочий (внутреннюю составляющую).

Также наряду с независимостью и самостоятельностью выделяют понятие беспристрастности суда. Например, А. Н. Шадарова на основе анализа положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод предлагает рассматривать беспристрастность как отсутствие предубежденности, предвзятости [Шадарова 2016].

В учебной литературе также встречаются разные подходы к определению терминов «независимость» и «самостоятельность». В частности, С. В. Нарутто предлагает определять принцип независимости через свойство самостоятельности: принцип независимости суда и судей означает самостоятельное осуществление ими судебной власти, подчинение судей Конституционного Суда только Конституции, Закону о Конституционном Суде и своей совести [Нарутто, Несмеянова, Шугрина 2014: 69]. В учебнике по конституционному судебному процессу

под редакцией М. С. Саликова используется похожий подход, согласно которому самостоятельность в принятии решений органами судебной власти говорит об их независимости от других органов [Конституционный судебный процесс 2020: 45].

В иных случаях самостоятельность и независимость также рассматриваются как близкие, но разные по содержанию понятия. Так, по мнению Н. В. Витрука, самостоятельность Конституционного Суда означает строгое определение его полномочий (юрисдикции) и их осуществление в соответствии с требованиями конституции и закона; независимость Конституционного Суда обусловлена его возможностью осуществлять свои полномочия объективно и беспристрастно, не испытывая какого-либо влияния, а тем более давления со стороны законодательной и исполнительной властей [Витрук 2010: 181]. При этом Н. В. Витрук называет самостоятельность и независимость одними из основных принципов организации и функционирования Конституционного Суда. В этой части позиции ученых-конституционалистов единообразны: несмотря на некоторую разницу в терминологии принято относить независимость и самостоятельность Конституционного Суда к числу принципов его деятельности [Авакьян 2021: 761; Несмеянова 2018: 60].

Стоит обратить внимание на подход, предложенный В. Д. Зорькиным. С его точки зрения, независимость имеет институциональный и содержательный аспекты. Институциональный аспект выражается в самостоятельности суда по отношению к другим государственным органам, а содержательный – в беспристрастности судей, т. е. в их подчинении только закону [Зорькин 2019: 7].

Таким образом, можно отметить, что в юридической науке существует многообразие вариантов определения терминов «независимость» «самостоятельность» и «беспристрастность». Характеристики, которые, по мнению одних авторов, наполняют содержанием термин «независимость», другие авторы могут отнести к самостоятельности и наоборот. Понятия «независимость» и «самостоятельность» могут как разграничиваться, так и считаться тождественными. Представляется, что разнообразие в терминологии в данном вопросе не говорит о том, что в юридической литературе имеют место существенные разногласия относительно содержания неза-

висимости как правовой категории. Так или иначе, используя синонимические определения указанных терминов, авторы раскрывают их сущностные характеристики, к которым стоит отнести следующие:

особое место суда в системе органов государственной власти, при котором отсутствуют какие-либо субъекты, оказывающие влияние на волю суда при разрешении им правовых споров;

способность суда реализовывать свои полномочия самостоятельно, без посторонней помощи;

подчинение судей только Конституции и закону;

отсутствие предвзятого отношения суда к сторонам процесса и рассматриваемому спору.

На основании изложенного предлагаем обобщающий вариант определения независимости Конституционного Суда как одного из главных принципов его деятельности и осуществления конституционного судопроизводства. Он заключается в одновременном наличии у Суда следующих свойств:

независимости как отсутствия воздействия на Суд третьих лиц при отправлении правосудия. Независимость заключается в отсутствии лиц, в отношении которых Суд является юридически обязанным, а также в обеспечении условий, при которых невозможно оказание какого-либо влияния на Суд при осуществлении им своей деятельности. Таким образом, данный аспект принципа независимости отражает независимое положение суда в системе государственной власти и судебной системе;

самостоятельности как наличия у Суда всей полноты государственной власти и организационно-технических средств, необхо-

димых для отправления правосудия. Данное свойство заключается в наделении Суда необходимыми полномочиями, правовыми и материальными гарантиями осуществления им своей деятельности, которые позволяют Суду реализовывать свои полномочия самостоятельно. Самостоятельность как аспект принципа независимости отражает возможность Суда осуществлять деятельность автономно, без помощи третьих лиц;

беспристрастности как объективного отношения Суда к сторонам процесса и возникшему правовому спору, отсутствия предвзятости и предубеждения. В отличие от независимости и самостоятельности, которые обеспечиваются в большей степени гарантиями, закрепленными действующим законодательством, и невмешательством в деятельность суда третьих лиц, беспристрастность во многом зависит от самих судей и обеспечивается их высокой квалификацией.

Поскольку Конституционный Суд посредством конституционного судопроизводства напрямую влияет на обеспечение конституционно-правового баланса в российском обществе, он может эффективно осуществлять свои функции, только будучи независимым органом, обладающим вышеуказанными свойствами независимости, самостоятельности и беспристрастности. Вопрос реализации принципа независимости Конституционного Суда остается актуальным, поскольку возможное негативное влияние конституционной реформы 2020 г. на независимость судебной власти вызывает беспокойство в юридическом сообществе [Жуйков, Воскобитова, Ярков 2020]. В связи с этим можно сделать вывод, что данный вопрос может стать предметом дальнейших исследований.

Список литературы

Авакьян С. А. Конституционное право России. Учебный курс: учеб. пособие: в 2 т. М.: Норма; Инфра-М, 2021. Т. 2. 912 с.

Беспалов Ю. Проблемы независимости судебной власти и пути их решения // *Мировой судья*. 2008. № 8. С. 26–29.

Витрук Н. В. Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс: учеб. пособие. М.: Норма; Инфра-М, 2010. 592 с.

Жуйков В., Воскобитова Л., Ярков В. и др. Конституционные поправки и независимость суда // *Закон*. 2020. № 2. С. 33–43.

Газетдинов Н. И. Самостоятельность и независимость судебной власти // *Российская юстиция*. 2015. № 12. С. 34–47.

Зорькин В. Д. Конституционный Суд России: доктрина и практика: моногр. М.: Норма, 2019. 592 с.

Кельзен Г. Судебная гарантия Конституции (конституционная юстиция) // Право и политика. 2006. № 9. С. 5–18.

Конституционный судебный процесс: учеб. для бакалавриата / отв. ред. М. С. Саликов. М.: Норма; Инфра-М, 2020. 368 с.

Нарутто С. В., Несмеянова С. Э., Шугрина Е. С. Конституционный судебный процесс: учеб. для магистрантов, аспирантов, преподавателей. М.: Норма; Инфра-М, 2014. 432 с.

Несмеянова С. Э. Конституционный судебный процесс: учеб. пособие. М.: РИОР; Инфра-М, 2018. 200 с.

Носков И. Ю. Об особенном и общем в содержании понятий «независимость судебной власти, судьи» и «самостоятельность судебной власти, судьи» // Российский судья. 2013. № 1. С. 39–42.

Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты / пер. с фр. М.: КАНОН-пресс; Кучково поле, 1998. 416 с.

Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. М.: Республика, 2001. 719 с.

Шадарова А. Н. Независимость и беспристрастность суда по смыслу статьи 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 7. С. 160–165.

Михаил Вадимович Садовой – аспирант кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: sadovoy1996@gmail.com.

ORCID: 0000-0003-4867-4277

Approaches to Understanding the Category of Independence of the Constitutional Court of the Russian Federation

The Federal Constitutional Law of July 21, 1994 № 1-FKZ «On the Constitutional Court of the Russian Federation» establishes that in order to protect the foundations of the constitutional system, the fundamental rights and freedoms of man and citizen, to ensure the supremacy and direct effect of the Constitution of the Russian Federation, the Constitutional Court of the Russian Federation exercises judicial power autonomously and independently. The author of the paper considers different approaches to the understanding the category of independence as a principle of the activity of the Court.

The author identifies the main political and legal ideas on which the concept of establishing an independent constitutional control body is based. The basics of legal regulation of the principle of independence of the Constitutional Court of the Russian Federation in domestic legislation and international law are described. Various approaches to the use of terminology in the study of this principle are highlighted. In conclusion, the author offers a generalizing version of the definition of independence as a principle of activity of the Constitutional Court of the Russian Federation.

Keywords: *the Constitutional Court of the Russian Federation, principle of independence, independence, autonomy, impartiality*

Recommended citation

Sadovoy M. V. O podkhodakh k ponimaniyu kategorii nezavisimosti Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii [Approaches to the Understanding the Category of Independence of the Constitutional Court of the Russian Federation], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2021, no. 5, pp. 11–17, DOI: 10.34076/2410_2709_2021_5_11.

References

Avak'yan S. A. *Konstitutsionnoe pravo Rossii. Uchebnyi kurs* [Constitutional Law of Russia. Training Course], Moscow, Norma, Infra-M, 2021, 912 p.

Bespalov Yu. Problemy nezavisimosti sudebnoi vlasti i puti ikh resheniya [Problems of Judicial Independence and Ways to Solve them], *Mirovoi sud'ya*, 2008, no. 8, pp. 26–29.

Frolova I. T. (ed.) *Filosofskii slovar'* [Philosophical Dictionary], Moscow, Respublika, 2001, 719 p.

Gazetdinov N. I. Samostoyatel'nost' i nezavisimost' sudebnoi vlasti [The Autonomy and Independence of the Judiciary], *Rossiiskaya yustitsiya*, 2015, no. 12, pp. 34–47.

Kel'zen G. Sudebnaya garantiya Konstitutsii (konstitutsionnaya yustitsiya) [Judicial Guarantee of the Constitution (Constitutional Justice)], *Pravo i politika*, 2006, no. 9, pp. 5–18.

Narutto S. V., Nesmeyanova S. E., Shugrina E. S. *Konstitutsionnyi sudebnyi protsess* [Constitutional Judicial Process], Moscow, Norma, Infra-M, 2014, 432 p.

Nesmeyanova S. E. *Konstitutsionnyi sudebnyi protsess* [Constitutional Judicial Procedure], Moscow, RIOR, Infra-M, 2018, 200 p.

Noskov I. Yu. Ob osobennom i obshchem v sodержanii ponyatii «nezavisimost' sudebnoi vlasti, sud'i» i «samostoyatel'nost' sudebnoi vlasti, sud'i» [On Special and General Contents of the Concepts of «Independence of Judicial Power, Judge» and «Autonomy of Judicial Power, Judge»], *Rossiiskii sud'ya*, 2013, no. 1, pp. 39–42.

Russo Zh.-Zh. *Ob obshchestvennom dogovore. Traktaty* [About the Social Contract. Treatises], Moscow, KANON-press, Kuchkovo pole, 1998, 416 p.

Salikov M. S. (ed.) *Konstitutsionnyi sudebnyi protsess* [Constitutional Judicial Process], Moscow, Norma, Infra-M, 2020, 368 p.

Shadarova A. N. Nezavisimost' i bespristrastnost' suda po smyslu stat'i 6 Evropeiskoi konventsii o zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod [Independence and Impartiality of the Court within the Meaning of Article 6 of the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms], *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, 2016, no. 7, pp. 160–165.

Vitruk N. V. *Konstitutsionnoe pravosudie. Sudebno-konstitutsionnoe pravo i protsess* [Constitutional Justice. Judicial and Constitutional Law and Procedure], Moscow, Norma, Infra-M, 2010, 592 p.

Zhuikov V., Voskobitova L., Yarkov V. etc. *Konstitutsionnye popravki i nezavisimost' suda* [Constitutional Amendments and the Independence of the Court], *Zakon*, 2020, no. 2, pp. 33–43.

Zor'kin V. D. *Konstitutsionnyi Sud Rossii: doktrina i praktika* [Constitutional Court of Russia: Doctrine and Practice], Moscow, Norma, 2019, 592 p.

Mikhail Sadovoy – postgraduate student of the Department of constitutional law, Ural State Law University. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: sadovoy1996@gmail.com.

ORCID: 0000-0003-4867-4277

Дата поступления в редакцию / Received: 03.09.2021

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 01.10.2021

Д. В. Мурзин

Уральский государственный юридический университет
(Екатеринбург)

ИНОЕ ИМУЩЕСТВО В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ: ОБЪЕКТЫ АБСОЛЮТНЫХ И ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ПРАВ*

В ходе реформы российского гражданского законодательства существенному изменению подверглась классификация объектов гражданских прав в ст. 128 Гражданского кодекса РФ, прежде всего в части жесткого разграничения вещей и иного имущества. При этом без четкого ответа остается вопрос о том, к объектам каких прав – абсолютных или относительных – относится иное имущество.

В статье подвергнуты системному анализу признаки объектов гражданских прав на предмет их относимости к абсолютному праву. Иное (нематериальное) имущество считается объектом абсолютного права, если это имущество можно долгосрочно или повторно использовать. Автор доказывает, что наличные деньги и документарные ценные бумаги являются объектами вещных прав, но безналичные деньги относятся к объектам обязательственных прав, а бездокументарные ценные бумаги – к объектам абсолютных прав. Корпоративные права, обособленные в виде «доли участия» (в том числе акции и доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью), являются не субъективными правами, а объектом абсолютных прав. Цифровые права, напротив, представляют собой субъективные гражданские права на имущество и уже в зависимости от вида этого имущества делятся на абсолютные или относительные.

Автор делает вывод, что квалификация иного имущества в качестве объектов абсолютных прав служит предпосылкой для разработки виндикационной модели – общего способа защиты всякого нарушенного абсолютного права, направленного на восстановление господства над утраченным имуществом в зависимости от способа легитимации правообладателя, предусмотренного для различных объектов абсолютных прав.

Ключевые слова: объекты гражданских прав, абсолютное право, вещи, иное имущество, корпоративные права, цифровые права

Для цитирования

Мурзин Д. В. Иное имущество в гражданском праве: объекты абсолютных и относительных прав // Российское право: образование, практика, наука. 2021. № 5. С. 18–28. DOI: 10.34076/2410_2709_2021_5_18.

УДК 347.2/.3

DOI: 10.34076/2410_2709_2021_5_18

Открытый перечень объектов гражданских прав дан в ст. 128 Гражданского кодекса РФ. Отечественные теоретики права всегда отмечали, что в гражданском праве термин «имущество» многозначен: это, во-первых, материальные (телесные) вещи, во-вторых, вещи и имущественные права, в-третьих, совокупность вещей, имущественных прав и обязанностей (долгов). Первое (узкое) значение имущества как материальной вещи применимо к объектам права собственности. Вплоть до 1 октября 2013 г. к объектам гражданских

прав относились «вещи, включая деньги и ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права».

Статья 128 ГК РФ подверглась кардинальным изменениям в ходе реформы гражданского законодательства¹. Появилось жесткое разграничение имущества на материальное и нематериальное: с 1 октября 2013 г. к объектам гражданских прав относятся: 1) вещи, включая наличные деньги и документарные ценные бумаги, 2) иное имущество, в том числе имущественные права (включая безна-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-15016.

¹ Федеральный закон от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

личные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права)¹. Цель подобного разграничения заключается в том, чтобы ограничить имущество, могущее быть объектом права собственности.

В ожидаемых изменениях раздела ГК РФ о вещных правах разделение объектов получит закономерное развитие: объектами владения и вещных прав будут признаваться только вещи, включая наличные деньги и документарные ценные бумаги (п. 1 ст. 211, п. 1 ст. 222 проекта федерального закона № 47538-6/5 «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации»²). Тем самым российское законодательство приблизится к достижениям немецкого права конца XIX в.: § 90 ГГУ гласит, что «вещами в смысле закона признаются лишь материальные предметы». Российский законодатель избрал вариант правового регулирования, при котором круг объектов владения и права собственности жестко ограничивается вещами, но одновременно разрабатываются специальные способы защиты обладателей прав на иное имущество. Правда, эти специальные способы появляются в законодательстве «задним числом» и направлены на разрешение конкретных проблем. Например, п. 3 ст. 65.2 ГК РФ посвящен возврату доли участия в коммерческой корпорации, а ст. 149.3–149.4 ГК РФ – истребованию бездокументарных ценных бумаг.

В обобщенном виде признаки объекта имущественных гражданских прав могут быть определены как «направленность действий субъектов на соответствующее явление, ценность, возможность господства, ограниченность, дискретность, признание правом и состояние присвоенности» [Васильев 2005: 5]. Это позволяет на научной основе квалифицировать как объекты гражданских прав новые «субстанции», не имеющие материальной оболочки.

Смысл выявления и закрепления новых объектов заключается в привязке их к конкретным субъективным гражданским правам. Особый интерес вызывает квалификация какого-либо имущества в качестве объектов абсолютных прав, что влечет возможность истребования этого имущества из чужого незаконного обладания по общим для всех

абсолютных прав правилам, основанным на виндикационной модели защиты прав. В настоящей работе «иное» (нематериальное) имущество считается объектом абсолютного права, *если это имущество можно длительно или повторно использовать*.

Бесспорными абсолютными правами в отечественной науке и практике признаются вещные и интеллектуальные права. Таким образом, для целей настоящей работы исследованию подлежат только права на иное имущество, как указанное в ст. 128 ГК РФ, так и не указанное в ней. Статья 128 ГК РФ включает в иное имущество безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права. Следует также в качестве иного имущества рассмотреть «корпоративные права» и долю в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью.

1. Безналичные денежные средства. Конституционный Суд РФ указывает следующее: «Статья 128 ГК РФ относит к числу объектов гражданских прав вещи, включая наличные деньги и документарные ценные бумаги, а также иное имущество, в том числе безналичные денежные средства. Из этого следует, что безналичные денежные средства, будучи разновидностью имущества, не относятся к вещам, а потому не могут являться объектом вещных прав в гражданско-правовом смысле, – по своей природе безналичные денежные средства, существующие в виде записи на банковском счете кредитора (их обладателя), представляют собой его обязательственное требование на определенную сумму к кредитной организации, в которой открыт данный счет»³.

В отечественной доктрине взгляд на безналичные денежные средства как на права требования к банку преобладает со времен, когда это мнение было высказано Л. А. Лунцем в 1948 г. [Лунц 1999: 291]. Наличные деньги признаются объектами вещных прав в силу своей материальности. Оппозицией подобной трактовке выступает «вещно-обязательственная правовая теория денег», признающая одинаковую природу всех видов денег как единого объекта гражданских прав [Арнаутов, Ерохина 2019]. Но по данной теории природа прав на безналичные денежные

¹ Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации».

² URL: <http://privlaw.ru/povestka-47/> (дата обращения: 30.05.2021).

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 10 декабря 2014 г. № 31-П по делу о проверке конституционности частей шестой и седьмой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой закрытого акционерного общества «Глория».

средства является полностью неопределенной, поэтому предпочтение следует отдать концепции безналичных денег как прав требования.

2. Бездокументарные ценные бумаги.

Как объект гражданских прав бездокументарные ценные бумаги по-прежнему порождают дискуссии. Согласно классической теории ценные бумаги обладают двойственной правовой природой: они «суть воплощенное в документе обязательство» [Нерсесов 1999: 139]. Соответственно «в бумагах на предъявителя, как вообще в ценных бумагах, следует различать *право на документ* от *права из документа*... первое обсуждается по началам вещного права, второе – по началам обязательственного права» [Там же: 206]. Образно выражаясь, это означает, что право овеществляется в бумаге [Победоносцев 2003: 242–243; Агарков 1994: 177–178].

У бездокументарных ценных бумаг отсутствует материальная оболочка. В связи с этим положения ст. 128 ГК РФ о том, что бездокументарная бумага относится к имущественным правам, представляют собой не более, чем констатацию факта. Но при этом бездокументарная ценная бумага сохранила сущность юридической конструкции ценных бумаг. В отношении бездокументарной бумаги по-прежнему остаются в силе положения о «праве на бумагу» и «праве из бумаги». Современные исследователи подчеркивают, что «для гражданских отношений не имеет значения, на каком именно праве принадлежит акция, каким образом осуществляется легитимация обладателя этого права. Важен сам факт легитимации, законность обладания, сохранение принципа: тот, кто имеет законное „право на бумагу“, может осуществлять „права из бумаги“» [Козлова, Филиппова 2014: 18].

В современной отечественной литературе указывается, что бездокументарная бумага представляет собой форму (способ) фиксации имущественного права [Суханов 2017; Витрянский 2018]. Однако, если быть более точным, фиксации подлежат права на сами бездокументарные ценные бумаги: это способ легитимации в системе учета прав лица, которому принадлежат имущественные права из ценной бумаги (п. 6 ст. 143 ГК РФ). Способ установления правообладателя имущества еще не предопределяет характер права на это имущество. Поэтому, например, в литературе отмечается, что «право-

вое регулирование безналичных денежных средств существенно отличается от такового в отношении наличных денег», а особенно-сти бездокументарных ценных бумаг связаны исключительно с порядком учета [Никонова 2016: 8–9].

В связи с изложенным нельзя согласиться с мнением, будто бездокументарные ценные бумаги имеют тот же правовой режим, что и безналичные денежные средства, т. е. являются относительными правами требования к лицу, ведущему учет этих объектов [Белов 2018; Лисаченко 2014]. Учет безналичных денежных средств, принадлежащих кредиторскому клиенту, ведет банк, который одновременно выступает должником клиента по договору банковского счета или вклада. Учет бездокументарных ценных бумаг, принадлежащих правообладателю, ведется регистратором или депозитарием, статус которых определяется как статус лица, «производящего записи о переходе прав на бездокументарные бумаги и обременение таких бумаг» (п. 3 ст. 149, ст. 149.2 ГК РФ). Статус регистратора (депозитария), осуществляющего учет прав на бездокументарные ценные бумаги, идентичен по своим функциям, связанным с возникновением прав на имущество, со статусом государственного регистратора прав на недвижимость. Лицо, ведущее учет прав (даже связанное договором с правообладателем, как депозитарий) не является должником правообладателя по правам требования, удостоверенным бездокументарной бумагой.

Введение правового режима бездокументарных ценных бумаг означает только, что право на такие бумаги не считается вещным правом, но остается правом абсолютным. Право на бездокументарные ценные бумаги имеет все признаки абсолютного права: правообладатель осуществляет по своему усмотрению и в своих интересах независимо от других лиц полное господство над непосредственно ему принадлежащими имущественными правами, которые можно долгосрочно использовать.

3. Доля в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью.

Она традиционно относится к объектам гражданских прав, хотя никогда не была специально упомянута в их перечне в ст. 128 ГК РФ [Лапач 2006; Новоселова 2007: 208; Ломакин 2008; Гонгало 2011: 227; Глушецкий 2017]¹.

¹ См. также: абз. 3 п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2019 г. № 24 «О при-

В литературе [Ломакин 2020] и судебной практике¹ подчеркивается, что доля в уставном капитале не является вещью, но и не может быть просто сведена к имущественному праву (совокупности прав). Наиболее распространен подход, согласно которому доля в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью представляет собой совокупность закрепленных за лицом определенных имущественных и неимущественных прав и обязанностей участника общества и входит в состав такой группы объектов гражданских прав, как иное имущество².

В отечественной теории нет единого мнения о том, какова природа прав участника общества на долю в уставном капитале. Р. С. Бевзенко считает, что у участника нет никаких прав (права собственности либо каких-то других абсолютных прав) на долю в уставном капитале [цит. по: Зинченко 2015]. Кроме того, долю в уставном капитале рассматривали как объект права собственности, как часть обязательственного права требования участников хозяйственного общества к самому обществу, как имущественное право, как субъективное право особого рода, которое выражается через совокупность правомочий участника общества [Ситдикова, Помазкова 2020].

Представляется, что все альтернативные трактовки права на долю в уставном капитале призваны найти для доли иной правовой режим, чем право собственности. Черту под дискуссией подводит Л. А. Новоселова, которая пишет: «Право уступить долю другому участнику можно было бы с полным правом отнести к вещным, если только сам объект этого права обладал бы вещной природой. Ввиду непрекращающихся дискуссий о возможности установления вещного права на право ограничимся выводом о том, что такое право участника есть право абсолютное» [Новоселова 2007: 208]. А. В. Майфат

менении норм международного частного права судами Российской Федерации».

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 3 июля 2014 г. № 1564-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Соловьевой Татьяны Алексеевны на нарушение ее конституционных прав положением пункта 2 статьи 21 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью».

² Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 15 июля 2014 г. № 3640/14 по делу № А31-2337/2013.

обращает внимание на одинаковую правовую природу акций и долей в уставном капитале [Майфат 2020: 118]. В связи с этим указывается, что на долю в уставном капитале существует абсолютное право – такое же, как на бездокументарные акции [Филиппова, Шиткина 2019]. Данный подход следует признать правильным, поскольку право на долю в уставном капитале обладает теми же признаками абсолютного права на бездокументарные ценные бумаги, к которым относится и акция.

4. Корпоративные права. С 1 марта 2013 г. действуют изменения, внесенные в п. 1 ст. 2 ГК РФ в ходе реформы гражданского законодательства³. В соответствии с ними гражданское законодательство «регулирует отношения, связанные с участием в корпоративных организациях или с управлением ими (корпоративные отношения)». С 1 сентября 2014 г. в Гражданском кодексе РФ появились положения о корпоративных правах и обязанностях⁴.

В силу п. 2 ст. 65.1 ГК РФ корпоративные (членские) права и обязанности имеют участники юридического лица – корпоративной организации (корпорации) – в отношении корпорации в связи с участием в ней. В ст. 65.2 ГК РФ содержится открытый перечень прав и обязанностей участников корпораций: право участвовать в управлении делами корпорации, право на получение информации, право обжаловать решения органов корпорации и т. д. Для участников корпораций конкретных видов могут быть предусмотрены специальные корпоративные права: например, члены хозяйственных товариществ и обществ имеют право на участие в распределении прибыли товарищества или общества и право на ликвидационную квоту (п. 1 ст. 67 ГК РФ). Акции, доли и паи в уставном (складочном) капитале коммерческой корпорации являются объектами оборота. Корпоративные права участников некоммерческих организаций не оборотоспособны.

³ Подп. 2 п. 5 ст. 1 Федерального закона от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

⁴ Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации».

Тем не менее проблема защиты прав участника на принадлежащую ему долю участия может быть актуальна и для участников некоммерческих корпоративных организаций.

В ст. 128 ГК РФ корпоративные права не упоминаются. Вообще, неясно, считаются ли корпоративные права объектами гражданских прав или являются субъективными гражданскими правами с собственным объектом. В связи с этим ведется дискуссия о правовой природе корпоративных отношений: высказываются мнения об абсолютном [Ушницкий 2016] и относительном характере [Бородкин 2017; Подузова 2020: 93]. При этом в науке нет единства по поводу того, что является

Относительные корпоративные права, воплощенные в доле участия, являются объектом гражданских прав и принадлежат участнику корпорации на абсолютном праве

объектом корпоративных отношений: сам управляемый субъект (корпорация) [Гутников 2019], участие (членство) [Лаптев 2019], деятельность субъектов, направленная на получение материальных благ [Корпоративное право 2015]. В то же время исследователи отмечают, что корпоративные права могут воплощаться в особых объектах гражданских прав – акциях (долях, паях), и тогда имущественные и неимущественные права участников (членов) коммерческой корпорации образуют единый комплекс, который становится самостоятельным объектом гражданского оборота (участник корпорации может осуществить их отчуждение) [Ломакин 2020].

Давно отмечено, что ценная бумага, будучи самостоятельным объектом, представляет собой «оболочку» для имущественных прав [Степанов 2000: 133]. Акция – «оболочка» для корпоративных прав акционера. Очевидно, такой же «оболочкой» для корпоративных прав участника общества с ограниченной ответственностью служит доля в уставном капитале. «Оболочкой» для корпоративных прав участников иных коммерческих корпораций являются доля в складочном капитале (хозяйственные товарищества, хозяйственные партнерства), пай (производственные кооперативы). Поскольку правовая природа акций, долей и паев в уставном (складочном) капитале одина,

А. В. Габов предлагает распространить на любые права участия правовой режим ценной бумаги [Габов 2010: 180]. Это означает, что права участия (корпоративные права), воплощенные в акциях, долях, паях, признаются самостоятельными объектами гражданских прав, на которые у их обладателей (участников корпорации) существует абсолютное право.

В связи с защитой корпоративных прав российский законодатель употребляет термины «права участия» и «доля участия» (п. 3 ст. 65.2 ГК РФ). Доля участия означает идеальный объем прав, который участник имеет по отношению к корпорации, в то время как права участия могут трактоваться как формальное количественное определение этих прав (например, конкретное количество акций). В связи с этим необходимо использовать категорию «доля участия» для обозначения той «оболочки», в которую облечены корпоративные права.

Таким образом, относительные корпоративные права, воплощенные в доле участия, являются объектом гражданских прав и принадлежат участнику корпорации на абсолютном праве.

5. Цифровые права. С 1 октября 2019 г. в ст. 128 ГК РФ в числе объектов гражданских прав появились цифровые права как разновидность имущественных прав (которые сами входят в иное имущество). Гражданский кодекс РФ дополнен ст. 141.1 «Цифровые права» (Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ). В п. 1 данной статьи закреплено определение цифровых прав: ими признаются «названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам». Здесь же содержится указание на оборотоспособность цифровых прав и наличие своеобразной системы регистрации. В п. 2 говорится, что «обладателем цифрового права признается лицо, которое в соответствии с правилами информационной системы имеет возможность распоряжаться этим правом». Видимо, упоминания об оборотоспособности цифровых прав и о правообладателе призваны подтвердить квалификацию цифровых прав как самостоятельных объектов гражданских прав. Но ведь это неизбежно поднимает вопрос о «допустимости

каких-либо гражданских прав на сами цифровые права» [Лоренц 2020: 58].

При описании феномена цифровых прав используется понятие «токен»: «В странах общего и континентального права процесс „оцифровки“ объектов гражданских прав, придания им новой формы и, как следствие, нового правового значения получил название „токенизация“, а сами оцифрованные объекты – токены (знаки)» [Новоселова, Полежаев 2019].

Отечественные исследователи, основываясь на формулировках ГК РФ, приравнивают цифровые права к имуществу. Так, О. А. Городов пишет, что цифровые права – это «цифровые эквиваленты материальных и нематериальных активов» [Городов 2019: 8]. Однако специальное российское законодательство определяет следующие виды цифровых прав (утилитарных цифровых прав): 1) право требовать передачи вещи (вещей); 2) право требовать передачи исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и (или) прав использования результатов интеллектуальной деятельности; 3) право требовать выполнения работ и (или) оказания услуг¹. В финансовой сфере под цифровыми правами как разновидностью цифровых финансовых активов понимаются «денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг»².

Исходя из систематизации видов токенов, известных зарубежной практике, российское законодательство предусматривает «обеспеченные» токены, «которые представляют собой оцифрованные в виде записи в блокчейне права на традиционные объекты гражданских прав (товары, работы, услуги, права на результаты интеллектуальной деятельности и др.)» [Лоренц 2020: 58]. «В зависимости от вида таких объектов можно говорить о токенах, отражающих права их владельца на работы, услуги, вещи (движимые и не-

движимые), ценные бумаги, долю в уставном капитале, иные объекты» [Новоселова, Полежаев 2019].

Совет при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства дал следующую характеристику цифровых прав: «То, что понимается под цифровыми правами, на самом деле является лишь оформлением традиционных имущественных прав, причем совершенно разной природы – вещных прав, обязательственных прав, корпоративных прав, исключительных прав и даже личных неимущественных. Все эти права могут существовать в электронной форме, не создавая нового вида гражданского права»³. В юридической литературе указывается, что «введение в законодательство понятия „цифровые права“ является в принципе терминологически не вполне точным, а их отнесение к объектам гражданских прав – и вовсе ошибочным» [Коновеевская 2019: 333].

Действительная специфика токенов заключается в особой системе учета прав (цифровых прав) – блокчейне. Л. А. Новоселова отмечает, что «в большинстве систем блокчейна, применяемых для реализации коммерческих проектов, токен является способом фиксации определенных имущественных прав, и его принадлежность конкретному лицу характеризует владельца как обладателя этого имущественного права» [Новоселова 2017]. В данном контексте цифровые права определяются как «имущественные права их обладателя, который может распоряжаться ими без обращения к третьему лицу» [Андреев 2020]. Выражение «без обращения к третьему лицу» означает такой учет прав, при котором отсутствует необходимость действовать через регистратора, что свойственно традиционным системам регистрации или учета прав (ЕГРН, ЕГРЮЛ, реестр акционеров и т. п.). Согласно ст. 11 Федерального закона от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «информационные технологии

¹ Статья 8 Федерального закона от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

² Пункт 2 ст. 1 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

³ Экспертное заключение по проекту федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации»: принято на заседании Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 23 апреля 2018 г. // URL: <http://privlaw.ru/wp-content/uploads/2018/04/meeting-190418-zakonoproekt-2-project-conclusion.pdf> (дата обращения: 30.05.2021).

инвестиционной платформы осуществляют в автоматическом режиме (без участия человека) поддержание тождественности информации, содержащейся в базах данных инвестиционной платформы, на всех узлах инвестиционной платформы».

В связи с этим когда в отечественной литературе предлагается считать режимом цифровых прав «учет в открытом реестре на блокчейн-платформе, предусматривающей алгоритм перехода цифровых прав, аналогичный переходу прав по бездокументарной ценной бумаге» [Василевская 2019: 116], имеется в виду не сходство цифровых прав с ценной бумагой, а принадлежность цифровых прав к группе прав на регистрируемое имущество. Но в действительности субъективными правами выступают сами цифровые права, и уж они могут быть абсолютными или относительными в зависимости от объекта этих прав: например, относительное цифровое обязательственное право требовать передачи вещи или абсолютное цифровое право собственности на недвижимость. Особенности цифровых прав проявляются только в системе их учета. Поэтому, по словам Л. А. Новоселовой, «более правильным представляется на данный момент регулирование именно особых систем учета, позволяющих фиксировать права на объекты и результаты их передачи. Собственно, новыми являются механизмы подтверждения имущественных прав, их передачи, прекращения, а не сущность закрепленных в системе распределенных реестров прав» [Новоселова 2017].

Подводя итоги рассмотрения правовой природы прав на иное имущество, необходимо констатировать, что разделение в ст. 128 ГК РФ объектов на вещи и иное имущество решает только вопрос об отнесении вещей к объектам вещных прав, но не отвечает на вопрос о том, к объектам каких прав – абсолютных или относительных – относится иное имущество. Так, наличные деньги и документарные ценные бумаги (вещи) являются объектами вещных прав, но безналичные деньги входят в число объектов обязательственных прав, а бездокументарные ценные бумаги – в число объектов абсолютных прав. Корпоративные права, обособленные в виде доли участия (в частности, акции и доли в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью), являются не субъективными правами, а объектом абсолютных прав. Цифровые права, напротив, представляют собой субъективные гражданские права на имущество и уже в зависимости от вида этого имущества делятся на абсолютные или относительные.

Квалификация иного имущества в качестве объектов абсолютных прав служит предпосылкой для применения виндикационной модели защиты нарушенных прав правообладателя, т. е. влечет возможность истребования этого имущества из чужого незаконного обладания по общим для всех абсолютных прав правилам – посредством восстановления легитимации правообладателя с целью возврата ему господства над утраченными объектами абсолютных прав.

Список литературы

- Агарков М. М. Основы банковского права. Учение о ценных бумагах. М.: БЕК, 1994. 350 с.
- Андреев В. К. Динамика правового регулирования применения искусственного интеллекта // Журнал российского права. 2020. № 3. С. 58–68.
- Арнаутов Д. Р., Ерохина М. Г. Цифровые активы в системе российского права // Российский юридический журнал. 2019. № 4. С. 148–157.
- Белов В. А. Digital Private Law & Rights: размышления о преобразованиях, уже произведенных в частном праве развитием глобальной компьютерной сети Интернет, и о реформах, его скоро и неминуемо по той же причине ожидающих // Право в сфере Интернета: сб. ст. / отв. ред. М. А. Рожкова. М.: Статут, 2018. С. 256–310.
- Бородкин В. Г. Гражданско-правовое регулирование корпоративного договора в российском праве: моногр. М.: Юстицинформ, 2017. 224 с.
- Василевская Л. Ю. Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 5. С. 111–118.
- Васильев А. С. Гражданско-правовое регулирование отношений по использованию радиочастотного спектра: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. 26 с.

- Витрянский В. В.* Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. 2-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2018. 520 с.
- Габов А. В.* Общества с ограниченной и дополнительной ответственностью в российском законодательстве. М.: Статут, 2010. 253 с.
- Глушецкий А. А.* Открытые и закрытые корпорации. Особенности оборота долей в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью: правовой и экономический аспекты. М.: Статут, 2017. 192 с.
- Гонгало Б. М.* Доля в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью как объект гражданского оборота // Проблемы развития частного права: сб. ст. к юбилею В. С. Ема. М.: Статут, 2011. С. 224–239.
- Городов О. А.* Цифровое правоотношение: видовая принадлежность и содержание // Право и цифровая экономика. 2019. № 3. С. 5–10.
- Гутников О. В.* Корпоративная ответственность в гражданском праве: моногр. М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2019. 486 с.
- Зинченко С. А.* Акции (доли) хозяйственных обществ и корпоративный договор: правовая природа, взаимодействие // Гражданское право. 2015. № 1. С. 23–26.
- Козлова Н. В., Филиппова С. Ю.* Понятие, признаки и виды акционерных обществ в свете реформирования ГК РФ // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2014. № 6. С. 3–25.
- Конобеевская И. М.* Цифровые права как новый объект гражданских прав // Известия Саратовского университета. Новая сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2019. Т. 19. Вып. 3. С. 330–334.
- Корпоративное право: учеб. / отв. ред. И. С. Шиткина. 2-е изд., стереотип. М.: Кнорус, 2015. 1080 с.
- Лапач Л.* Доля в уставном капитале как «иное имущество» в системе объектов гражданских прав // Хозяйство и право. 2006. № 12. С. 58–68.
- Лантев В. А.* Корпоративное право: правовая организация корпоративных систем: моногр. М.: Проспект, 2019. 337 с.
- Лисаченко А. В.* Право виртуальных миров: новые объекты гражданских прав // Российский юридический журнал. 2014. № 2. С. 104–110.
- Ломакин Д. В.* Доли участия в уставных капиталах хозяйственных обществ как особые объекты гражданского оборота // Хозяйство и право. 2008. № 2. С. 44–57.
- Ломакин Д. В.* Коммерческие корпорации как субъекты корпоративных правоотношений: учеб. пособие. М.: Статут, 2020. 146 с.
- Лоренц Д. В.* Цифровые права в сфере недвижимости: юридическая природа и способы защиты // Российская юстиция. 2020. № 2. С. 57–60.
- Луц Л. А.* Деньги и денежные обязательства в гражданском праве. М.: Статут, 1999. 352 с.
- Майфат А. В.* Инвестирование: способы, риски, субъекты: моногр. М.: Статут, 2020. 176 с.
- Нерсесов Н. О.* Представительство и ценные бумаги в гражданском праве. М.: Статут, 1999. 286 с.
- Никонова М. Ю.* Безналичные деньги и бездокументарные ценные бумаги в составе конкурсной массы должника: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2016. 23 с.
- Новоселова Л. А.* «Токенизация» объектов гражданского права // Хозяйство и право. 2017. № 12. С. 29–44.
- Новоселова Л. А.* Оборотоспособность доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью // Объекты гражданского оборота: сб. ст. / отв. ред. М. А. Рожкова. М.: Статут, 2007. С. 197–230.
- Новоселова Л. А., Полежаев О. А.* Цифровые знаки как объекты гражданских прав // Предпринимательское право. 2019. № 4. С. 3–12.
- Победоносцев К. П.* Курс гражданского права: в 3 ч. М.: Статут, 2003. Ч. 3: Договоры и обязательства. 748 с.
- Подузова Е. Б.* Право как объект гражданских правоотношений в контексте цифровой среды и экономики совместного потребления // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 2. С. 86–93.

Ситдикова Л. Б., Помазкова С. И. Сравнительный анализ правовой природы права на долю в уставном капитале и права на ликвидационную долю (квоту) // Юрист. 2020. № 6. С. 56–63.

Степанов Д. Современное российское правопонимание ценных бумаг // Журнал российского права. 2000. № 7. С. 123–134.

Суханов Е. А. Вещное право: научно-познавательный очерк. М.: Статут, 2017. 560 с.

Ушницкий Р. Р. Статья 65.2 ГК РФ и природа корпоративного правоотношения // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2016. № 2. С. 57–60.

Филиппова С. Ю., Шуткина И. С. Продажа или приобретение бизнеса: правовое сопровождение сделки: моногр. М.: Статут, 2019. 191 с.

Дмитрий Витальевич Мурзин – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Уральского государственного юридического университета. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: grpravo@usla.ru.

ORCID: 0000-0002-0384-4351

Other Property in Civil Law: Objects of Absolute and Relative Rights

In the course of the reform of the Russian civil legislation, the classification of objects of civil rights in Article 128 of the Civil Code of the RF has undergone significant changes, primarily in terms of strict distinction between things and other property. The purpose of such distinction is to define tangible things as the only objects of ownership rights. At the same time, the question remains without a clear answer as to which objects of rights – absolute or relative – other property belongs.

The author substantiates the thesis that the identification and fixation in the legislation of new objects of civil circulation has legal value only in the case of binding objects to specific subjective civil rights. The paper analyzes systematically the characteristics of the objects of civil rights in terms of their relevance to the absolute right. Other (intangible) property is considered an object of absolute right, if this property can be used or reused in the long term. The author proves that cash and certificated securities are the objects of proprietary rights, but non-cash money refers to the objects of liability rights, and uncertificated securities – to the objects of absolute rights. Corporate rights isolated in the form of participatory interest (including shares and stakes in the authorized capital of limited liability companies) are not subjective rights, but objects of absolute rights. Digital rights, on the contrary, are subjective civil rights to property, and depending on the type of this property digital rights are divided into absolute or relative.

The author concludes that the qualification of other property as objects of absolute rights serves as a prerequisite for the development of the vindication model – a general way to protect any violated absolute right, aimed at restoring dominion over the lost property, depending on the method of legitimization of the right holder, provided for different objects of absolute rights.

Keywords: *objects of civil rights, absolute right, things, other property, corporate rights, digital rights*

Recommended citation

Murzin D. V. Inoe imushchestvo v grazhdanskom prave: ob"ekty absolyutnykh i odnositel'nykh prav [Other Property in Civil Law: Objects of Absolute and Relative Rights], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2021, no. 5, pp. 18–28, DOI: 10.34076/2410_2709_2021_5_18.

References

Agarkov M. M. *Osnovy bankovogo prava. Uchenie o tsennykh bumagakh* [Fundamentals of Banking Law. The Doctrine of Securities], Moscow, BEK, 1994, 350 p.

Andreev V. K. *Dinamika pravovogo regulirovaniya primeneniya iskusstvennogo intellekta* [Dynamics of Legal Regulation of the Use of Artificial Intelligence], *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2020, no. 3, pp. 58–68.

Arnautov D. R., Erokhina M. G. Tsifrovye aktivy v sisteme rossiiskogo prava [Digital Assets in the Russian Legal System], *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, 2019, no. 4, pp. 148–157.

Belov V. A. *Digital Private Law & Rights: razmyshleniya o preobrazovaniyakh, uzhe proizvedennykh v chastnom prave razvitiem global'noi komp'yuternoi seti Internet, i o reformakh, ego skoro i neminuemo po toi zhe prichine ozhidayushchikh* [Digital Private Law & Rights: Reflections on the Transformations Already Made in Private Law by the Development of the Global Computer Network Internet, and on the Reforms That Are Waiting for It Soon and Inevitably for the Same Reason], Rozhkova M. A. (ed.) *Pravo v sfere Interneta* [Internet Law], Moscow, Statut, 2018, pp. 256–310.

Borodkin V. G. *Grazhdansko-pravovoe regulirovanie korporativnogo dogovora v rossiiskom prave* [Civil Law Regulation of a Corporate Contract in Russian Law], Moscow, Yustitsinform, 2017, 224 p.

Filippova S. Yu., Shitkina I. S. *Prodazha ili priobretenie biznesa: pravovoe soprovozhdenie sdelki* [Sale or Acquisition of a Business: Legal Support of a Transaction], Moscow, Statut, 2019, 191 p.

Gabov A. V. *Obshchestva s ogranichennoi i dopolnitel'noi otvetstvennost'yu v rossiiskom zakonodatel'stve* [Limited and Additional Liability Companies in the Russian Legislation], Moscow, Stat-ut, 2010, 253 p.

Glushetskii A. A. *Otkrytye i zakrytye korporatsii. Osobennosti oborota dolei v ustavnom kapitale obshchestva s ogranichennoi otvetstvennost'yu: pravovoi i ekonomicheskii aspekty* [Open and Closed Corporations. Peculiarities of Turnover of Shares in the Authorized Capital of a Limited Liability Company: Legal and Economic Aspects], Moscow, Statut, 2017, 192 p.

Gongalo B. M. *Dolya v ustavnom kapitale obshchestva s ogranichennoi otvetstvennost'yu kak ob"ekt grazhdanskogo oborota* [Share in the Authorized Capital of a Limited Liability Company as an Object of Civil Turnover], *Problemy razvitiya chastnogo prava* [Problems of Private Law Development], Moscow, Statut, 2011, pp. 224–239.

Gorodov O. A. Tsifrovoye pravootnoshenie: vidovaya prinadlezhnost' i sodержание [Digital Legal Relationship: Type and Content], *Pravo i tsifrovaya ekonomika*, 2019, no. 3, pp. 5–10.

Gutnikov O. V. *Korporativnaya otvetstvennost' v grazhdanskom prave* [Corporate Responsibility in Civil Law], Moscow, IZiSP, KONTRAKT, 2019, 486 p.

Konobeevskaya I. M. Tsifrovye prava kak novyi ob"ekt grazhdanskikh prav [Digital Rights as a New Object of Civil Rights], *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya ser. Ser. Ekonomika. Upravlenie. Pravo*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 330–334.

Kozlova N. V., Filippova S. Yu. Ponyatie, priznaki i vidy aktsionerных obshchestv v svete reformirovaniya GK RF [The Concept, Features and Types of Joint-Stock Companies in the Light of the Reform of the Civil Code of the Russian Federation], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 11. Pravo*, 2014, no. 6, pp. 3–25.

Lapach L. *Dolya v ustavnom kapitale kak «inoe imushchestvo» v sisteme ob"ektov grazhdanskikh prav* [Share in the Authorized Capital as «Other Property» in the System of Objects of Civil Rights], *Khozyaistvo i pravo*, 2006, no. 12, pp. 58–68.

Laptev V. A. *Korporativnoe pravo: pravovaya organizatsiya korporativnykh sistem* [Corporate Law: Legal Organization of Corporate Systems], Moscow, Prospekt, 2019, 337 p.

Lisachenko A. V. *Pravo virtual'nykh mirov: novye ob"ekty grazhdanskikh prav* [The Law of Virtual Worlds: New Objects of Civil Rights], *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, 2014, no. 2, pp. 104–110.

Lomakin D. V. *Doli uchastiya v ustavnnykh kapitalakh khozyaistvennykh obshchestv kak osoby ob"ekty grazhdanskogo oborota* [Participation Shares in the Authorized Capital of Economic Companies as Special Objects of Civil Turnover], *Khozyaistvo i pravo*, 2008, no. 2, pp. 44–57.

Lomakin D. V. *Kommercheskie korporatsii kak sub"ekty korporativnykh pravootnoshenii* [Commercial Corporations as Subjects of Corporate Legal Relations], Moscow, Statut, 2020, 146 p.

Lorents D. V. Tsifrovye prava v sfere nedvizhimosti: yuridicheskaya priroda i sposoby zashchity [Digital Rights in Real Estate: the Legal Nature and Methods of Protection], *Rossiiskaya yustitsiya*, 2020, no. 2, pp. 57–60.

Lunts L. A. *Den'gi i denezhnye obyazatel'stva v grazhdanskom prave* [Money and Monetary Obligations in Civil Law], Moscow, Statut, 1999, 352 p.

Maifat A. V. *Investirovanie: sposoby, riski, sub"ekty* [Investing: Methods, Risks, Subjects], Moscow, Statut, 2020, 176 p.

Nersesov N. O. *Predstavitel'stvo i tsennye bumagi v grazhdanskom prave* [Representation and Securities in Civil Law], Moscow, Statut, 1999, 286 p.

Nikonova M. Yu. *Beznalichnye den'gi i bezdokumentarnye tsennye bumagi v sostave konkursnoi massy dolzhnika* [Non-Cash Money and Undocumented Securities as Part of the Debtor's Bankruptcy Estate]: autoabstr. of cand. jur. sc. thesis, Saint Petersburg, 2016, 23 p.

Novoselova L. A. «Tokenizatsiya» ob"ektov grazhdanskogo prava [«Tokenization» of Civil Law Objects], *Khozyaistvo i pravo*, 2017, no. 12, pp. 29–44.

Novoselova L. A. *Oborotosposobnost' doli v ustavnom kapitale obshchestva s ogranichennoi otvetstvennost'yu* [Turnover of the Share in the Authorized Capital of a Limited Liability Company], Rozhkova M. A. (ed.) *Ob"ekty grazhdanskogo oborota* [Objects of Civil Turnover], Moscow, Statut, 2007, pp. 197–230.

Novoselova L. A., Polezhaev O. A. Tsifrovye znaki kak ob"ekty grazhdanskikh prav [Digital Signs as Objects of Civil Rights], *Predprinimatel'skoe pravo*, 2019, no. 4, pp. 3–12.

Pobedonostsev K. P. *Kurs grazhdanskogo prava* [Civil Law Course]: in 3 parts, Moscow, Statut, 2003, pt. 3, 748 p.

Poduzova E. B. Pravo kak ob"ekt grazhdanskikh pravootnoshenii v kontekste tsifrovoi sredy i ekonomiki sovmestnogo potrebleniya [Law as an Object of Civil Legal Relations in the Context of the Digital Environment and the Economy of Shared Consumption], *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, 2020, no. 2, pp. 86–93.

Shitkina I. S. (ed.) *Korporativnoe pravo* [Corporate Law], Moscow, Knorus, 2015, 1080 p.

Sitdikova L. B., Pomazkova S. I. Sravnitel'nyi analiz pravovoi prirody prava na dolyu v ustavnom kapitale i prava na likvidatsionnyuyu dolyu (kvotu) [Comparative Analysis of the Legal Nature of the Right to a Share in the Authorized Capital and the Right to a Liquidation Share (Quota)], *Yurist*, 2020, no. 6, pp. 56–63.

Stepanov D. Sovremennoe rossiiskoe pravoponimanie tsennykh bumag [Modern Russian Legal Understanding of Securities], *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2000, no. 7, pp. 123–134.

Sukhanov E. A. *Veshchnoe pravo: nauchno-poznavatel'nyi ocherk* [Property Law: a Scientific and Educational Essay], Moscow, Statut, 2017, 560 p.

Ushnitskii R. R. Stat'ya 65.2 GK RF i priroda korporativnogo pravootnosheniya [Article 65.2 of the Civil Code of the Russian Federation and the Nature of Corporate Legal Relations], *Zhurnal predprinimatel'skogo i korporativnogo prava*, 2016, no. 2, pp. 57–60.

Vasil'ev A. S. *Grazhdansko-pravovoe regulirovanie otnoshenii po ispol'zovaniyu radiochastotnogo spectra* [Civil-Legal Regulation of Relations on the Use of the Radio Frequency Spectrum]: autoabstr. of cand. jur. sc. thesis, Ekaterinburg, 2005, 26 p.

Vasilevskaya L. Yu. Token kak novyi ob"ekt grazhdanskikh prav: problemy yuridicheskoi kvalifikatsii tsifrovogo prava [Token as a New Object of Civil Rights: Problems of Legal Qualification of Digital Law], *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, 2019, no. 5, pp. 111–118.

Vitryanskii V. V. *Reforma rossiiskogo grazhdanskogo zakonodatel'stva: promezhutochnye itogi* [Reform of the Russian Civil Legislation: Interim Results], Moscow, Statut, 2018, 520 p.

Zinchenko S. A. Aktsii (doli) khozyaistvennykh obshchestv i korporativnyi dogovor: pravovaya priroda, vzaimodeistvie [Shares (Stakes) Of Business Entities and Corporate Agreements: Legal Nature, Interaction], *Grazhdanskoe pravo*, 2015, no. 1, pp. 23–26.

Dmitry Murzin – candidate of juridical sciences, associate professor of the Department of civil law, Ural State Law University. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: grpravo@usla.ru.

ORCID: 0000-0002-0384-4351

Дата поступления в редакцию / Received: 02.06.2021

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 01.09.2021

Д. А. Гаврин

Уральский государственный юридический университет
(Екатеринбург)

ОСОБЕННОСТИ СОВЕРШЕНИЯ СДЕЛОК С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ФИНАНСОВОЙ ПЛАТФОРМЫ

Рассматриваются субъектный состав финансовых сделок с использованием финансовой платформы и особенности процедуры их совершения. Субъекты, участвующие в совершении указанных сделок, разделены на две группы: субъекты, обеспечивающие функционирование финансовой платформы (оператор финансовой платформы, регистратор финансовых транзакций-репозитарий), и субъекты, непосредственно участвующие в сделке (потребитель финансовых услуг, финансовые организации или эмитенты).

Отмечается, что в нормативных правовых актах нет терминологического единства при определении сути интернет-площадок. В связи с этим автор устанавливает соотношение категорий «финансовая платформа» и «информационная система», а также категорий «финансовая услуга» и «финансовая сделка». Обращается внимание на сложный юридико-фактический состав финансовых сделок, так как помимо совершения сделки участники должны быть допущены к услугам финансовой платформы. Совершению такой сделки предшествует заключение договора об оказании услуг оператора финансовой платформы.

Также указано, что особенности исполнения обязательств по финансовой сделке, совершенной с использованием финансовой платформы, связаны с возможностью использования специальных счетов оператора финансовой платформы, которые открываются исключительно в финансовых организациях.

Ключевые слова: финансовая сделка, финансовая платформа, финансовые организации, кредитные организации, банки

Для цитирования

Гаврин Д. А. Особенности совершения сделок с использованием финансовой платформы // Российское право: образование, практика, наука. 2021. № 5. С. 29–35. DOI: 10.34076/2410_2709_2021_5_29.

УДК 340.12

DOI: 10.34076/2410_2709_2021_5_29

Активное развитие и внедрение технологий в общественные отношения влечет за собой необходимость разрешения и правовых вопросов. Право с особой осторожностью принимает новые инструменты взаимодействия в обществе. Наибольшую сложность в настоящее время представляет сеть Интернет. Отсутствие границ (и часто – личностей) позволяет участникам совершать активные действия (в том числе сделки), которые влекут за собой юридические последствия.

А. А. Карцхия отмечает, что процесс цифровизации вступает в новую фазу развития, «которая характеризуется формированием цифровых бизнес-структур – цифровых предприятий, цифровых корпораций» [Карц-

хия 2020: 22]. Экономика в настоящее время по праву может именоваться инновационной в связи с внедрением инновационных экономических моделей (цифровизация отраслей, искусственный интеллект) [Алтухов, Ершова, Кашкин 2020: 18]. Вместе с тем правовая регламентация отношений в сети Интернет имеет множество белых пятен, которые вызваны объективными причинами [Смирнов, Боташева, Леонов 2019: 153]. Юриспруденция столкнулась с дискуссией о том, на каком алгоритме заканчивается право, и с проблемой безграничности сети, позволяющей совершать юридически значимые действия, которые могут вызвать правовые последствия на территории иного государства,

чем место, где данные действия были инициированы.

Новые модели общения, принятые в сети Интернет, часто не поддаются адаптации к существующим правовым конструкциям. В связи с этим принимаются нормативные правовые акты, которые регламентируют наиболее актуальные вопросы, возникающие в связи с взаимодействием субъектов в сети Интернет в различных отраслях экономики. Многие правоведы указывают на необходимость формирования нового подхода к правовому регулированию современных технологий [Перькова 2016: 75; Михеева 2019: 115].

Сравнительно недавно был принят Федеральный закон от 20 июля 2020 г. № 211-ФЗ «О совершении финансовых сделок с использованием финансовой платформы» (далее – Закон о финансовой платформе). Его появление вызвано необходимостью урегулировать финансовые сделки, совершаемые в сети Интернет, с целью защиты прав граждан (потребителей), обеспечения стабильности финансового рынка, обеспечения доступа потребителей к информации и поощрения конкурентной среды. Закон регламентирует правовой статус финансовой платформы, оператора финансовой платформы, эмитентов, регистраторов финансовых транзакций, финансовых услуг, финансовых сделок и др. Некоторые ученые рассматривают формирование платформенного права как новое направление развития права [Алтухов, Ершова, Кашкин 2020: 19]. Банк России указывает, что «финансовые платформы помогают потребителю сравнить предложения многих продавцов, выбрать подходящие условия и заключить сделку с финансовой организацией дистанционно, независимо от местонахождения сторон, ежедневно и круглосуточно»¹. Вместе с тем внедрение цифровых платформ в общественные отношения приводит и к проблемам, одной из наиболее серьезных является глобализация процессов, происходящих в Интернете [Мажорина 2019: 109].

Финансовая платформа не обладает статусом юридического лица и представляет собой элемент «цифровой реальности» [Родионова 2018: 8]. К сожалению, нормативно-правовая база в сфере регулирования

интернет-площадок пестрит многообразием терминов: «платформа», «информационная система», «агрегатор информации», «сайт» и т. д. Такое различие в подходах, как указывалось выше, объясняется сложностью адаптации правовых конструкций к новым техническим решениям и моделям.

Корреляция понятий «финансовая платформа» и «информационная система» раскрывается через системное толкование. Информационная система в соответствии с Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» – это совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств. Однако финансовая платформа все же ближе к понятию агрегатора информации о товарах (услугах), которое упоминается в Законе РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее – Закон о защите прав потребителей) и означает программы, сайты или страницы в сети Интернет, владельцы которых предоставляют потребителю в отношении определенного товара (услуги) возможность одновременно ознакомиться с предложением продавца (исполнителя) о заключении договора купли-продажи товара (договора возмездного оказания услуг), заключить с продавцом (исполнителем) договор купли-продажи (договор возмездного оказания услуг), а также произвести оплату. Несмотря на присутствующую коллизию можно рассматривать и агрегатор информации, и финансовую платформу в качестве видов информационной системы.

Рассмотрим субъектный состав финансовых сделок с использованием финансовой платформы, процедуру совершения таких сделок (юридико-фактический состав) и исполнение обязательств по сделке.

Особенности субъектного состава сделок, совершаемых с использованием финансовой платформы

Законом о финансовой платформе предусмотрены пять видов таких субъектов: оператор финансовой платформы, потребитель финансовых услуг, регистратор финансовой транзакции, финансовые организации (либо эмитенты). Они могут быть разграничены на две группы: 1) субъекты, обеспечивающие функционирование финансовой платформы

¹ Операторы финансовых платформ // URL: http://www.cbr.ru/finm_infrastructure/financial_platform_operators/.

как информационной системы, достаточной и необходимой для совершения сделок (оператор финансовой платформы, регистратор финансовых транзакций-репозитарий); 2) субъекты, непосредственно участвующие в сделке (потребитель финансовых услуг, финансовые организации (эмитенты).

Оператор финансовой платформы представляет собой юридическое лицо, которое оказывает услуги, связанные с функционированием финансовой платформы, для целей совершения этих сделок, и поэтому стороной финансовых сделок не является. Операторов можно отнести к числу посредников при использовании цифровой информационной среды [Попондопуло 2019: 30]. К оператору предъявляются дополнительные требования: он должен быть создан исключительно в форме акционерного общества, минимальный размер его собственных средств должен составлять 100 млн руб., оператору запрещено совмещать свою деятельность с деятельностью кредитной организации или иной некредитной финансовой организации (за исключением деятельности организатора торговли, депозитария, специализированного депозитария, регистратора или оператора инвестиционной платформы), а также он должен быть включен Банком России в реестр операторов финансовых платформ. На момент написания настоящей статьи в реестре операторов финансовых платформ значатся три организации: ПАО «Московская Биржа ММВБ-РТС», АО ВТБ Регистратор, АО «Специализированный депозитарий „ИНФИНИТУМ“».

Процедура совершения финансовых сделок с использованием финансовой платформы предусматривает участие *регистратора финансовых транзакций-репозитария*, имеющего статус центрального депозитария или являющегося юридическим лицом, все акции (доли) которого принадлежат центральному депозитарию, и осуществляющего репозитарную деятельность в отношении финансовых сделок. Деятельность репозитария (репозитарная деятельность) регламентируется главой 3.2. Федерального закона от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» (далее – Закон о рынке ценных бумаг). Репозитарная деятельность представляет собой осуществляемую на основании лицензии Банка России деятельность по оказанию услуг по сбору, фиксации, обработке, хранению

и предоставлению информации о заключенных с использованием финансовой платформы договорах репо, договорах, являющихся производными финансовыми инструментами, договорах иного вида, и иной информации, предусмотренной федеральными законами и правилами осуществления репозитарной деятельности, а также по ведению реестра указанных договоров и иной информации.

Термин «*финансовая организация*» несколько по-разному раскрывается в Федеральном законе от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее – Закон о конкуренции) и Законе о финансовой платформе. В соответствии с Законом о конкуренции финансовая организация – это хозяйствующий субъект, оказывающий финансовые услуги, – кредитная организация, профессиональный

Оператор финансовой платформы представляет собой юридическое лицо, которое оказывает услуги, связанные с функционированием финансовой платформы, для целей совершения этих сделок, и поэтому стороной финансовых сделок не является

участник рынка ценных бумаг, организатор торговли, клиринговая организация, микрофинансовая организация, кредитный потребительский кооператив и т. д. Закон о финансовой платформе финансовыми организациями именуется кредитные и некредитные финансовые организации, которые присоединились к договору об оказании услуг оператора финансовой платформы для совершения финансовых сделок с потребителями финансовых услуг, в том числе от имени эмитентов.

Формулировки Закона о финансовой платформе имеют не совсем очевидную связь с положениями Закона о конкуренции. Если Закон о конкуренции содержит перечень финансовых организаций, то Закон о финансовой платформе вводит два подвида таких организаций: кредитные и некредитные финансовые организации. Примечательно, что при определении понятия кредитных организаций не возникает сложностей, если ориентироваться на ст. 1 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» (далее – Закон о банках), так как здесь мы имеем дело с банками

и небанковскими кредитными организациями, осуществляющими банковские операции; но вопрос с некредитными финансовыми организациями остается открытым. Представляется, что толковать термин «некредитная финансовая организация» следует в корреляции с определениями понятий «финансовая сделка» (Закон о финансовой платформе), «финансовая организация» (п. 6 ст. 4 Закона о конкуренции), «кредитная организация» (ст. 1 Закона о банках).

Необходимо различать финансовые сделки и финансовые услуги. Финансовые услуги представляют собой одну из разновидностей финансовых сделок, поэтому применительно к использованию финансовой платформы в качестве основополагающей следует рассматривать категорию финансовых сделок, которые включают в себя сделки по предоставлению финансовых услуг, страховых услуг, услуг на рынке ценных бумаг, сделки с финансовыми инструментами, сделки по предоставлению иных предусмотренных правилами финансовой платформы услуг финансового характера, совершаемые между финансовыми организациями или эмитентами и потребителями финансовых услуг, за исключением договоров банковского счета (вклада), которые могут заключаться потребителем в связи с осуществлением последней предпринимательской деятельности. Некоторые вопросы вызывает исключение договора банковского счета (вклада), который может быть сопряжен с предпринимательской деятельностью потребителя: допускаются ли в таком случае иные договоры, которые тоже могут быть связаны с предпринимательской деятельностью?

Потребитель финансовых услуг является физическим лицом, которое присоединилось к договору об оказании услуг оператора финансовой платформы. В свою очередь, Закон о защите прав потребителей определяет потребителя как гражданина, имеющего намерение заказать или приобрести либо заказывающего, приобретающего или использующего товары (работы, услуги) исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности. Представляется, что понятие «потребитель финансовых услуг» не должно идти вразрез с установленным Законом о защите прав потребителей понятийным аппаратом, иначе получает-

ся, что потребитель не может осуществлять финансовые сделки посредством финансовой платформы с целью осуществления предпринимательской деятельности.

Особенности процедуры совершения сделок с использованием финансовой платформы

Для совершения сделки с использованием финансовой платформы участник сделки должен быть допущен к работе платформы. Допуск возможен при заключении договора об оказании услуг оператора финансовой платформы, согласно которому оператор обязуется в соответствии с правилами финансовой платформы оказывать услуги, связанные с обеспечением возможности совершения участниками финансовой платформы финансовых сделок с использованием финансовой платформы. В данном случае можно вести речь о цифровых услугах как типе сделки [Решетняк 2021: 104]. Договор может предусматривать дополнительные услуги по информационному обеспечению взаимодействия участников.

Общепринятой в сети Интернет стала практика заключения договоров об оказании услуг оператора финансовой платформы путем присоединения участников к договору в порядке и на условиях, которые установлены в правилах финансовой платформы. Применение правовой конструкции присоединения к договору отвечает потребностям оптимизации процессов в современном обществе, хотя имеет уязвимые места в части защиты интересов слабой стороны [Макеенков 2018: 149]. Таким образом, заключение договора об оказании услуг оператора финансовой платформы предоставляет участникам возможность пользоваться ею для целей совершения сделок и получения информации. Однако одного такого договора недостаточно. Потребителю необходимо совершать непосредственно финансовую сделку (договор банковского вклада, договор страхования и др.) с использованием финансовой платформы, к которой он был допущен. При этом использование финансовой платформы запрещено для целей заключения сделок в пользу третьего лица, за исключением договора страхования.

Особенности исполнения обязательств по сделке

Финансовая платформа позволяет исполнять денежные обязательства с использова-

нием специального счета оператора финансовой платформы. Денежные средства потребителя могут перечисляться только на счет финансовой организации (или эмитента), с которой он заключил соответствующую сделку, на специальный счет оператора финансовой платформы, а также на банковский счет самого потребителя. Оператор финансовой платформы не ограничивается в количестве открываемых специальных счетов, но открываются они исключительно в кредитных организациях.

Оператор финансовой платформы вправе открывать специальные счета, бенефициарами которых будут выступать потребители финансовых услуг, при этом последние не участвуют в заключении договора специального счета. В частности, режим специального счета оператора финансовой платформы позволяет зачислять денежные средства в пользу потребителя с его банковских счетов или в связи с исполнением финансовой организацией или эмитентом обязательств по совершенным финансовым сделкам; зачислять денежные средства в пользу потребителя при выплате доходов и осуществлении иных выплат по ценным бумагам, приобретенным таким потребителем с использованием фи-

нансовой платформы; зачислять денежные средства в пользу потребителя в соответствии с Федеральным законом от 23 декабря 2003 г. № 177-ФЗ «О страховании вкладов в банках Российской Федерации»; списывать денежные средства в целях перевода на банковский счет или оплаты вознаграждения оператора либо по решению суда.

При совершении сделок с ценными бумагами с использованием финансовой платформы участники должны соблюдать ограничения, установленные Законом о рынке ценных бумаг (требования к лицам, которые могут быть стороной таких сделок, или лицам, в пользу которых или за счет которых такая сделка может быть совершена). Не могут совершаться сделки, если требования, связанные с участием в них, не подлежат судебной защите. При передаче потребителю ценных бумаг для исполнения обязательств по финансовым сделкам эти ценные бумаги могут быть зачислены только на лицевые счета (счета депо) потребителя финансовых услуг. Списание ценных бумаг с лицевого счета (счета депо) производится по распоряжению потребителя финансовых услуг, переданному с использованием финансовой платформы.

Список литературы

- Алтухов А. В., Ершова И. В., Кашкин С. Ю. Платформенное право как драйвер развития инноваций // Предпринимательское право. 2020. № 4. С. 17–24.
- Карцхия А. А. Цифровые корпорации в новом качестве управления // Гражданское право. 2020. № 4. С. 22–26.
- Мажорина М. В. Цифровые платформы и международное частное право, или Есть ли будущее у киберправа? // Lex Russica. 2019. № 2. С. 107–120.
- Макеенков И. А. Способы заключения договора присоединения и его аналогов: сравнительно-правовой анализ // Юридический вестник Самарского университета. 2018. Т. 4. № 3. С. 148–153.
- Михеева Т. Н. К вопросу о правовых основах цифровизации в Российской Федерации // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2019. № 9. С. 114–122.
- Перькова В. А. Совершенствование правового обеспечения национальной инновационной системы Российской Федерации // Журнал российского права. 2016. № 6. С. 74–81.
- Попондопуло В. Ф. Правовые формы цифровых отношений // Юрист. 2019. № 6. С. 29–36.
- Решетняк С. Р. Классификация цифровых прав // Вестник экспертного совета. 2021. № 1. С. 96–105.
- Родионова О. М. Гражданское законодательство в условиях цифровой экономики: проблемы и пути их решения // Юридический вестник Самарского университета. 2018. Т. 4. № 3. С. 7–11.
- Смирнов Д. А., Боташева Л. Э., Леонов А. Н. Трансформация финансово-правовых отношений в условиях цифровой экономики // Гуманитарные и юридические исследования. 2019. № 2. С. 152–156.

Денис Александрович Гаврин – кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского права Уральского государственного юридического университета. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: gavrin@list.ru.
ORCID: 0000-0002-1365-4236

Features of Making Transactions Using the Financial Platform

The subject composition of financial transactions with the use of the financial platform and the features of their execution are considered. The entities involved in the execution of these transactions are divided into two groups: entities that ensure the functioning of the financial platform (operator of the financial platform, financial transaction registrar-repository), and entities directly involved in the transaction (consumer of financial services, financial organizations or issuers).

It is noted that there is no terminological unity in the regulatory acts when determining the essence of Internet sites. In this regard, the author establishes the relationship between the categories «financial platform» and «information system», as well as the categories «financial service» and «financial transaction». Attention is drawn to the complex legal-factual composition of financial transactions, since in addition to the transaction, participants must also be allowed to use the services of the financial platform. The conclusion of such a transaction is preceded by the conclusion of an agreement on the provision of services of the operator of the financial platform.

The author also indicates that the specifics of the fulfillment of obligations under a financial transaction made using a financial platform are related to the possibility of using special accounts of the operator of the financial platform, which are opened exclusively in financial institutions.

Keywords: financial transaction, financial platform, financial organizations, credit organizations, banks

Recommended citation

Gavrin D. A. Osobennosti soversheniya sdelok s ispol'zovaniem finansovoi platformy [Features of Making Transactions Using the Financial Platform], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2021, no. 5, pp. 29–35, DOI: 10.34076/2410_2709_2021_5_29.

References

Altukhov A. V., Ershova I. V., Kashkin S. Yu. Platformennoe pravo kak draiver razvitiya innovatsii [Platform Law as a Driver of Innovation Development], *Predprinimatel'skoe pravo*, 2020, no. 4, pp. 17–24.

Kartskhiya A. A. Tsifrovye korporatsii v novom kachestve upravleniya [Digital Corporations in a New Quality of Management], *Grazhdanskoe pravo*, 2020, no. 4, pp. 22–26.

Makeenkov I. A. Sposoby zaklyucheniya dogovora prisoedineniya i ego analogov: sravnitel'no-pravovoi analiz [Methods of Concluding an Accession Agreement and Its Analogues: Comparative Legal Analysis], *Yuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta*, 2018, vol. 4, no. 3, pp. 148–153.

Mazhorina M. V. Tsifrovye platformy i mezhdunarodnoe chastnoe pravo, ili Est' li budushchee u kiberprava? [Digital Platforms and Private International Law, or Is There a Future for Cyber Law?], *Lex Russica*, 2019, no. 2, pp. 107–120.

Mikheeva T. N. K voprosu o pravovykh osnovakh tsifrovizatsii v Rossiiskoi Federatsii [On the Legal Basis of Digitalization in the Russian Federation], *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina*, 2019, no. 9, pp. 114–122.

Per'kova V. A. Sovershenstvovanie pravovogo obespecheniya natsional'noi innovatsionnoi sistemy Rossiiskoi Federatsii [Improving the Legal Support of the National Innovation System of the Russian Federation], *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2016, no. 6, pp. 74–81.

Popondopulo V. F. Pravovye formy tsifrovyykh otnoshenii [Legal Forms of Digital Relations], *Yurist*, 2019, no. 6, pp. 29–36.

Reshetnyak S. R. Klassifikatsiya tsifrovyykh prav [Classification of Digital Rights], *Vestnik ekspertnogo soveta*, 2021, no. 1, pp. 96–105.

Rodionova O. M. Grazhdanskoe zakonodatel'stvo v usloviyakh tsifrovoi ekonomiki: problemy i puti ikh resheniya [Civil Legislation in the Digital Economy: Problems and Ways to Solve Them], *Yuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta*, 2018, vol. 4, no. 3, pp. 7–11.

Smirnov D. A., Botasheva L. E., Leonov A. N. Transformatsiya finansovo-pravovykh otnoshenii v usloviyakh tsifrovoi ekonomiki [Transformation of Financial and Legal Relations in the Digital Economy], *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*, 2019, no. 2, pp. 152–156.

Denis Gavrin – candidate of juridical sciences, associate professor of the Department of business law, Ural State Law University. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: gavrin@list.ru.

ORCID: 0000-0002-1365-4236

Дата поступления в редакцию / Received: 08.06.2021

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 03.09.2021

Е. В. Михайлова

Институт государства и права Российской академии наук
(Москва)

ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА КАК ОБЪЕКТЫ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ

В статье анализируются понятие права, его свойства, природа и виды. С философской и правовой точек зрения исследуется категория юридической свободы, решается проблема соотношения понятий «право» и «свобода». Доказывается, что право представляет собой не само материальное благо, а установленную законом модель поведения. Свобода более широкое, по сравнению с правом, понятие и означает врожденное свойство лица поступать по своему усмотрению. Право как продукт государственной деятельности является механизмом выполнения государством своих задач и ограничения свобод. В силу этого принятие государством любого закона должно сопровождаться указанием на то общее для всех благо, которое будет достигнуто при условии принятия данного закона.

Защита нарушенных свобод представляет собой рассмотрение и разрешение судами споров по поводу действия того или иного закона. Доказыванию в суде подлежат факт наличия достаточных оснований для принятия нормативного правового акта, законность действий органа или должностного лица, принявшего оспариваемый акт. Гражданин, требующий признать нормативный правовой акт недействующим, должен доказать, что этот акт нарушает его права или безосновательно ограничивает свободы.

Ключевые слова: право, частное и публичное право, свобода, государство, естественное право, принуждение, защита прав и свобод

Для цитирования

Михайлова Е. В. Права и свободы человека и гражданина как объекты судебной защиты // Российское право: образование, практика, наука. 2021. № 5. С. 36–45. DOI: 10.34076/2410_2709_2021_5_36.

УДК 34(075.8)

DOI: 10.34076/2410_2709_2021_5_36

Сколь долго живо огосударствленное общество, столь долго будоражат умы его наиболее развитых членов «вечные» вопросы, главенствующим среди которых является вопрос о праве и личной свободе человека. Личностью человека делает именно наличие у него свободы. Поэтому риторический вопрос «Тварь я дрожащая или право имею?» неразрывно связан с проблемой определения существа права и свободы.

В представлении обывателя наличие у него многих прав, закрепленных в законах, — это и есть его свобода. Так ли это? Попробуем разобраться.

В российском законодательстве не содержится определения понятия «право». Собственно, нет в нем и дефиниций свободы, справедливости, гуманизма, т. е. всех тех

ключевых терминов, из которых «каркас» законодательства и состоит.

Справедливости ради отметим: не существовало четкой «расшифровки» этих понятий и в более ранние времена, и в законодательстве других стран, а потому и у философии, и у юриспруденции как у фундаментальных общественных наук предметом изучения выступает вопрос о смысле, природе и бытии свободы и права. Н. М. Коркунов писал: «Так как право есть явление не материальной, внешней природы, а продукт духовной деятельности человека, оно издавна относилось к предметам философского исследования. Выяснение идеи права, определение его источника и тому подобные общие вопросы рассматривались в так называемой практической или этической философии» [Коркунов 2003: 37].

Понятие «право» традиционно рассматривается в неразрывной связи с категорией «государство». В юридической науке государство понимается либо как непосредственный источник права, либо как субъект, берущий под свою охрану права, присущие личности с рождения, так называемые природные права.

Наука естественного права и ее основатель Гуго Гроций рассматривают право в указанном выше значении – как объективное свойство личности. «Существо его учения заключается в признании наряду с изменчивым положительным правом, создаваемым волею Бога или людей, неизменного естественного права, вытекающего из природы людей как разумных существ и, в частности, из врожденного им влечения к общению», – отметил Н. М. Коркунов [Там же: 38]. Историческая же школа доказала, что право есть исторический продукт народной жизни, что оно не творится по произволу законодателя, но не является и совокупностью вечных, безусловных, неизменяемых начал. Право есть, по учению исторической школы, закономерно развивающийся элемент исторической жизни народов [Там же: 41].

По мнению Н. Н. Алексеева, «исторически и социологически нужно считать вполне доказанным, что право может существовать и помимо государства... Государство не может создавать право, оно может только опознавать это необходимое содержание правовых норм, выявлять их внутренний смысл и придавать ему ту или иную формулировку. Положительное право, признаваемое, издаваемое и защищаемое государством, есть не что иное, как приспособленная к условиям места и времени формулировка изначальных норм естественного права, значимость которых зависит не от государственных приказов, но от собственной силы и ценности» [Алексеев 1919: 153].

Ф. Ф. Кокошкин находил «весьма плодотворной тенденцию, связанную с апелляцией юридической науки к достижениям социологии. Он убежден, что объективное видение государственно-правовых институтов должно формироваться на основе изучения экономических, исторических, культурных, религиозных и иных факторов. Первенствующая роль в этом процессе отводится автором фактору психологическому» [Цит. по: Грязнова 2017: 22]. Однако право можно понимать и как про-

дукт государственной деятельности. По утверждению А. С. Алексеева, «материальным субстратом государства являются территория и люди, юридическим же отношением является та связь, которую государственная организация объединяет людей в одно целое и наделяет как органы, так и членов государства правами и обязанностями» [Алексеев 1895: 5].

В. М. Хвостов отмечал, что «степень принудительности социальных норм поведения бывает различна; отсюда возникает деление этих норм на право и нравы. Под именем права разумеются те социальные нормы нашего поведения, которые отличаются принудительностью в высшей степени. Принудительность этих норм состоит в том, что они имеют тенденцию господствовать над членами человеческого общежития независимо от согласия каждого из них подчиняться этим нормам. Член союза, отказывающийся повиноваться этим нормам, может быть вынужден к этому разными средствами, находящимися в распоряжении права; за свое неповиновение праву он может поплатиться даже своей жизнью» [Хвостов 1905: 67]. Таким образом, в рассуждениях ученого появляется указание на важнейший признак права – принудительность, гарантированность со стороны государства.

Это мнение поддержано многими видными представителями научного сообщества. В целом право рассматривается как механизм разрешения конфликтов интересов, инструмент их согласования и гармонизации [Хабриева, Капустин, Габов и др. 2018: 6]. Например, с точки зрения А. В. Габова, «право вообще и современное право в особенности антропоцентрично: оно создано человеком и для человека» [Габов 2018: 97].

Право следует воспринимать не как само благо, а как действия субъектов, направленные на получение этого блага. Так становятся понятны его предназначение и природа, и на первый план выходит государство как источник и регулятор права. «Предметом права служит не вещь непосредственно, а действие другого лица по поводу вещи», – писал К. П. Победоносцев [Победоносцев 2003: 87].

Таким образом, право можно рассматривать в отрыве от государственной власти: например, существование естественного права на жизнь доказывается самим фактом рождения. Однако это право легко отнять. Поэтому

государство – универсальный институт, гарантирующий защиту права. Полагаю, что функция защиты прав, свобод и законных интересов граждан – основная функция государства, истинное его предназначение. Кроме государства, есть и иные регуляторы общественного поведения – религия, нравственность, семья, иные общественные институты. Но государство обладает уникальным свойством, которого нет у других регуляторов, – верховной властью. Е. В. Васьковский указывал, что «государственная власть обладает достаточными средствами для того, чтобы сломить упорство отдельного гражданина и принудить его к повиновению» [Васьковский 1917: 3].

Т. Е. Абова, исследуя вопрос о природе хозяйственных прав, также отмечала, что «хозяйственным правам свойственны основные признаки, характерные для субъективных прав безотносительно к отраслевой принадлежности. В этом смысле они – гарантированная государством возможность действовать в собственных интересах и интересах всего народного хозяйства в целом» [Абова 2007: 690].

В Преамбуле Всеобщей декларации прав человека 1948 г. сказано: «Необходимо, чтобы права человека охранялись властью закона в целях обеспечения того, чтобы человек не был вынужден прибегать в качестве последнего средства к восстанию против тирании и угнетения». Из этого положения следует важнейший вывод: государство не создает право, а охраняет его. Да, право первично по отношению к государству, но если оно не взято под государственную охрану, то утрачивает смысл, становится полностью зависимым от доброй воли других лиц. Прав был Е. В. Васьковский, писавший, что без поддержки государства «права не имели бы никакой цены, никакого реального значения, а самое существование их было бы поставлено в зависимость от доброй воли других лиц, которые могли бы безнаказанно нарушать их» [Васьковский 1917: 11].

Поэтому право первично, однако обретает свойства общеобязательности и исполнимости только после придания ему соответствующей нормативной формы. Этой формой выступает закон – продукт государственной деятельности.

Итак, государство – источник правовой нормы, закона. В законе зафиксировано

правомочие притязать на то или иное благо, определены обязанные лица, санкции за неисполнение данной нормы.

Существо государства определяется тем, какие права оно облакает в соответствующие нормы. Для правового государства наивысшую ценность представляют равенство всех перед законом, признание за каждым достоинства и свободы. Иные государства исходят из собственного блага, и те правила поведения, которые они считают наиболее удобными для себя, для поддержания и укрепления своей власти, получают закрепление в законодательстве. Именно поэтому далеко не все нравственные, религиозные, принятые обществом в качестве обычая поведенческие модели становятся правом. При этом нужно иметь в виду и оборотную сторону «рождения права»: любому праву противостоит обязанность других лиц, так что при издании какого-либо закона государство «одной рукой отдает, а другой – забирает». Являясь «государственным ограничителем», право обеспечивается силой принуждения и государственной защитой.

Право как мера должного и возможного поведения, гарантированная государством, выступает механизмом ограничения свободы. Признавая и гарантируя определенные права как меру возможного поведения одних лиц, правовая норма устанавливает обязанности других лиц. С учетом неопределенного характера правовой нормы субъект права в одних обстоятельствах может выступать как обладатель права, а в других – как лицо обязанное.

Принимая во внимание большое значение закона в общественной жизни, его регулятивную роль и принудительный характер, правовое государство должно выработать эффективный механизм защиты от принятия неправовых законов.

Представляется, что определение понятия права как общеобязательной модели поведения следует дополнить указанием следующих основных его признаков: 1) нормативности (право должно быть прямо закреплено в законе и по возможности не должно допускать различных толкований. Толкование права должно осуществляться в исключительных случаях и только уполномоченными субъектами); 2) принудительности или исполнимости (в случае неисполнения правовых установлений право при помощи государства должно быть реализовано силой); 3) защищенно-

сти (в случае нарушения правообладателю должны быть предоставлены процессуальные средства защиты); 4) беспристрастности (право равным образом должно распространяться на каждого члена общества); 5) обоснованности (социальной необходимости).

Право как установленная законом возможность притязать на определенное материальное или нематериальное благо может быть частным или публичным. В. М. Хвостов писал, что «право в объективном смысле распадается на две обширные области: право публичное (*jus publicum*) и гражданское (*privatum*). Деление это основано на том, какие интересы берутся под защиту юридических норм. Есть интересы, носителем которых считает себя все государство как целое. Юридические нормы, которые регулируют эти интересы, составляют публичное право. Эти нормы определяют, главным образом, порядок устройства и управления государством. С другой стороны, есть интересы, носителями которых признаются частные лица. Совокупность юридических норм, предназначенных для регулирования деятельности частных лиц по поводу этих интересов, составляет частное или гражданское право. Сюда относятся, главным образом, нормы, касающиеся имущественных и семейных отношений. И государство может являться носителем частных прав: государство, как казна или фиск, обладает также имуществом и в своих отношениях по поводу этого имущества подлежит в развитом праве действию гражданско-правовых норм. В качестве субъекта публичного права государство стоит над частными лицами, а в качестве обладателя гражданских прав оно стоит рядом с ними» [Хвостов 1907: 5].

Так как защита права – важнейшая обязанность государства, классификацию прав следует рассматривать именно с позиции их защиты.

Нарушение права происходит в рамках правоотношения. Соответственно делению права на частное и публичное спорные материальные правоотношения могут иметь частный или публично-правовой характер. Частноправовые конфликты возникают между юридически равными субъектами права, публично-правовые – между неравными субъектами, один из которых реализует в отношении другого публично-властные полномочия. Эта позиция отражена в постановлении

Пленума ВС РФ от 27 сентября 2016 г. № 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации».

Частноправовые конфликты могут рассматриваться как государственными судами (общей юрисдикции и арбитражными) в порядке искового производства, так и судами третейскими (по взаимному согласию сторон). Публично-правовые конфликты ввиду участия в них государства могут быть разрешены только государственными судами, в особом процессуальном порядке – в рамках конституционного и административного судопроизводства. Передача публично-правовых конфликтов в третейские суды не допускается [Михайлова 2017: 34].

В то же время члены современного общества обладают несравнимо большим богатством, нежели право, а именно – свободой. В силу ст. 17 Конституции РФ в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией. При этом в юридической науке сегодня отсутствуют комплексные исследования юридической природы свобод, чаще всего авторы ограничиваются простым их перечислением.

В подавляющем большинстве случаев между понятиями «право» и «свобода» ставится знак равенства. В науке существует подход, в соответствии с которым термины «гражданское право» и «свобода» понимаются как практически идентичные [Стефанов 2004: 34]. Тенденция к смешиванию этих понятий, а также к оперированию ими как взаимозаменяемыми прослеживается в работах многих ученых. Например, пишут, что можно «говорить о праве личной свободы как о субъективном гражданском праве» [Нохрина 2008: 21], что у граждан есть «право на свободу передвижения» [Герасимов 2011: 7]. То есть категория «свобода» определяется через категорию «право».

Если рассматривать право как установленную государством модель поведения, то становится ясно, что понятие свободы шире, а право является средством ограничения свободы.

Есть мнение, что «права связаны главным образом с возможностью получения определенных благ – это всегда право на получение

чего-то. Свобода для человека есть возможность избежать воздействия со стороны государства, государственной власти, тех или иных ограничений» [Червонюк 2004: 59].

В научных работах свобода часто понимается как состояние независимости индивида от государства. Например, некоторые авторы выделяют два аспекта личной свободы: свободу внешнюю (объективную) и свободу внутреннюю (субъективную), при этом внешняя свобода является содержанием права, а внутренняя – условием существования права [Вершинина 2006: 8].

Если действие, бездействие или решение органов исполнительной власти и должностных лиц создает препятствия для реализации того или иного права или свободы, то это является основанием для признания данного действия или решения незаконным

Итак, свобода – это естественное, врожденное состояние человека. В условиях существования общества она никогда не была абсолютной: всегда ограничивалась властью главы семейства, рода, общины, авторитетом религиозных деятелей, моральными и религиозными представлениями и т. п. С появлением государства люди добровольно отказались от части личной свободы во имя общих интересов и безопасности. Государство, забрав себе эту свободу, получило власть. Закон, закрепляющий то или иное право и, как следствие, – обязанность, поддерживает эту власть и укрепляет ее.

Надо понимать, что люди не равны по объему личной свободы. Несмотря на конституционно провозглашенные принципы равенства всех перед законом и судом, равноправия и запрет дискриминации, мера свободы у всех различна. В силу профессиональных обязанностей индивида она может быть меньше (например, установлен ряд ограничений для лиц, имеющих доступ к секретной информации, для сотрудников спецслужб и т. д.) или больше (депутатская неприкосновенность, судебская независимость и т. д.). Но в любом случае государство не может ограничивать свободы по своему усмотрению. Можно согласиться с тем, что

«исходным принципом ограничения прав и свобод человека и гражданина является учет законных интересов человека, неотъемлемость, целостность, полнота и гарантированность его прав и свобод» [Астафьева 2008: 45].

Более того, охрана свободы личности представляется наиболее важным направлением государственной деятельности. В ст. 2 Конституции РФ прямо закреплено, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, поэтому в литературе правильно отмечается, что национальная безопасность не может конкурировать со свободой [Ягофарова 2017: 65].

Ограничения прав и свобод допускаются только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ). А. М. Шаганян к числу принципов ограничения прав и свобод обоснованно относит принцип справедливости, соразмерности, целесообразности, всеобщего уважения прав и свобод человека и гражданина, формального равенства, запрета злоупотребления правом [Шаганян 2011: 80].

А. Ф. Квитко верно отмечает, что ограничение прав и свобод – это установленные законодательством пределы, или границы, реализации прав и свобод [Квитко 2007: 8]. Эти пределы выражаются в запретах, обязанностях, ответственности [Расолова 2009: 9].

По мнению М. Н. Башуровой, правовые ограничения должны соответствовать не только закону, но и праву и допускаются как в правотворческой, так и в правоприменительной деятельности, причем ограничения в ходе правоприменительной деятельности должны соответствовать как закону, так и идеям права, его природе, ценностям и приоритетам личности [Башурова 2010: 57]. Однако ч. 3 ст. 55 Конституции прямо говорит о том, что права и свободы могут быть ограничены федеральным законом, т. е. законодательной властью. Соответственно, никакие ограничения установленных законом прав и свобод в правоприменительной деятельности недопустимы. Более того, если действие, бездействие или решение органов исполнительной власти и должностных лиц создает

препятствия для реализации того или иного права или свободы, то это является основанием для признания данного действия или решения незаконным (ч. 1 ст. 218 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации).

Проблема оснований и порядка ограничения прав и свобод человека и гражданина поднималась и в различных актах Конституционного Суда Российской Федерации. Его позиция основывается на соразмерности ограничений, их социальной оправданности, невозможности расширительного толкования и т. д. Вместе с тем, как правильно отмечает Е. Е. Никитина, КС РФ и сам нередко дает противоречивые ответы на этот вопрос [Никитина 2013: 71].

Итак, ограничение прав и свобод человека и гражданина на основании ст. 55 Конституции выражается в установлении запретов определенного поведения и санкций за нарушение этих запретов для отдельных социальных групп или всех членов общества. Эта мысль большинством правоведов не оспаривается.

Но не стоит забывать о том, что в ст. 55 Конституции речь идет об ограничении не только прав, но и свобод человека и гражданина. Свободы же ограничиваются принятием любого закона, поскольку предусматривают права для одних субъектов и обязанности, ограничения – для других. Даже самые, казалось бы, гуманные законы оборачиваются ограничениями свободы тех или иных социальных групп. Например, установление уголовной ответственности за оскорбление чувств верующих является прямым ограничением свободы слова и мнений.

Поскольку право есть механизм государственной деятельности по ограничению свобод частных лиц, принятие любого закона должно сопровождаться указанием на то, каким образом это будет способствовать защите основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечению обороны страны и безопасности государства (как того требует Конституция нашей страны). Это обоснование принятия закона не должно быть формальностью, но должно выступать важнейшим признаком его конституционности.

Целесообразно дополнить процессуальное законодательство указанием на такое основание для отмены нормативного правового акта,

как «необоснованное ограничение свобод путем принятия оспариваемого нормативного правового акта». Необоснованность принятия нормативного акта должна автоматически означать его неконституционность (несоответствие оспариваемого акта ч. 3 ст. 55 Конституции РФ).

Если защита нарушенного права осуществляется путем рассмотрения и разрешения частноправовых конфликтов государственными или третейскими судами, то защита свобод реализуется посредством оспаривания нормативных правовых актов. Юридические свободы – это объект защиты в конституционном, административном судопроизводстве, а также частично в производстве по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений в арбитражном судопроизводстве.

Следует отметить, что с точки зрения защиты свобод, гарантированности их исполнителем государственной силой государства коренное отличие между субъективными правами и свободами заключается в том, что если наличие права для его принудительного осуществления правообязанным лицом правообладателю необходимо прежде всего доказать, то наличие у каждого свобод презюмируется вне зависимости от объективных обстоятельств и не требует доказывания.

Защита свобод в делах о признании нормативных правовых актов недействующими осуществляется в соответствии с общими процессуальными правилами рассмотрения дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений. Активную роль играет суд, который, не ограничиваясь заявленными требованиями, вправе в интересах законности выйти за их пределы и проверить оспариваемый нормативный правовой акт в полном объеме. При этом на орган законодательной власти, принявший оспариваемый нормативный акт, возлагается бремя доказывания законности и обоснованности своих действий.

Итак, свобода в сравнении с правом есть значительно более широкая юридическая категория. Это врожденное свойство лица, которое реализуется вне зависимости от наличия или отсутствия прямого законодательного регулирования и поэтому при судебной защите не подлежит доказыванию. Право существует в виде правовой нормы (закона) и является

продуктом государственной деятельности, посредством которого государство реализует свои функции. Право, таким образом, есть ограничитель свободы.

Поскольку Конституция РФ связывает возможность ограничения прав и свобод только с необходимостью защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства, принятие любого нормативного правового акта должно сопровождаться пояснительной запиской с указанием конкретных оснований для его принятия в соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. Отсутствие достаточных и объективных оснований принятия нормативного акта должно быть закреплено в процессуальном законодательстве как основание для признания этого акта недействующим.

В силу того что свободы, как и права, могут быть ограничены государством в интересах всего общества путем издания законов, а также путем совершения органами власти определенных действий (бездействия), принятия решений и т. д., доказыванию в суде подлежат факты, подтверждающие, что оспариваемый нормативный акт принят обоснованно, оспариваемое действие или решение органа исполнительной власти осуществлено на основании положений нормативных

правовых актов и в соответствии со сложившимися обстоятельствами.

Лицо, оспаривающее нормативный правовой акт, должно доказать, что его принятие необоснованно ограничивает его свободу или создает ему препятствия в реализации прав и свобод.

Ответчиком в споре о защите той или иной свободы является государство в лице его органов, что предопределяет невозможность защиты свобод в частном порядке (в третейских судах), поскольку ценность защиты как права, так и свободы заключается в возможности принудительного исполнения. Принудить же государство исполнить требование частного лица и освободить его от ограничений его свободы может только государственный суд.

Поскольку правовые конфликты в публично-правовой сфере рассматриваются государственными судами, являющимися органами государственной власти, было бы также целесообразно для обеспечения истинной независимости судьи, рассматривающего дело, ввести в процессуальное законодательство институт административных заседателей (по аналогии с присяжными и арбитражными заседателями). К участию в административном судопроизводстве в качестве административных заседателей следует привлекать общественных деятелей, известных ученых-правоведов на выборной основе.

Список литературы

- Абова Т. Е. Избранные труды. Гражданский и арбитражный процесс. Гражданское и хозяйственное право. М.: Статут, 2007. 1134 с.
- Алексеев А. С. К учению о юридической природе государства и государственной власти. М.: Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнерев и К, 1895. 35 с.
- Алексеев Н. Н. Общее учение о праве. Курс лекций, прочитанных в Таврическом университете в 1918/19 году. Симферополь, 1919. 161 с.
- Астафьева Е. В. Принципы ограничения конституционных прав и свобод граждан // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 22. С. 45–48.
- Башурова М. Н. Ограничение прав и свобод человека и гражданина в условиях глобализации // Научный вестник Омской академии МВД России. 2010. № 4. С. 57–61.
- Васьковский Е. В. Учебник гражданского процесса. М.: Изд. Бр. Башмаковых, 1917. 435 с.
- Вершинина Ю. В. Свобода личности в конституционном праве Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2006. 25 с.
- Габов А. В. Правосубъектность: традиционная категория права в современную эпоху // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 2. С. 96–113.
- Герасимов П. Ю. Право каждого на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 28 с.
- Грязнова Т. Е. Теория государства и права Ф. Ф. Кокошкина // Вестник Омского университета. Сер. Право. 2017. № 3. С. 21–25.

Квитко А. Ф. Конституционно-правовые основы ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 25 с.

Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2003. 430 с.

Михайлова Е. В. Процессуальные формы защиты субъективных гражданских прав, свобод и законных интересов в Российской Федерации (судебные и несудебные). М.: Проспект, 2017. 280 с.

Никитина Е. Е. Свобода совести: теория и практика ограничений прав в Российской Федерации // Журнал российского права. 2013. № 12. С. 65–74.

Нохрина М. Право личной свободы как личное неимущественное право // Правоведение. 2008. № 2. С. 21–39.

Победоносцев К. П. Курс гражданского права. М.: Статут, 2003. Ч. 3: Договоры и обязательства. 622 с.

Рассолова Е. Ш. Ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 25 с.

Стефанов А. Ю. Право и свобода: некоторые вопросы теории и философии права // Сибирский юридический вестник. 2004. № 2. С. 34–51.

Хабриева Т. Я., Капустин А. Я., Габов А. В. и др. Конфликт интересов: природа, предупреждение, социальное регулирование // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 3. С. 5–12.

Хвостов В. М. История римского права. Пособие к лекциям профессора Московского университета В. М. Хвостова. М.: Тип. И. Д. Сытина, 1907. 478 с.

Хвостов В. М. Общая теория права. Элементарный очерк. М.: Университет. тип., 1905. 219 с.

Червонюк В. И. Конституционное право России: учеб. пособие. М.: Инфра-М, 2004. 372 с.

Шаганян А. М. К вопросу о принципах ограничения прав и свобод человека и гражданина // Общество и право. 2011. № 3. С. 78–82.

Ягофарова И. Д. Императивный характер положений ст. 55 Конституции РФ при установлении ограничений прав и свобод человека и гражданина в РФ // Вестник Омского университета. 2017. № 1. С. 64–72.

Екатерина Владимировна Михайлова – доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора гражданского права, гражданского и арбитражного процесса Института государства и права РАН. 119019, Российская Федерация, Москва, ул. Знаменка, д. 10. E-mail: e.v.mihailova@bk.ru.
ORCID: 0000-0003-0313-3813

Human and Civil Rights and Freedoms as Objects of Judicial Protection

The article analyzes the concept of human rights, its properties, nature and types. From a philosophical and legal points of view, the concept of legal freedom is investigated, the problem of correlation between the concepts of law and freedom is solved. It is proved that law is not a material good itself, but a model of behavior established by law. Freedom is a broader concept than law and is an innate property of a person to act at his own discretion. Law as a product of state activity is a mechanism for the state to fulfill its tasks and restrict freedoms. By virtue of this, the adoption by the state of any law must be accompanied by an indication of the common good for all, which will be achievable subject to the adoption of this law.

Protection of violated freedoms is the consideration and resolution of disputes by courts over the operation of a particular law. The fact that there are sufficient grounds for the adoption of a normative legal act, the legality of the actions of the body or official that adopted the contested act is subject to proof in court. A citizen demanding that a normative legal act be declared invalid must prove that this act violates his rights or unreasonably restricts his freedoms.

Keywords: human rights, private and public law, freedom, state, natural law, compulsion, protection of rights and freedoms

Recommended citation

Mikhailova E. V. Prava i svobody cheloveka i grazhdanina kak ob"ekty sudebnoi zashchity [Human and Civil Rights and Freedoms as Objects of Judicial Protection], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2021, no. 5, pp. 36–45, DOI: 10.34076/2410_2709_2021_5_36.

References

Abova T. E. *Izbrannye trudy. Grazhdanskii i arbitrazhnyi protsess. Grazhdanskoe i khozyaistvennoe pravo* [Selected Works. Civil and Arbitration Procedure. Civil and Commercial Law], Moscow, Statut, 2007, 1134 p.

Alekseev A. S. *K ucheniyu o yuridicheskoi prirode gosudarstva i gosudarstvennoi vlasti* [Towards the Doctrine of the Legal Nature of the State and State Power], Moscow, Tipo-lit. T-va I. N. Kushnerev i K, 1895, 35 p.

Alekseev N. N. *Obshchee uchenie o prave. Kurs lektsii, pročitannykh v Tavricheskom universitete v 1918/19 godu* [General Doctrine of Law, A Course of Lectures Given at the Taurida University in 1918/19], Simferopol', 1919, 161 p.

Astaf'eva E. V. Printsipy ogranicheniya konstitutsionnykh prav i svobod grazhdan [Principles of Limiting Constitutional Rights and Freedoms of Citizens], *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2008, no. 22, pp. 45–48.

Bashurova M. N. Ogranichenie prav i svobod cheloveka i grazhdanina v usloviyakh globalizatsii [Limitation of Human and Civil Rights and Freedoms in the Context of Globalization], *Nauchnyi vestnik Omskoi akademii MVD Rossii*, 2010, no. 4, pp. 57–61.

Chervonyuk V. I. *Konstitutsionnoe pravo Rossii* [Constitutional Law of Russia], Moscow, Infra-M, 2004, 372 p.

Gabov A. V. Pravosub"ektnost': traditsionnaya kategoriya prava v sovremennuyu epokhu [Legal Personality: A Traditional Category of Law in the Modern Era], *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii*, 2018, no. 2, pp. 96–113.

Gerasimov P. Yu. *Pravo kazhdogo na svobodu peredvizheniya, izbor mesta prebyvaniya i zhitel'stva v Rossiiskoi Federatsii* [Everyone's Right to Freedom of Movement, Choice of Place of Stay and Residence in the Russian Federation]: autoabstr. of cand. jur. sc. thesis, Moscow, 2011, 28 p.

Gryaznova T. E. Teoriya gosudarstva i prava F. F. Kokoshkina [The Theory of State and Law by F. F. Kokoshkin], *Vestnik Omskogo universiteta. Ser. Pravo*, 2017, no. 3, pp. 21–25.

Khabrieva T. Ya., Kapustin A. Ya., Gabov A. V. etc. Konflikt interesov: priroda, preduprezhdenie, sotsial'noe regulirovanie [Conflict of Interest: Nature, Prevention, Social Regulation], *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya*, 2018, no. 3, pp. 5–12.

Khvostov V. M. *Istoriya rimskogo prava. Posobie k lektsiyam professora Moskovskogo universiteta V. M. Khvostova* [History of Roman Law. A Textbook for Lectures by Professor of Moscow University V. M. Khvostov], Moscow, Tip. I. D. Sytina, 1907, 478 p.

Khvostov V. M. *Obshchaya teoriya prava. Elementarnyi ocherk* [General Theory of Law. Elementary Sketch], Moscow, Universitet. tip., 1905, 219 p.

Korkunov N. M. *Lektsii po obshchei teorii prava* [Lectures on General Theory of Law], Saint Petersburg, Yurid. tsentr «Press», 2003, 430 p.

Kvitko A. F. *Konstitutsionno-pravovye osnovy ogranicheniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Rossiiskoi Federatsii* [Constitutional and Legal Foundations of the Limitation of Human and Civil Rights and Freedoms in the Russian Federation]: autoabstr. of cand. jur. sc. thesis, Moscow, 2007, 25 p.

Mikhailova E. V. *Protsessual'nye formy zashchity sub"ektivnykh grazhdanskikh prav, svobod i zakonnykh interesov v Rossiiskoi Federatsii (sudebnye i nesudebnye)* [Procedural Forms of Protection of Subjective Civil Rights, Freedoms and Legitimate Interests in the Russian Federation (Judicial and Non-Judicial)], Moscow, Prospekt, 2017, 280 p.

Nikitina E. E. Svoboda sovesti: teoriya i praktika ogranichenii prav v Rossiiskoi Federatsii [Freedom of Conscience: Theory and Practice of Restrictions on Rights in the Russian Federation], *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2013, no. 12, pp. 65–74.

Nokhrina M. Pravo lichnoi svobody kak lichnoe neimushchestvennoe pravo [The Right of Personal Freedom as a Personal Non-Property Right], *Pravovedenie*, 2008, no. 2, pp. 21–39.

Pobedonostsev K. P. *Kurs grazhdanskogo prava* [Civil Law Course], Moscow, Statut, 2003, pt. 3, 622 p.

Rassolova E. Sh. *Ogranicheniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Rossiiskoi Federatsii: konstitutsionno-pravovoe issledovanie* [Restrictions on Human and Civil Rights and Freedoms in the Russian Federation: Constitutional and Legal Research]: autoabstr. of cand. jur. sc. thesis, Moscow, 2009, 25 p.

Shaganyan A. M. K voprosu o printsipakh ogranicheniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina [On the Question of the Principles of Limiting the Rights and Freedoms of Man and Citizen], *Obshchestvo i pravo*, 2011, no. 3, pp. 78–82.

Stefanov A. Yu. Pravo i svoboda: nekotorye voprosy teorii i filosofii prava [Law and Freedom: Some Questions of Theory and Philosophy of Law], *Sibirskii yuridicheskii vestnik*, 2004, no. 2, pp. 34–51.

Vas'kovskii E. V. *Uchebnik grazhdanskogo protsessa* [Civil Procedure Textbook], Moscow, Izd. Br. Bashmakovykh, 1917, 435 p.

Vershinina Yu. V. *Svoboda lichnosti v konstitutsionnom prave Rossiiskoi* [Personal Freedom in the Constitutional Law of the Russian Federation]: autoabstr. of cand. jur. sc. thesis, Tyumen', 2006, 25 p.

Yagofarova I. D. Imperativnyi kharakter polozhenii st. 55 Konstitutsii RF pri ustanovlenii ogranichenii prav i svobod cheloveka i grazhdanina v RF [The Imperative Nature of the Provisions of Art. 55 of the Constitution of the Russian Federation When Establishing Restrictions on the Rights and Freedoms of Man and Citizen in the Russian Federation], *Vestnik Omskogo universiteta*, 2017, no. 1, pp. 64–72.

Ekaterina Mikhailova – doctor of juridical sciences, associate professor, leading fellow of the Sector of Civil Law, Civil and Commercial Procedure, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 119019, Russian Federation, Moscow, Znamenka str., 10. E-mail: e.v.mihailova@bk.ru.

ORCID: 0000-0003-0313-3813

Дата поступления в редакцию / Received: 30.08.2021

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 01.10.2021

Н. А. Новиков

Арбитражный суд города Москвы
(Москва)

СУДЕБНОЕ ПРИМИРЕНИЕ В АРБИТРАЖНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

На основе анализа представлений ведущих ученых-процессуалистов, а также судебной практики сформулировано определение понятия мирового соглашения в арбитражном судопроизводстве, раскрыты его отличительные черты в сравнении с внесудебными соглашениями о примирении. Показано, что мировое соглашение обладает публично-правовой природой и является процессуальным актом. Соответственно, ему присущ важнейший признак, отсутствующий у внесудебных мировых сделок, – исполнимость. Мировое соглашение и примирительные процедуры соотносятся как механизм и результат: результатом примирительных процедур может быть мировое соглашение. Перечень примирительных процедур в арбитражном процессуальном законодательстве является открытым, однако следует различать судебные и внесудебные примирительные процедуры. Судебная примирительная процедура должна проводиться в рамках специальной процессуальной формы и с соблюдением основополагающих принципов примирения (добровольность, равноправие и сотрудничество).

Автор делает акцент на том, что арбитражный суд не вправе принуждать стороны к проведению примирительной процедуры, угрожать принятием неблагоприятного решения или высказывать суждения о деле или представленных сторонами доказательствах. Вместе с тем арбитражный суд должен адекватно реагировать на ситуации, когда стороны, заявляя ходатайство об отложении судебного разбирательства в связи с намерением провести примирительную процедуру, на самом деле не имеют такого намерения и преследуют цель затянуть рассмотрение дела. В данном случае удовлетворять ходатайство суд не должен. Также подчеркивается, что любые сведения и документы, представленные сторонами в ходе примирительной процедуры, без их письменного согласия не могут быть допущены к делу и приняты арбитражным судом в качестве доказательств.

Ключевые слова: арбитражное судопроизводство, примирение сторон, мировое соглашение, судебные примирительные процедуры, внесудебное и судебное примирение

Для цитирования

Новиков Н. А. Судебное примирение в арбитражном судопроизводстве: теория и практика // Российское право: образование, практика, наука. 2021. № 5. С. 46–53. DOI: 10.34076/2410_2709_2021_5_46.

УДК 347.91/95

DOI: 10.34076/2410_2709_2021_5_46

Рассмотрение дела в арбитражном суде не обязательно оканчивается вынесением решения. Процесс может завершиться, в частности, при примирении сторон.

Заклучение сторонами правового конфликта мирового соглашения – это наиболее предпочтительный исход дела. Выражение «Худой мир лучше доброй ссоры» действует

и в правовой плоскости. В литературе отмечают, что еще в дореволюционный период суд был обязан до разбирательства дела предложить сторонам прекратить дело миром и указать наиболее приемлемые, на его взгляд, пути достижения данной цели. При этом суд был обязан вникнуть в дело, но не навязывать сторонам никаких условий и не имел права

угрожать той или иной стороне решением дела против нее [Великая реформа: к 150-летию Судебных Уставов 2014: 138].

В современный период действуют похожие правила. Так, в соответствии с п. 4 постановления Пленума ВАС РФ от 18 июля 2014 г. № 50 «О примирении сторон в арбитражном процессе» при подготовке дела к судебному разбирательству судья в целях содействия сторонам в урегулировании спора предлагает лицам, участвующим в деле, сообщить сведения о совершенных действиях, направленных на примирение, если они предпринимались, а также представить документы, подтверждающие совершение указанных действий, если соответствующие документы имеются. В предварительном судебном заседании арбитражному суду следует выяснить мнение сторон о возможности урегулировать спор и с учетом данного мнения, а также обстоятельств конкретного спора предложить им использовать примирительные процедуры. Учитывая, что любая форма примирения предполагает добровольное волеизъявление обеих сторон правового конфликта, арбитражный суд не может принуждать стороны к заключению мирового соглашения.

Можно согласиться с мнением о том, что «функция суда по примирению должна заключаться в разъяснении сторонам их права урегулировать спор мирным путем и правовых последствий заключения мирового соглашения или урегулирования спора при содействии посредника, в том числе медиатора. Сторонам необходимо разъяснить требования, которые предъявляются законом к мировому соглашению, порядок его заключения, утверждения судом и исполнения сторонами, а также порядок обращения к посреднику» [Павликов, Флейшер 2015: 240].

Предметом судебного разбирательства является спорное материальное правоотношение. Стороны правового конфликта по-разному трактуют свои права и обязанности в рамках этого правоотношения, из-за чего конфликт и возник. Мировым соглашением формируется новое правоотношение между сторонами, а прежнее утрачивает силу. Е. А. Нефедьев писал, что «спор между сторонами возникает вследствие неясности, неопределенности установившегося между ними правоотношения. Заключая мировую сделку, стороны уничтожают эту неясность в правоотношении, для чего прежнее неясное

правоотношение заменяется другим – ясным, несомненным. Таким образом, с заключением мировой сделки прежнее правоотношение прекращается, и на место его является новое» [Нефедьев 1908: 335].

Итак, важнейшей характеристикой мирового соглашения выступает его преобразовательная функция: посредством него спорное правоотношение прекращается, и между сторонами возникает новое гражданское правоотношение. Собственно, такой эффект имеет любой гражданский договор. Однако мировое соглашение – это не договор в «чистом виде». Еще Е. В. Васьковский сформулировал основные отличия мировой судебной сделки от гражданско-правового договора: «Процессуальная мировая сделка отличается от гражданско-правовой, во-первых, тем, что касается спорного правоотношения, ставшего уже предметом судебного процесса, во-вторых, что совершается в присутствии суда, а иногда при его участии или, по меньшей мере, доводится до сведения суда и, в-третьих, что для нее установлены особые формы заключения» [Васьковский 2003: 363].

Иными словами, мировое соглашение имеет две стороны: внешнюю (как акт процессуального права) и внутреннюю (как гражданско-правовое соглашение). В. В. Момотов справедливо отметил, что «мировое соглашение по своей юридической силе издревле приравнивалось к судебному решению. Такой статус сохраняется за ним по сей день: заключение мирового соглашения влечет прекращение производства по делу и выдачу исполнительного листа». При этом ученый обоснованно считает, что принципиальных содержательных отличий от обычного материально-правового договора у мирового соглашения нет [Момотов 2019: 21].

Вместе с тем трудно согласиться с мнением о том, что «примирение в праве по своему содержанию представляет альтернативную государственному принуждению форму разрешения правовых споров» [Власенко, Чернышова 2012: 94]. Мировое соглашение является одним из элементов государственного судопроизводства, а внесудебное примирение, в какой бы форме оно ни осуществлялось, не может преградить сторонам доступ к правосудию.

Поскольку мировое соглашение должно быть утверждено судом, предварительно проверившим его на соответствие действу-

ющему законодательству и обстоятельствам дела, можно сказать, что судья несет ответственность за законность этого соглашения. Утверждение мирового соглашения, нарушающего права других лиц или не соответствующего нормам действующего законодательства, недопустимо и должно влечь для судьи дисциплинарную ответственность. Д. М. Чечот подчеркивал: «Мировая сделка, заключенная сторонами, не обязательна для суда. Так же как и при принятии отказа от иска, суд проверяет, не заключена ли сделка в нарушение или в обход закона, не направлена ли она к ущербу для государства или других лиц, не заключена ли она под влиянием заблуждения или зависимости одной стороны от другой» [Чечот 2005: 124]. Эта важнейшая обязанность суда – всесторонне проверить законность мировой сделки – должна неукоснительно реализовываться

Утверждая мировое соглашение, арбитражный суд берет на себя ответственность за его законность, за правовые последствия, которые оно повлечет

и в арбитражном судопроизводстве. Следует помнить, что в арбитражном судопроизводстве участвуют не только крупные субъекты бизнеса, но и субъекты среднего и малого предпринимательства, крестьянские (фермерские) хозяйства, граждане.

Утверждая мировое соглашение, арбитражный суд берет на себя ответственность за его законность, за правовые последствия, которые оно повлечет. Это обстоятельство имеет огромное практическое значение. В настоящее время положения АПК РФ позволяют заключать мировые соглашения не только в делах искового производства, но и в делах, возникающих из административных и иных публичных правоотношений. Но если в частноправовых отношениях субъекты свободны в определении комплекса их прав и обязанностей, то в публично-правовой плоскости свобода правоприменения ограничена необходимостью соблюдать общие интересы, интересы неопределенного круга лиц. Н. М. Коркунов так описал различие частных и публичных прав: «Свобода распоряжения предоставленной данному

лицу частью объекта приводит к тому, что и защита права на этот объект становится в большинстве случаев в зависимости от заинтересованного лица. Напротив, нарушение установленного правом приспособления объекта к совместному пользованию затрагивает интересы всех участвующих в пользовании и потому требует мер охраны права, независимых от чьего-либо индивидуального усмотрения» [Коркунов 2003: 228]. Таким образом, разграничение частного и публично-го права наиболее ярко проявляется как раз в процессе защиты.

В советский период заключение мировых соглашений в делах, возникающих из административных правоотношений, не допускалось. Ученые указывали, что «наличие не гражданского, а административных правоотношений между сторонами в этом производстве исключает, например, возможность мировой сделки» [Научно-практический комментарий к ГПК РСФСР 1976: 304]. Процессуальное законодательство дореволюционного периода также запрещало мировые сделки в публично-правовых спорах. А. Х. Гольмстен отмечал, что «не всякий спор может быть прекращен примирением: устав упоминает о делах казенных управлений, как о делах, которые не могут быть оканчиваемы примирением» [Гольмстен 1913: 268].

Современный законодатель допускает заключение мировых соглашений в арбитражном процессе как в исковом производстве, так и в производстве по делам, возникающим из административных правоотношений, однако АПК РФ предусматривает ряд условий примирения сторон спорного правоотношения публично-правовой природы. Согласно п. 2 ч. 3 ст. 190 АПК РФ мировое соглашение по делам, возникающим из административных правоотношений, может содержать квалификацию сделки, совершенной лицом, участвующим в деле, или статуса и характера деятельности этого лица. То есть такое мировое соглашение не может изменять содержание правовой нормы, регуливающей спорное административно-правовое отношение. Кроме того, мировое соглашение в делах, возникающих из административных правоотношений, может быть заключено лишь в случае, если к полномочиям соответствующего административного органа, участвующего в деле, федеральный закон относит заключение миро-

вых соглашений (п. 4 ч. 3 ст. 190 АПК РФ). При рассмотрении вопроса об утверждении мирового соглашения в производстве по делам, возникающим из административных и иных публично-правовых отношений, судье следует помнить концептуальное ограничение примирительных процедур: «они не подлежат применению в случаях, когда в результате урегулирования спора могут быть затронуты интересы третьих лиц и общества в целом» [Галимова, Галимов 2019: 17].

Важная черта мирового соглашения – его исполнимость. Как правильно писал Р. Е. Гукасян, «судебное мировое соглашение является действительным мирным урегулированием вопроса, так как соглашение сторон, утвержденное судом, придает отношениям сторон характер бесспорности. Возникает возможность принудительного осуществления права» [Гукасян 2008: 327]. Свойство исполнимости, общеобязательности выгодно отличает мировое соглашение от внесудебных соглашений о примирении, например медиативных. Внесудебное соглашение – простая сделка, и в случае отказа одной из ее сторон от исполнения она утрачивает все свои преимущества, противоположной стороне необходимо будет в общем порядке, через суд добиваться исполнения сделки. Утвержденная же судом мировая сделка при отказе стороны от исполнения ее условий будет исполнена в принудительном, бесспорном порядке согласно исполнительному листу. Поэтому неправильно называть мировым соглашением любое соглашение о примирении. Мировое соглашение – акт процессуального права с соответствующими публично-правовыми свойствами.

Далее, мировое соглашение – это результат проведения примирительных процедур. В ст. 138.2 АПК РФ установлено, что споры могут быть урегулированы путем переговоров, посредничества, в том числе медиации, судебного примирения, или использования других примирительных процедур, если это не противоречит федеральному закону. Однако на практике судьи затрудняются с решением вопроса о выборе примирительной процедуры и определением порядка ее проведения.

Прежде всего одной из примирительных процедур являются прямые, непосредственные переговоры сторон. Они могут про-

исходить как во внесудебном порядке, так и в присутствии судьи, при подготовке дела к судебному разбирательству или в судебном разбирательстве. Поставить вопрос о примирении судья может и должен в любой подходящий момент: например, во время собеседования со сторонами или в судебном разбирательстве. При этом необходимо помнить, что недопустимо принуждать стороны к проведению примирительной процедуры, а также давать оценки представленным ими доказательствам и описывать перспективы разрешения дела. Результатом переговоров сторон может быть гражданско-правовое соглашение, которое либо будет представлено арбитражному суду на утверждение и получит тем самым статус мирового соглашения, либо останется во внепроцессуальной плоскости и сохранит частноправовые черты. Кроме того, в результате переговоров истец может отказаться от иска полностью или в части, а ответчик – частично или в полном объеме признать иск.

Посредничество – еще один способ достичь примирения. Это те же переговоры, но с участием третьего, не заинтересованного в деле лица, чьей задачей является оказание сторонам содействия в урегулировании спора. Стороны свободны в выборе кандидатуры посредника. Частным, отдельным случаем посредничества выступает внесудебная медиация. Стороны могут просить арбитражный суд отложить производство по делу в связи с намерением обратиться к посреднику (или медиатору) за содействием в урегулировании спора. Собственно говоря, стороны могут ходатайствовать об отложении производства и для проведения непосредственных переговоров, однако здесь есть важный аспект. Заявляя о желании примириться, сторона может лукавить и в действительности такого намерения не иметь. И тогда удовлетворение ее ходатайства об отложении производства по делу будет лишь затягивать рассмотрение дела. Иными словами, в некоторых случаях заявление стороны о намерении заключить мировое соглашение является злоупотреблением правом. Арбитражный суд должен пресекать подобные ситуации.

Например, общество с ограниченной ответственностью обратилось в арбитражный суд с иском к рыболовецкому колхозу

о взыскании основного долга по договору на выполнение ремонтных работ на судне, неустойки, а также неустойки в размере 0,01 %, начисленной на сумму долга. Ответчик, надлежащим образом извещенный о месте и времени проведения предварительного судебного заседания, в суд не явился. От ответчика поступил мотивированный отзыв на исковое заявление с приложением ходатайства о заключении мирового соглашения. Арбитражный суд, рассмотрев это ходатайство в соответствии со ст. 141, 159 АПК РФ, в целях предоставления сторонам возможности урегулирования спора мирным путем в порядке ст. 163 АПК РФ в судебном заседании объявил перерыв для уточнения позиций сторон о возможности заключения мирового соглашения.

После перерыва предварительное судебное заседание было продолжено с участием истца. Представитель ответчика, надлежащим образом извещенный о месте и времени проведения предварительного судебного заседания, в суд не явился, от него повторно поступило ходатайство об отложении судебного заседания для обсуждения с истцом условий мирового соглашения. В судебном заседании после перерыва истец против отложения судебного заседания возражал, представил письменные возражения на отзыв ответчика с подписью генерального директора истца; генеральный директор отрицал реальную возможность заключения с ответчиком мирового соглашения. В судебном заседании истец поддержал позицию по делу в полном объеме, сообщил, что реального намерения заключить мировое соглашение у ответчика не имеется.

С учетом изложенного, рассмотрев заявленное ответчиком ходатайство в порядке ст. 158, 159 АПК РФ, суд не усмотрел оснований для его удовлетворения и указал, что исходя из конкретных обстоятельств дела суд самостоятельно решает вопрос об отложении рассмотрения дела, за исключением тех случаев, когда обязан отложить рассмотрение дела ввиду невозможности его рассмотрения в силу требований АПК РФ. Лица, участвующие в деле, должны добросовестно пользоваться всеми принадлежащими им процессуальными правами (ч. 2 ст. 41 АПК РФ). В пределах предоставленных суду процессуальных полномочий, поскольку отложение судебного разбирательства является правом, а не обязанностью суда, и с учетом

представления письменного отзыва суд отклонил ходатайство ответчика об отложении судебного заседания. Дело было рассмотрено в отсутствие ответчика в порядке ст. 156 АПК РФ (решение Арбитражного суда Приморского края от 4 марта 2021 г. по делу № А51-6657/2020).

Мировое соглашение также может стать итогом судебного примирения. В научной литературе этой новелле арбитражного процессуального законодательства дана положительная оценка. Но при этом Г. В. Молева верно подчеркивает, что «обращение судьи к медиации, судебный контроль за осуществлением медиативной процедуры, ее возобновление, прекращение, завершение должны происходить в предусмотренной законом процессуальной форме, что позволит обеспечить процессуальные гарантии урегулирования спора медиатором, а при безуспешной медиации – разрешение спора судом» [Молева 2014: 154].

Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 2019 г. утвержден Регламент проведения судебного примирения. В нем содержатся важнейшие гарантии соблюдения прав обеих сторон правового конфликта при проведении судебной примирительной процедуры. Регламент закрепляет основополагающие принципы судебного примирения, первое место среди которых отведено принципу добровольности. Но, пожалуй, первостепенное значение имеет норма, закрепленная в ч. 1 ст. 6 Регламента: стороны, судебный примиритель и иные лица, присутствовавшие при проведении судебного примирения, не вправе без письменного согласия обеих сторон ссылаться при рассмотрении дела в суде на мнения или предложения, высказанные одной из сторон в отношении возможного примирения; признания, сделанные одной из сторон в ходе процедуры; проявление готовности одной из сторон принять предложение о примирении, сделанное другой стороной; сведения, содержащиеся в документе, подготовленном исключительно для судебного примирения. Нужно подчеркнуть, что в соответствии с этим правилом арбитражный суд должен отказать в приобщении к делу доказательств или заявлений, которые были сделаны в ходе примирительной процедуры, и на раскрытие которых нет письменного закрепленного согласия. В целом Регламент представляет собой детализированное

описание процессуальной формы реализации судебного примирения. Вместе с тем было бы желательно дополнить и АПК РФ нормами, регламентирующими принципы и порядок проведения примирительной процедуры.

Можно выделить несколько проблемных аспектов судебного примирения.

Во-первых, следует определить природу правоотношений, возникающих в ходе судебной примирительной процедуры. С одной стороны, поскольку они складываются в судебной плоскости, то должны иметь характер процессуальных правоотношений. Как известно, арбитражные процессуальные правоотношения – отношения властные, публично-правовые. В силу этого распоряжения суда обязательны для всех участников процесса. С другой стороны, примирительная процедура онтологически отличается от разрешения дела по существу: перед судьей-примирителем стоит задача не определить «правого и виноватого», а найти способ обеспечить интересы обеих сторон. Следовательно, на первый план выходят принципы сотрудничества, равенства, добровольности. Вправе ли судья-примиритель давать сторонам обязательные к исполнению указания? Может ли он высказывать свою позицию по делу? В арбитражном судопроизводстве это запрещено, но при урегулировании спора подчас необходимо.

Во-вторых, судебную примирительную процедуру проводит не судья, рассматривающий дело, а другой судья, судья в отставке. Какова природа отношений, складывающихся в ходе примирительной процедуры при участии судьи-примирителя? Общепризнано, что процессуальными являются отношения, связывающие суд, рассматривающий дело, с лицами, участвующими в деле. Кроме того, в доктрине получил признание постулат, выраженный Н. А. Чечиной: «Отношения, складывающиеся в процессе судебной деятельности между ее отдельными участниками, либо вообще носят неправовой характер, либо являются материально-правовыми по своему содержанию» [Чечина 2004: 42].

В-третьих, какова судьба соглашения, достигнутого сторонами в процессе судебного примирения, но не утвержденного судом, рассматривающим дело?

На эти вопросы еще предстоит найти ответы. Однако приоритет примирения (как внесудебного – в порядке досудебного урегулирования споров, так и судебного) в сфере гражданской юрисдикции очевиден. Это позволит существенно снизить нагрузку на судебную систему нашего государства и будет способствовать сохранению деловых отношений в сфере предпринимательской деятельности.

Список литературы

- Васьковский Е. В. Учебник гражданского процесса. М.: Зерцало, 2003. 464 с.
- Великая реформа: к 150-летию Судебных Уставов: в 2 т. / под ред. Е. А. Борисовой. М.: Юстицинформ, 2014. Т. 1: Устав гражданского судопроизводства. 544 с.
- Власенко Н. А., Чернышова Т. В. Примирение и право // Журнал российского права. 2012. № 7. С. 91–105.
- Галимова Н. А., Галимов О. Х. Примирительные процедуры в судопроизводстве Российской Федерации // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. № 3. С. 16–22.
- Гольмстен А. Х. Учебник русского гражданского судопроизводства. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1913. 429 с.
- Гукасян Р. Е. Избранные труды по гражданскому процессу. М.: Проспект, 2008. 480 с.
- Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2003. 430 с.
- Молева Г. В. Судебная медиация как один из элементов современной судебной политики // Правовая политика и правовая жизнь. 2014. № 2. С. 153–154.
- Момотов В. В. Экономическая и правовая ценность договора в судебном процессе // Журнал российского права. 2019. № 1. С. 19–25.
- Научно-практический комментарий к ГПК РСФСР. М.: Юрид. лит., 1976. 600 с.
- Нефедьев Е. А. Учебник русского гражданского судопроизводства. М.: Тип. Император. Москов. ун-та, 1908. 403 с.

Павликов С. Г., Флейшер Н. Б. О примирении как функции судебной деятельности // Общество и право. 2015. № 1. С. 238–241.

Чечина Н. А. Избранные труды по гражданскому процессу. СПб.: Издат. дом С.-Петербур. гос. ун-та, 2004. 656 с.

Чечот Д. М. Избранные труды по гражданскому процессу. СПб.: Издат. дом С.-Петербур. гос. ун-та; Изд-во юрид. фак. С.-Петербур. гос. ун-та, 2005. 616 с.

Николай Алексеевич Новиков – кандидат юридических наук, председатель Арбитражного суда города Москвы. 127994, Российская Федерация, Москва, ул. Селезневская, д. 9. E-mail: a40.secretariat@arbitr.ru.

ORCID: 0000-0002-8086-8672

Judicial Conciliation in Commercial Proceedings: Theory and Practice

Based on the analysis of the views of leading legal scholars, as well as judicial practice, the definition of a settlement agreement in commercial proceedings is formulated, its distinctive features are revealed in comparison with out-of-court agreements on reconciliation. It is shown that a settlement agreement has a public law nature and is a procedural act. Accordingly, the most important feature that is absent in out-of-court settlement transactions – enforceability – is inherent in a settlement agreement. Such an agreement and conciliation procedures correlate as a mechanism and a result: the result of conciliation procedures can be a settlement agreement. The list of conciliation procedures in the commercial procedural legislation is open, however, one should distinguish between judicial and extrajudicial conciliation procedures. The judicial conciliation procedure should be carried out within the framework of a special procedural form and in compliance with the fundamental principles of reconciliation (voluntariness, equality and cooperation).

Special emphasis is laid on the fact that the arbitral tribunal does not have the right to compel the parties to conduct a conciliation procedure, threaten to make an unfavorable decision or express judgments about the case or the evidence presented by the parties. At the same time, the arbitral tribunal must adequately respond to situations where the parties, when they file a motion to postpone the proceedings in connection with the intention to conduct a conciliation procedure, do not really have such an intention and are pursuing the goal of delaying the consideration of the case. The court then should not satisfy the request. It was also emphasized that any information and documents provided by the parties during the conciliation procedure, without their written consent, cannot be admitted to the case and accepted by the arbitration court as evidence.

Keywords: commercial proceedings, reconciliation of the parties, settlement agreement, judicial conciliation procedures, extrajudicial and judicial conciliation

Recommended citation

Novikov N. A. Sudebnoe primirenie v arbitrazhnom sudoproizvodstve: teoriya i praktika [Judicial Conciliation in Commercial Proceedings: Theory and Practice], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2021, no. 5, pp. 46–53, DOI: 10.34076/2410_2709_2021_5_46.

References

Borisova E. A. (ed.) *Velikaya reforma: к 150-letiyu Sudebnykh Ustavov* [The Great Reform: To the 150th Anniversary of the Judicial Charters], Moscow, Yustitsinform, 2014, vol. 1, 544 p.

Chechina N. A. *Izbrannye trudy po grazhdanskomu protsessu* [Selected Works on Civil Procedure], Saint Petersburg, Izdat. dom S.-Peterb. gos un-ta, 2004, 656 p.

Chechot D. M. *Izbrannye trudy po grazhdanskomu protsessu* [Selected Works on Civil Procedure], Saint Petersburg, Izdat. dom S.-Peterb. gos. un-ta, Izd-vo yurid. fak. S.-Peterb. gos. un-ta, 2005, 616 p.

Galimova N. A., Galimov O. Kh. Primiritel'nye protsedury v sudoproizvodstve Rossiiskoi Federatsii [Conciliation Procedures in the Legal Proceedings of the Russian Federation], *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2019, no. 3, pp. 16–22.

Gol'msten A. Kh. *Uchebnik russkogo grazhdanskogo sudoproizvodstva* [Textbook of Russian Civil Procedure], Saint Petersburg, Tip. M. Merkusheva, 1913, 429 p.

Gukasyan R. E. *Izbrannye trudy po grazhdanskomu protsessu* [Selected Works on Civil Procedure], Moscow, Prospekt, 2008, 480 p.

Korkunov N. M. *Lektsii po obshchei teorii prava* [Lectures on General Theory of Law], Saint Petersburg, Yurid. tsentr «Press», 2003, 430 p.

Moleva G. V. Sudebnaya mediatsiya kak odin iz elementov sovremennoi sudebnoi politiki [Judicial Mediation as One of the Elements of Modern Judicial Policy], *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'*, 2014, no. 2, pp. 153–154.

Momotov V. V. Ekonomicheskaya i pravovaya tsennost' dogovora v sudebnom protsesse [Economic and Legal Value of the Contract in the Litigation], *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2019, no. 1, pp. 19–25.

Nauchno-prakticheskii kommentarii k GPK RSFSR [Scientific and Practical Commentary on the Code of Civil Procedure of the RSFSR], Moscow, Yurid. lit., 1976, 600 p.

Nefed'ev E. A. *Uchebnik russkogo grazhdanskogo sudoproizvodstva* [Textbook of Russian Civil Procedure], Moscow, Tip. Imperator. Moskov. un-ta, 1908, 403 p.

Pavlikov S. G., Fleisher N. B. O primireнии kak funktsii sudebnoi deyatel'nosti [On Reconciliation as a Function of Judicial Activity], *Obshchestvo i pravo*, 2015, no. 1, pp. 238–241.

Vas'kovskii E. V. *Uchebnik grazhdanskogo protsessa* [Textbook of Civil Procedure] Moscow, Zertsalo, 2003, 464 p.

Vlasenko N. A., Chernyshova T. V. Primirenie i pravo [Reconciliation and Law], *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2012, no. 7, pp. 91–105.

Nikolay Novikov – candidate of juridical sciences, chairman of the Commercial Court of the City of Moscow. 127994, Russian Federation, Moscow, Seleznyovskaya str., 9. E-mail: a40.secretariat@arbitr.ru.

ORCID: 0000-0002-8086-8672

Дата поступления в редакцию / Received: 30.08.2021

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 01.10.2021

В. С. Дорошенко

Лангепасский городской суд

Уральский государственный юридический университет

(Лангепас)

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НЕФТИ И ЕЕ ПРОДУКТОВ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ

Не прекращаются повреждения магистральных трубопроводов, нефтепроводов и нефтепродуктопроводов с целью хищения из них транспортируемого углеводорода. Существованию этой проблемы, по мнению автора, способствуют недостатки действующего уголовного закона. В статье представлен общий ретроспективный анализ всех изменений ст. 158 и 215.3 УК РФ, направленных на усиление уголовно-правового противодействия хищениям нефти из специальных трубопроводов.

Изучив законодательный материал и показатели состояния преступности в данной сфере, мнения ученых, автор делает выводы о причинах и недостатках изменений Уголовного кодекса, их теоретических и практических последствиях. Предлагается исключить понятие «трубопровод» из уголовно-правового определения хранилища, убрать из ст. 215.3 УК РФ ссылки на преступные мотивы, устранить логические противоречия, допущенные в описании объективной стороны этого преступления.

Ключевые слова: хранилище, трубопровод, хищение из нефтепровода, повреждение нефтепровода, повреждение нефтепродуктопровода

Для цитирования

Дорошенко В. С. Уголовная ответственность за преступления в сфере незаконного оборота нефти и ее продуктов: ретроспективный анализ // Российское право: образование, практика, наука. 2021. № 5. С. 54–64. DOI: 10.34076/2410_2709_2021_5_54.

УДК 343

DOI: 10.34076/2410_2709_2021_5_54

Наиболее распространенным преступлением в сфере функционирования нефтегазового комплекса является хищение углеводородов из трубопроводов разных видов. Официальная статистика МВД РФ в этой сфере не всегда отвечает реальному положению дел, что, в частности, обусловлено частыми ошибками при заполнении соответствующих статистических форм. Один из лидеров по количеству официально регистрируемых краж нефти и ГСМ – Ханты-Мансийский автономный округ [Гумаров 2015: 12]. Обобщение судебной практики этого округа по совершенным за последние 10 лет преступлениям с квалифицирующими признаками, предусмотренными п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ и ст. 215.3 УК РФ, выявило массу теоретических и правоприменительных проблем. Их наличие привело к возникновению у судей

разных, порой диаметрально противоположных мнений в идентичных правовых ситуациях.

Наиболее значимые противоречия во мнениях имели место при разрешении вопросов, связанных с определением признаков специальных трубопроводов, охраняемых уголовным законом; с установлением мотивов их повреждений, мест совершения и момента окончания хищений из них; с определением размера причиненного ущерба, квалификацией действий соучастников. Разные подходы прослеживались и при квалификации совокупности кражи с повреждением нефтепровода.

Представляется, что подавляющее большинство практических проблем детерминировано небрежностью уголовного нормотворчества в 2000-е гг.

Так, до 5 ноября 2002 г. уголовный закон дефиниции хранилища не содержал, а потому отнесение к хранилищу всякого трубопровода находилось на усмотрении правоприменителей. Между тем Верховный Суд РФ поддерживал те судебные оценки, в которых нефтепровод отождествлялся с иным хранилищем (см., например: определение ВС РФ от 14 ноября 2001 г. № 46-О01-44).

Лишь после внесения в ст. 158 УК РФ изменений Федеральным законом от 31 октября 2002 г. № 133 в распоряжении правоохранителя впервые появилось легальное определение понятия хранилища. В его объем были включены и магистральные трубопроводы. В то же время категория тяжести такого преступления, как кража из хранилища, была понижена с тяжкой до средней. Соответственно снизился размер наказания за ее совершение.

Исходя из пояснительной записки к проекту названного Федерального закона, можно заключить, что депутатская мысль того времени основывалась на гуманизации ответственности за кражу, а потому ослабление уголовной репрессии представлялось справедливым и необходимым решением. Авторы закона обосновывали свое мнение суждениями о небольшой общественной опасности кражи с признаками, предусмотренными ч. 2 ст. 158 УК РФ; указывали на возрастание доли тяжких преступлений в общем объеме преступности с 19 % в 1993 г. до 58,8 % в 2000 г.; ссылались на то, что по ч. 2 ст. 158 УК РФ к лишению свободы в размере от пяти до шести лет были осуждены лишь 3–4 % подсудимых.

Правительство РФ не поддержало предложенные изменения Уголовного кодекса. В официальном отзыве от 24 января 2002 г. № 396п-П4 оно обращало внимание депутатов на то, что изменения санкций чч. 1 и 2 ст. 158 УК РФ лишит сложившуюся систему уголовных наказаний баланса. Однако эти возражения не воспрепятствовали принятию депутатами указанных уголовных новаций. В итоговом варианте закона определение хранилища (повторим) было изменено, словосочетание «магистральный нефтепродуктопровод» было заменено на понятие «магистральный трубопровод».

Подобное увеличение объема понятия хранилища явно демонстрирует цели законодателей – обеспечение надлежащей уголовной защиты не только нефтепродуктопроводов, но

и любого иного магистрального трубопровода, однако связанного с транспортировкой и хранением только углеводородов. На это прямо указывает признак магистрали, определяющий специальные трубопроводы, указанного предназначения. Последнее суждение следует из определения, данного в Своде правил «Магистральные трубопроводы» (утв. приказом Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ от 18 февраля 2014 г. № 61/пр).

Следует отметить, что узаконенная дефиниция понятия «хранилище» содержит логическую ошибку, поскольку делает «круг»: определяет понятие «хранилище» через указание на понятие «хранение», которое в свою очередь может быть определено только через понятие «хранилище». Кроме того, буквальное толкование определения хранилища позволяет сделать вывод, что уголовный закон охранял только магистральные трубопроводы, предназначенные для хранения материальных ценностей. Соответственно можно заключить, что уголовный закон исключал из зоны своей охраны магистральные трубопроводы, не предназначенные для хранения, а также иные, немагистральные, но используемые для хранения материальных ценностей трубопроводы.

Примечательно, что ослабление в конце 2002 г. криминальной репрессии за кражу произошло на фоне явно выраженного роста преступности этого вида. Приведенная Н. А. Лопашенко статистика показывает, что с 2002 по 2005 г. общее число краж увеличилось с 926 808 до 1 572 996 [Лопашенко 2006]. Значительно возросло и количество криминальных повреждений магистральных нефтепроводов (врезок в них): с 748 в 2003 г. до 1132 в 2005 г.¹

При этом в последственной работе укоренилась практика оценки врезок в магистральные нефтепроводы как приготовления к краже. А по общему правилу, предусмотренному ч. 2 ст. 30 УК РФ, приготовление к преступлению средней тяжести уголовную ответственность не влечет [Клюев 2008: 24].

Данные изменения закона осложнили деятельность судов. К числу значимых проблем можно отнести разные подходы к квалификации повреждения нефтепровода для

¹ Сливной бизнес. 2018 // URL: <https://www.transneft.ru/pressReleases/view/id/11871> (дата обращения: 12.05.2021).

обеспечения хищения из него. Однако Верховный Суд РФ в постановлении Пленума от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» указал на отсутствие в названных криминальных обстоятельствах правовой совокупности ст. 158 и 167 УК РФ, объяснив это тем, что всякое повреждение имущества, обеспечивающее доступ к предмету хищения, является способом его совершения.

Следует отметить, что такой подход не учитывал особо опасные случаи кражи из магистральных трубопроводов, при которых повреждалось не просто имущество, предназначенное для хранения материальных ценностей, а имущество, имеющее специальный правовой статус и особенное функциональное назначение, которое явно хранением не ограничивалось. Тем не менее суды действовали сообразно рекомендациям названного постановления Пленума Верховного Суда РФ.

Так, определением Верховного Суда РФ от 10 марта 2010 г. № 11-О10-08 оставлен без изменения приговор, которым кража и умышленное повреждение нефтепровода квалифицированы только по ст. 158 УК РФ. К аналогичному решению пришел Тамбовский областной суд в приговоре от 2 июня 2006 г., вынесенном в отношении участников организованной группы, восемь раз умышленно повредивших магистральный нефтепровод. Кассационным определением Верховного Суда РФ от 10 октября 2006 г. № 13-о06-25 указанный приговор оставлен без изменения.

Между тем существовали и иные судебные оценки, на которые обращали внимание А. Безверхов и О. Адоевская. Они отмечали, что некоторые суды в краже из нефтепровода, совершенной с его повреждением, усматривают совокупность ст. 158 и 167 УК РФ [Безверхов, Адоевская 2007: 15]. Примечательно, что это квалификационное решение отстаивалось и представителями Правового управления аппарата Государственной Думы Федерального собрания РФ в заключении от 16 июня 2006 г. № 2.2-1/1992 к следующим законодательным предложениям, касающимся изменений уголовного закона в анализируемой сфере.

Однако в тот исторический период хищение из магистрального трубопровода с любым его повреждением было нивелировано до

бытовых краж из приусадебных и временных строений. Наказание за кражу из трубопровода этого вида по своей строгости нормативно ничем не отличалось от наказания за обыкновенную карманную кражу либо кражу, причинившую гражданину значительный ущерб.

Ошибочность ослабления уголовной репрессии за кражу нефти и ее продуктов из магистральных трубопроводов официально признана законодателями лишь спустя четыре года. В пояснительной записке к проекту Федерального закона № 288967-4 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» депутаты акцентировали внимание на особо опасной криминальной угрозе, устранение которой требовало специальной уголовно-правовой охраны магистральных трубопроводов. Авторы проекта ссылались на факты хищений нефти специально подготовленными, материально оснащенными организованными группами, имеющими разветвленные коррупционные связи, а также на значительный сопутствующий краже из нефтепровода ущерб, в том числе экологический. Особый акцент сделан на отсутствии действенных уголовно-правовых средств борьбы с грубыми нарушениями лицензионных требований и условий при хранении и переработке нефти и нефтепродуктов, сопровождающими деятельность организованных преступных групп, специализирующихся на хищениях и незаконном обороте углеводородного сырья.

Для решения обозначенных проблем предлагалось дополнить Уголовный кодекс РФ ст. 167.1 и 171.2, предусматривающими ответственность за повреждение нефтепровода, нефтепродуктопровода и газопроводов, а также за незаконный оборот нефти, газа и продуктов их переработки; установить в п. «б» ч. 2 ст. 175 УК РФ специальную ответственность за приобретение краденой нефти и продуктов ее переработки; усечь объем понятия хранилища, убрав из него слово «магистральный».

Указанные предложения подверглись серьезной критике.

Представители Комитета по энергетике, транспорту и связи в своем заключении к названному законопроекту утверждали, что существующие нормы охватывают все случаи краж и повреждений нефтепроводов,

а потому введение новых норм не требуется. Они полагали, что проект ст. 171.2 не учитывает перевозку, а также реализацию нефти, газа и продуктов их переработки, оставляя эти действия в пределах диспозиции ст. 171 УК РФ. По их убеждениям, дополнения п. «б» ч. 2 ст. 175 УК РФ неясны по смыслу, поскольку уравнивают общественную опасность приобретения краденого литра бензина с приобретением краденого автомобиля, а наличие слова «трубопровод» в определении понятия хранилища сохраняет внутренние противоречия в структуре диспозиции ст. 158 УК РФ.

В официальном отзыве на законопроект от 23 августа 2006 г. № 3095п-П4 представители Правительства РФ отмечали, что введение в кодекс ст. 167.1 создаст коллизию со ст. 167 и 215.2, а предлагаемые изменения ст. 175 УК РФ не учитывают стоимость похищенного имущества. Также авторы отзыва настаивали на сохранении в признаках определения понятия «хранилище» словосочетания «магистральный трубопровод», поясняя, что в противном случае уголовное наказание за открытое хищение из магистрального трубопровода будет неоправданно ниже, чем за кражу из него.

Не видели правоприменительных сложностей, требующих дополнения Уголовного кодекса новыми деликтными нормами, и в Правовом управлении Аппарата Государственной Думы Федерального Собрания РФ. Должностные лица этого ведомства в заключении от 16 июня 2006 г. № 2.2-1/1992 указывали, что предлагаемая ст. 171.2 будет противоречить ст. 17 Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 128 «О лицензировании отдельных видов деятельности», поскольку Федеральным законом от 2 июля 2005 г. № 80-ФЗ из диспозиции данной статьи исключена деятельность по хранению и переработке нефти и газа.

Однако следует отметить, что представленные суждения о последствиях нормативных преобразований ст. 17 указанного Федерального закона весьма спорны. Этот закон до и после описанных изменений предусматривал лицензионный порядок осуществления деятельности, связанной с эксплуатацией химически опасных производственных объектов, к которым, в частности, отнесены объекты, хранящие, перерабатывающие и транспорти-

рующие нефть и другие углеводороды. Соответственно проект ст. 171.2 не мог противоречить требованиям названного закона.

Официальный отзыв Верховного Суда РФ от 13 февраля 2006 г. № 752-2/общ содержал лишь замечания о неполноте диспозиции ст. 171.2, выражающейся в том, что некоторые действия с нефтью и ее продуктами оставались в рамках конструкции ст. 171 УК РФ, ответственность по которой значительно ниже.

Таким образом, негативные оценки законопроекта пророчили не только усиление существующих проблем Уголовного кодекса, но и появление новых. Тем не менее Федеральный закон от 30 декабря 2006 г. № 283-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» был принят без особых доработок. В его итоговую версию не вошла ст. 171.2. Идея о самостоятельной уголовной ответственности за повреждение нефтепровода была реализована, но не в ст. 167.1, как изначально предлагалось, а в ст. 215.3, т. е. совершенно в другом разделе Уголовного кодекса, посвященном охране общественной безопасности и общественному порядку. Часть 3 ст. 158 УК РФ приобрела новый квалифицирующий признак, специально предусматривающий ответственность за кражу из нефтепровода, нефтепродуктопровода, газопровода.

Изменения коснулись и уголовно-правового определения понятия «хранилище», из которого было удалено слово «магистральный». Теперь исходя из буквального толкования ст. 158 УК РФ и третьего примечания к ней уголовная ответственность должна наступать за проникновение в любой трубопровод, предназначенный для хранения материальных ценностей, что явно не входило в цели и задачи законодателей, намеревавшихся усилить уголовно-правовую охрану только химически опасных трубопроводов.

Как показывает практика, изменения не привели к особым криминологическим успехам, не добавили представителям доктрины спокойствия, а правоприменению – стабильности. Несмотря на некоторое снижение количества криминальных врезок в магистральные трубопроводы с 711 в 2007 г. до 543

в 2010 г.¹, сообщений о кражах нефти и нефтепродуктов было все так же много. В 2010 г. зарегистрировано 3945 хищений указанного вида [Гумаров 2015: 12].

Примечательно, что в своих первых отзывах об изменениях закона руководители Верховного Суда РФ не усматривали каких-либо практических трудностей в определении понятия хранилища. Однако такие высказывания не отражали реальное положение дел. Некоторые авторы, в числе которых А. И. Рарог, правильно указывали на ошибочность отнесения трубопровода к хранилищу [Уголовное право 2007: 159].

Высказывались мнения и о том, что трубопровод в большей степени относится к транспорту, нежели к хранилищу, а следовательно, указание на него в ст. 158 УК РФ и 215.3 УК РФ алогично. Обоснованием сказанному, в частности, служило предусмотренное ст. 269 УК РФ (до 2018 г.) «транспортное» преступление. Видовой объект этого преступления включал отношения, связанные с обеспечением нормальной эксплуатации транспорта, тогда как непосредственный объект был связан с надлежащей эксплуатацией магистральных трубопроводов [Уголовное право 2006: 547].

В связи с появлением в ст. 215.3 УК РФ дополнительных терминологических неопределенностей правоприменитель столкнулся с новыми коллизионными осложнениями, при этом не только в ст. 158 УК РФ, но и в других статьях Уголовного кодекса, например в ст. 215.3, содержащей специальную по отношению к ст. 167 УК РФ норму.

Конкуренцию норм о краже из нефтепровода (п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ) с нормами о его повреждении (ст. 215.3 УК РФ) суды устраняли сообразно разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29, исключавшим самостоятельную ответственность за умышленное повреждение нефтепровода в целях обеспечения хищения этого вида. Соответственно на практике норма ст. 215.3 УК РФ в большинстве случаев не применялась, поскольку повреждение нефтепровода практически всегда было обусловлено хищением из него. Однако такие судебные оценки явно не учитывали наличие в конструкции состава преступления, описанного в ст. 215.3 УК РФ, структурно отличного от преступлений против собствен-

ности объекта уголовно-правовой охраны, направленного на регулирование отношений в сфере общественной безопасности. А полная структурная независимость объекта преступного посягательства является одним из очевидных признаков присутствия совокупности преступлений, определенной ст. 17 УК РФ.

Подобными соображениями, возможно, руководствовался и законодатель, отказавшийся на стадии законопроекта от включения умышленного повреждения нефтепровода в раздел Уголовного кодекса, посвященный экономической сфере.

Конструктивные недоработки ст. 215.3 УК РФ, связанные с явными логическими противоречиями, допущенными в описании объективной стороны преступления, а также внедрение в субъективную сторону обязательных мотивов осложнили правильное восприятие и применение данной нормы.

В. И. Радченко, будучи в 2007 г. первым заместителем председателя Верховного Суда РФ, предлагал к мотивам, указанным в ст. 215.3 УК РФ, относить действия, не связанные с кражей (умышленное причинение ущерба конкурирующей организации, получение страховых выплат, создание экономических трудностей для предприятия с целью его захвата). Он заключил, что умысел виновного в этом преступлении должен охватывать как сами действия, так и их последствия, т. е. быть направленным на прекращение подачи углеводородов по трубопроводу [Комментарий к Уголовному кодексу 2007: 310].

Подобными представлениями о мотивах, перечисленных в ст. 215.3 УК РФ, руководствовался Президиум Пензенского областного суда в постановлении от 8 августа 2008 г. по делу № 44у-77. Суд, прекратив уголовное преследование осужденного по ст. 215.2 и 215.3 УК РФ, неоднократно повредившего газопровод в целях кражи из него газа, отметил, что реализация виновным умысла на хищение газа указывает на отсутствие у него умысла на повреждение газопровода.

Сильная сторона таких суждений вполне очевидна: они основаны на концептуальном разведении корыстных мотивов кражи и повреждения нефтепровода. Наделение мотива последнего преступления самостоятельными характеристиками очевидно упрощает понимание и применение нормы, закрепленной в ст. 215.3 УК РФ. Однако в трактовке

¹ Сливной бизнес. 2018.

В. И. Радченко уголовно-правовая охрана повреждения нефтепровода явно проигрывает, поскольку при совокупности кражи и повреждения нефтепровода мотив первого преступления, очевидно, доминирует, что в некоторых случаях не позволяет достоверно установить самостоятельную мотивацию виновного на повреждение нефтепровода.

В дополнительном разъясняющем постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2010 г. № 31 «Об изменении и дополнении некоторых постановлений Пленума Верховного Суда РФ по уголовным делам» проблема правильного разграничения мотивов анализируемых преступлений также оставлена без должного внимания. В этом решении суд императивно указал, что любая кража, при которой наступили последствия, предусмотренные ст. 215.3 УК РФ, либо возникла угроза их наступления, образует совокупность этих преступлений. В результате один из признаков субъективной стороны преступления, прямо указанный в диспозиции ст. 215.3 УК РФ, утратил в условиях хищения обязательное составообразующее значение. Теперь корыстные побуждения к повреждению нефтепровода зачастую на практике доказываются через корыстный мотив сопутствующей ему кражи.

Так, Сургутский городской суд в приговоре от 4 апреля 2011 г. по делу № 1-393-11, вынесенном по фактам умышленных повреждений нефтепровода и краж из него, корыстную цель хищения этого вида отождествил с корыстным мотивом повреждения нефтепровода.

Между тем представляется очевидным, что мотивы преступлений, совершаемых в сфере общественной безопасности, существенно отличны от мотивов преступных посягательств на отношения собственности. Практика показывает, что первые преступления зачастую превосходят вторые и по степени общественной опасности, однако уголовная ответственность за кражу из нефтепровода строже наказания за его преступное повреждение. Н. Иванов обращал внимание на данный факт, как на аргумент против правовой совокупности ст. 158 и 215.3 УК РФ в условиях, когда приведение в негодность нефтепровода, нефтепродуктопровода или газопровода является необходимым средством совершения хищений из них [Иванов 2007: 28].

Думается, что такая позиция слаба, поскольку оставляет без внимания явно страдающие от преступного посягательства отношения в сфере общественной безопасности. Соответственно, правовая позиция Верховного Суда РФ несомненно усиливала уголовно-правовую охрану трубопровода от несанкционированных проникновений в него, но, как показывают криминологическая обстановка в анализируемой сфере и назначаемые судами наказания, лишь теоретически. В литературе со ссылкой на ГИАЦ МВД отмечалось, что в России в 2017 г. было зарегистрировано 3400 краж нефти и нефтепродуктов [Плешаков, Осипов 2018: 156], что немногим менее показателя в 2010 г. (3945).

Представляется очевидным, что мотивы преступлений, совершаемых в сфере общественной безопасности, существенно отличны от мотивов преступных посягательств на отношения собственности

Криминальные повреждения магистральных трубопроводов путем врезок в них все еще чрезвычайно распространены. По данным ПАО «Транснефть», за последние три года на магистрали общества выявлено 566 врезок. От преступной деятельности врезчиков компания потеряла 1,8 млрд руб.¹

Научная мысль не осталась в стороне от правоприменительных проблем, невольно созданных законодателем из благих побуждений. Возникшие мнения можно разделить на две основные группы.

В первую включены мнения ученых, относившихся к описанным модернизациям уголовного закона исключительно критически.

Так, Ф. Н. Багаутдинов видел в обсуждаемых изменениях неправомерное, антиконституционное специальное установление уголовной ответственности за хищение имущества отдельных видов, противоправное выделение и усиление значимости охраны только государственного имущества [Багаутдинов, Гумаров 2008: 93].

Ю. Трунцевский замечает, что нефть и иные углеводороды достаточно защищались санкцией за кражу в крупном размере, а исключение из третьего примечания к ст. 158

¹ Сливной бизнес. 2018.

УК РФ слова «магистральный» необоснованно расширило уголовную защиту любых трубопроводов, в том числе технологических, не связанных с нефтепользованием. Автор утверждает, что наличие в Уголовном кодексе ст. 215.2 перекрывало все практические потребности, а следовательно, дополнение кодекса ст. 215.3 алогично и излишне [Трунцевский 2007: 2].

М. Третьяк и В. Волошин справедливо обращают внимание на то, что новая редакция Уголовного кодекса добавила к старым проблемам правоприменения новые, которые только усилены вмешательством Верховного Суда РФ [Третьяк, Волошин 2007: 63].

Другая же группа ученых признавала полезность изменений уголовного закона в 2006 г., но с существенными оговорками.

А. И. Рарог обоснованно отмечает, что конкуренция общей (п. «б» ч. 2) и специальной нормы (п. «б» ч. 3) в конструкции ст. 158 УК РФ ухудшает процессуальное положение виновного, а указание на трубопроводы как разновидность хранилища в примечании 3 к ст. 158 УК РФ лишено практического смысла и подлежит исключению [Уголовное право 2007: 159].

Н. А. Лопашенко остерегает исследователей от исключения трубопровода из определения хранилища, поскольку это ликвидирует защиту других, специально не указанных в уголовном законе трубопроводов [Лопашенко 2012: 406].

Между тем предложения А. И. Рарога, вопреки позиции Н. А. Лопашенко, весьма обоснованны. Исходя из содержания многих технических норм трубопровод определяется как линейно протяженный объект, состоящий из труб, соединительных деталей и арматуры, предназначенных для передачи на расстояние жидкого либо газообразного вещества. Функция хранения априори выполняется только объектами, включенными в структуру магистральных трубопроводов. При таком понимании назначения обычного (не магистрального) трубопровода квалификационные оценки кражи из него, учитывающие признак незаконного проникновения в иное хранилище (п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ), ошибочны. Однако действующая редакция уголовного закона, несмотря на бланкетный характер определения хранилища, отсылающего к тем же техническим нормам, навязывает обратное.

Соответственно исключение трубопроводов из объема понятия «хранилище» с одновременной переработкой структуры его уголовного определения, строго подчиненного правилам формальной логики, решили бы многие практические проблемы. Объектам, перечисленным в п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ, был бы придан новый, более ясный смысл, коллизия норм чч. 2 и 3 в названной статье была бы устранена.

Н. Иванов, И. И. Бикеев, А. Безверхов, а также многие другие теоретики уголовного права критикуют массовые терминологические упущения в описании объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 215.3 УК РФ, а также внедрение в этот состав специальных, по их мнению, ненужных мотивов.

Примечательны позиции по поводу состава ст. 215.3 УК РФ, приведенные в комментариях к УК РФ под редакциями А. В. Бриллиантова и В. И. Радченко. В первых разъяснениях криминальная врезка в нефтепровод указанного состава не образует [Комментарий к Уголовному кодексу 2010: 834], тогда как вторые его усматривают [Комментарий к Уголовному кодексу 2008: 296].

Вторая позиция поддерживалась в комментарии к Уголовному кодексу под редакцией А. И. Рарога [Комментарий к Уголовному кодексу 2011: 383]. В нем говорилось, что состав преступления, предусмотренный ст. 215.3 УК РФ, по последствиям имеет двойственную структуру: 1) как материальный состав в случае нарушения нормальной работы указанных в нем видов трубопроводов, 2) как состав реальной опасности в случае создания угрозы наступления названных в этой статье последствий. Поэтому любое несанкционированное повреждение трубопровода должно, по мнению авторов этого комментария, влечь угрозу нарушения его нормальной работы.

Представляется, что названные теоретические противоречия порождены исключительно терминологическими упущениями, а также перегруженностью объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 215.3 УК РФ, лишними элементами. Так, диспозиции ч. 2 ст. 215.3 УК РФ в редакции Федерального закона от 30 декабря 2006 г. № 283-ФЗ и ч. 3 ст. 215.3 УК РФ в действующей редакции определяют для этого преступления обязательное наличие последствий от неправомерного воздействия на нефтепровод, под

которыми подразумевается нарушение либо угроза нарушения его нормальной работы. Тем не менее такое состояние нефтепровода определения в уголовном законе не имеет. В документах Верховного Суда РФ его признаки также отражения не нашли. Соответственно оценка изменения работы нефтепровода после криминальной врезки по существу оставлена на усмотрение правоприменителя.

Приговором Нижневартовского городского суда от 8 декабря 2017 г. по делу 1-761/2017 подсудимый оправдан по п. «а» ч. 2 ст. 215.3 УК РФ за отсутствием в его действиях состава этого преступления. Суд указал, что по смыслу закона объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 215.3 УК РФ, выражается в приведении в негодность нефтепровода либо в изменении его целостности, что должно полностью или частично лишать возможности его использования по прямому назначению.

Между тем приговор Нефтеюганского районного суда от 24 января 2018 г. по делу № 1-30/2017, 1-9/2018 содержит противоположное суждение. В нем говорится, что повреждение криминальной врезкой тела нефтепровода само по себе не может оцениваться как нарушение его нормальной работы. Определением суда апелляционной инстанции от 17 мая 2018 г. данный приговор оставлен без изменения, жалобы защиты – без удовлетворения.

Первый из приведенных подходов к пониманию преступных последствий превалирует в судебной работе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

Последние изменения уголовного закона в анализируемой сфере коснулись только ст. 215.3 УК РФ. Федеральным законом от 29 июля 2018 г. № 229-ФЗ «О внесении изменений в статью 215.3 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» пределы этой нормы расширены, в ней закреплена уголовная ответственность за самовольное подключение к нефтепроводу лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние. Между тем согласно пояснительной записке к проекту Федерального закона № 372369-7 замысел законодателя был преимущественно ориентирован на пресечение несанкционированного отбора газа бытовыми потребителями.

Примечательно, что Верховный Суд РФ в официальном отзыве от 14 ноября 2017 г. № 3-ВС-8539/17 на планируемые изменения уголовного закона просил предусмотреть признаки, позволяющие отграничить самовольное подключение к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам и газопроводам от кражи из таких хранилищ, а также от приведения последних в негодное состояние. Законодатель же этого не сделал, фактически уравнивая повреждение нефтепровода путем криминальной врезки в него, часто встречаемое при особо квалифицированных кражах, с бытовым самовольным подключением к сетям газоснабжения, наказуемым административно. При этом в отсутствие административной преюдиции либо экспертных выводов о нарушении нормальной работы нефтепровода в связи с его повреждением (криминальной врезкой в него) суды отказываются признавать наличие в действиях виновных составов преступлений, указанных в диспозиции ст. 215.3 УК РФ.

Подводя итог сказанному, следует заключить, что абсолютное большинство противоречий, возникающих при толковании и применении норм о повреждении нефтепровода (ст. 215.3 УК РФ) и о краже из него (п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ), детерминированы прежде всего значительными недостатками законодательной работы. Назревшая в начале 2000-х гг. и сохраняющая актуальность проблема повреждений магистральных нефтепроводов, вызванных хищениями из них, требует оперативных и системных законодательных решений. Однако упомянутые нами законопроекты прямо указывают на то, что действующие законы были лишены прочной доктринальной основы и приняты без оценок возможных проблем их понимания и применения, криминологических последствий для охраняемых отношений. Все это привело к тому, что действующие редакции рассмотренных норм имеют грубые логические нарушения, понятийные упущения, обуславливающие их разное толкование и использование.

Вместе с тем стоит положительно оценить прорыв в деле борьбы с повреждениями нефтепроводов, связанный с введением в Уголовный кодекс специальных норм. В частности, дополнение кодекса ст. 215.3 безусловно обоснованно и технически верно, поскольку

размещение этой нормы в главе о преступлениях против собственности (в ст. 167.1), как это изначально предлагалось, несомненно породило бы дополнительные осложнения, оставило бы за пределами уголовной охраны отношения общественной безопасности, угроза причинения вреда которым возникает всякий раз при совершении преступного посягательства на нефтепровод.

В целом же непрекращающиеся повреждения нефтепроводов и нефтепродуктопроводов указывают на необходимость не только тщательной и вдумчивой переработки действующих уголовных норм, но и введения новых. Соответственно предложения об установлении в Уголовном кодексе ответственности за незаконный оборот углеводородов сохраняют актуальность.

Список литературы

Багаутдинов Ф. Н., Гумаров И. А. Уголовная ответственность за хищение из магистральных нефтепроводов // Журнал российского права. 2008. № 2. С. 90–94.

Безверхов А., Адоевская О. Проблемы дифференциации уголовной ответственности за кражу, совершенную из нефтепровода и нефтепродуктопровода // Уголовное право. 2007. № 2. С. 12–16.

Гумаров И. А. К вопросу учета органами внутренних дел Российской Федерации краж нефти и горюче-смазочных материалов // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 4. С. 5–12.

Иванов Н. Уголовная ответственность за приведение в негодность нефтепроводов, нефтепродуктопроводов и газопроводов // Уголовное право. 2007. № 3. С. 26–29.

Клюев С. Уголовно-правовая квалификация хищений нефти из трубопроводов // Законность. 2008. № 11. С. 23–26.

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В. М. Лебедева. 7-е изд. М.: Юрайт-Издат, 2007. 573 с.

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. И. Радченко. М., 2008. 704 с.

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А. В. Бриллиантов. М., 2010. 1392 с.

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А. И. Рарог. М., 2011. 824 с.

Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономики: Авторский комментарий к уголовному закону. М.: Волтерс Клувер, 2006. 538 с.

Лопашенко Н. А. Посягательства на собственность: моногр. М.: Норма; Инфра-М, 2012. 528 с.

Плешаков А. М., Осипов В. В. Уголовная ответственность за хищение нефти или нефтепродуктов и за их незаконное приобретение: вопросы квалификации // Вестник экономической безопасности. 2018. № 3. С. 155–159.

Трунцевский Ю. Как спасти нефть от хищения // ЭЖ-Юрист. 2007. № 5. С. 2.

Третьяк М., Волошин В. Определение момента окончания хищения // Уголовное право. 2007. № 3. С. 60–64.

Уголовное право. Общая и Особенная части: учеб. для вузов / под ред. Н. Г. Кадникова. М.: Городец, 2006. 704 с.

Уголовное право России. Особенная часть: учеб. для студентов вузов / под ред. А. И. Рагога. М.: Инфра-М, 2007. 683 с.

Виталий Сергеевич Дорошенко – помощник председателя Лангепасского городского суда, соискатель кафедры уголовного права Уральского государственного юридического университета. 628672, Российская Федерация, Лангепас, ул. Дружбы Народов, д. 20. E-mail: LOW71@yandex.ru.

ORCID: 0000-0001-8753-7350

Criminal Liability for Crimes in the Sphere of Illegal Turnover of Oil and Its Products: Retrospective Analysis

Continuous damage to trunk pipelines, oil pipelines and oil product pipelines in order to steal the transported hydrocarbon from them remains an urgent problem in Russia. Its existence, according to the author, is facilitated by the shortcomings of the current criminal law. This article provides a general retrospective analysis of all changes to Articles 158 and 215.3 of the Criminal Code of the Russian Federation, aimed at strengthening the criminal law against the theft of oil from special pipelines.

Having considered the legislative material and crime rate in the studied area, the opinions of scholars, the author draws conclusions about the reasons and disadvantages of changes in the Criminal Code of the RF, their theoretical and practical consequences. In particular, the author proposes to exclude the concept of a pipeline from the criminal-legal definition of a storage facility, to remove references to criminal motives from Article 215.3 of the Criminal Code of the RF, to eliminate logical contradictions in the description of the objective side of this crime.

Keywords: storage, pipeline, theft from an oil pipeline, damage to an oil pipeline, damage to an oil product pipeline

Recommended citation

Doroshenko V. S. Ugolovnaya otvetstvennost' za prestupleniya v sfere nezakonnogo oborota nefi i ee produktov: retrospektivnyi analiz [Criminal Liability for Crimes in the Sphere of Illegal Turnover of Oil and Its Products: Retrospective Analysis], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2021, no. 5, pp. 54–64, DOI: 10.34076/2410_2709_2021_5_64.

References

Bagautdinov F. N., Gumarov I. A. Ugolovnaya otvetstvennost' za khishchenie iz magistral'nykh nefteprovodov [Criminal Liability for Theft from Oil Trunk Pipelines], *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2008, no. 2, pp. 90–94.

Bezverkhov A., Adoevskaya O. Problemy differentsiatsii ugovnoy otvetstvennosti za krazhu, sovershennuyu iz nefteprovoda i nefteproduktprovoda [Problems of Differentiation of Criminal Liability for Theft Committed from an Oil Pipeline and an Oil Product Pipeline], *Ugolovnoe pravo*, 2007, no. 2, pp. 12–16.

Brilliantov A. V. (ed.) *Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii* [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation], Moscow, 2010, 1392 p.

Gumarov I. A. K voprosu ucheta organami vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii krazh nefi i goryuche-smazochnykh materialov [On the Question of Accounting by the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation of Thefts of Oil and Fuels and Lubricants], *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2015, no. 4, pp. 5–12.

Ivanov N. Ugolovnaya otvetstvennost' za privedenie v negodnost' nefteprovodov, nefteproduktprovodov i gazoprovodov [Criminal Liability for Disabling Oil Pipelines, Oil Product Pipelines and Gas Pipelines], *Ugolovnoe pravo*, 2007, no. 3, pp. 26–29.

Kadnikov N. G. (ed.) *Ugolovnoe pravo. Obshchaya i Osobennaya chasti* [Criminal Law Common and Special Parts], Moscow, Gorodets, 2006, 704 p.

Klyuev S. Ugolovno-pravovaya kvalifikatsiya khishchenii nefi iz truboprovodov [Criminal Law Qualification of Oil Thefts from Pipelines], *Zakonnost'*, 2008, no. 11, pp. 23–26.

Lebedev V. M. (ed.) *Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii* [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation], Moscow, Yurait-Izdat, 2007, 573 p.

Lopashenko N. A. *Posyagatel'stva na sobstvennost'* [Infringement on Property] Moscow, Norma, Infra-M, 2012, 528 p.

Lopashenko N. A. *Prestupleniya v sfere ekonomiki: Avtorskii kommentarii k ugolovnomu zakonu* [Economic Crimes: Author's Commentary on Criminal Law], Moscow, Wolters Kluwer, 2006, 538 p.

Pleshakov A. M., Osipov V. V. Ugolovnaya otvetstvennost' za khishchenie nefti ili nefteproduktov i za ikh nezakonnnoe priobretenie: voprosy kvalifikatsii [Criminal Liability for the Theft of Oil Product Pipelines and for Illegal Acquisition: Qualification Questions], *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti*, 2018, no. 3, pp. 155–159.

Radchenko V. I. (ed.) *Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii* [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation], Moscow, 2008, 704 p.

Rarog A. I. (ed.) *Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii* [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation], Moscow, 2011, 824 p.

Rarog A. I. (ed.) *Ugolovnoe pravo Rossii. Osobennaya chast'* [Criminal Law of Russia. Special Part], Moscow, Infra-M, 2007, 683 p.

Tret'yak M., Voloshin V. Opredelenie momenta okonchaniya khishcheniya [Determining When the Theft Ends], *Ugolovnoe pravo*, 2007, no. 3, pp. 60–64.

Truntsevskii Yu. Kak spasti neft' ot khishcheniya [How To Save Oil From Theft], *EZh-Yurist*, 2007, no. 5, p. 2.

Vitalyi Doroshenko – assistant to the chairman of the Langepass city court, applicant of the Department of criminal law, Ural State Law University. 628672, Russian Federation, Langepas, Druzhby Narodov str., 20. E-mail: LOW71@yandex.ru.

ORCID: 0000-0001-8753-7350

Дата поступления в редакцию / Received: 06.07.2021

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 01.09.2021

В. В. Порайко

Уральский государственный юридический университет
(Екатеринбург)

О РОЛИ ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНОГО ПРАВА В РЕГЛАМЕНТАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Ключевая причина несовершенств и пробелов в регламентации ответственности за посягающие на сферу предпринимательства деяния состоит в недостаточном учете законодателем принципов российского уголовного права. Это ведет к многочисленным негативным последствиям. В их числе неправомерные решения, выносимые по делам о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности; усложнение работы правоприменителя; дополнительные барьеры, с которыми приходится сталкиваться участникам хозяйственной деятельности, и все связанные с этим неблагоприятные экономические последствия; падение авторитета государства как регулятора общественных отношений.

Принципы уголовного права должны распространяться на всех лиц, совершивших общественно опасные (не обязательно преступные) деяния, так как в задачи Уголовного кодекса РФ входит правовая охрана общественных отношений не только от преступных, но и в целом от общественно опасных посягательств. Учитывая высказанные в настоящей статье соображения, автор считает необходимым в статьях Уголовного кодекса РФ, посвященных принципу равенства граждан перед законом, принципу справедливости и принципу гуманизма, заменить термин «преступление» на термин «общественно опасное деяние».

Ключевые слова: принципы уголовного права, преступления в сфере предпринимательской деятельности, уголовная ответственность, преступление, общественно опасное деяние

Для цитирования

Порайко В. В. О роли принципов уголовного права в регламентации ответственности за преступления в сфере предпринимательской деятельности // Российское право: образование, практика, наука. 2021. № 5. С. 65–70. DOI: 10.34076/2410_2709_2021_5_65.

УДК 343

DOI: 10.34076/2410_2709_2021_5_65

Современное юридическое сообщество оценивает действующее уголовное законодательство об ответственности за преступления в сфере предпринимательской деятельности как несовершенное. Ключевая причина недостатков и пробелов в регламентации ответственности в данной сфере, как представляется, состоит в недостаточном учете законодателем принципов российского уголовного права.

Главенствующая роль указанных принципов уголовного права как в построении системы законодательства, так и в его применении подробно обоснована в научной литературе. В частности, Т. Р. Сабитов отмечает, что принципы уголовного права не нужда-

ются в обязательном оформлении в нормах права в силу того, что они, вне зависимости от соответствующего решения законодателя, являют собой неотъемлемую часть правосознания. Уголовно-правовые принципы в концентрированном виде выражают научные и общественные представления о целях, средствах и границах уголовно-правового воздействия, которые находят выражение в уголовной политике, наполняя ее содержание той или иной правовой идеологией [Сабитов 2019: 12].

С. С. Алексеев писал, что принципы права представляют собой нашедшие выражение в праве его изначальные направляющие начала и основы, которые отражают объектив-

ные социальные закономерности [Алексеев 1981: 183]. В этом аспекте в демократическом государстве то или иное законодательное решение представляет собой компромисс, результат согласования зачастую разноплановых интересов участников общественных отношений, общества в целом и государства как социального института [Митюкова 2019: 62].

Законодатель счел возможным объединить рассматриваемые принципы в одной структурной части Уголовного кодекса Российской Федерации с блоком норм, определяющих задачи Кодекса. На необходимость «легализации» принципов уголовного права непосредственно в уголовном законе указывали представители советской уголовно-правовой науки. В качестве обоснования приводился, в частности, довод об удобстве такого решения для законодателя и правоприменителя. Исходя из этих соображений, приветствовал новеллы о принципах уголовного права в УК РФ И. Я. Гонтарь [Гонтарь 2013: 906].

Отсутствие у законодателя ясных представлений о границах допустимости использования уголовно- правового инструментария делает законотворчество хаотичным

Принципы уголовного права суть базовые положения, лежащие в основании уголовно-правовых институтов и норм. Они служат для поддержания системы уголовного права, предотвращения и разрешения правовых коллизий. Нормы-принципы фиксируют общий подход законодателя к разрешению юридических конфликтов исходя из представлений о справедливости, правовом равенстве, законности и иных мировоззренческих ценностях, принятых обществом на том или ином этапе его развития [Уголовное право Российской Федерации 2012: 86].

Пренебрежение принципами уголовного права при конструировании норм уголовного закона ведет, в том числе, к нарушению межотраслевых связей в законодательстве. Так, Н. А. Лопашенко обращает внимание на то, что законодатель должен изначально иметь четкое представление как об объектах правовой охраны, т. е. о тех общественных отношениях, которые нуждаются в его за-

щите, так и о средствах, которыми эту охрану допустимо осуществлять, а именно о гражданско-правовых, административно-правовых, уголовно-правовых или иных инструментах. Автор справедливо указывает на явную непоследовательность уголовной политики, которая наиболее ярко проявилась в отношении преступлений против интересов службы в коммерческих и иных организациях, а также преступлений в сфере экономической деятельности. По подсчетам ученого, которые соответствуют и нашим исследованиям, около третьей части всех изменений и дополнений, внесенных в УК РФ, пришлось на нормы главы 22 [Лопашенко 2004: 67].

Отсутствие у законодателя ясных представлений о границах допустимости использования уголовно-правового инструментария делает законотворчество хаотичным. Нередки случаи, когда в законодательство внедрялись прямо противоположные изменения, кардинально менялись оценки тех или иных деяний. Очевидно, что подобные эксперименты недопустимы, особенно в сфере уголовного права и такой важной части социальной жизни, как предпринимательская деятельность. В числе негативных последствий непродуманной уголовной политики можно назвать: несправедливые решения, выносимые по делам о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности; усложнение работы правоприменителя; дополнительные барьеры, с которыми приходится сталкиваться участникам хозяйственной деятельности, и все связанные с этим неблагоприятные экономические последствия; падение авторитета государства как регулятора общественных отношений.

Преступления рассматриваемой группы подрывают основы рыночной системы хозяйствования со всеми присущими ей атрибутами, касающимися производства и перераспределения социально значимых благ, поддающихся экономической оценке [Александрова 2015: 240].

Свобода предпринимательства в нашей стране прямо гарантирована ч. 1 ст. 34 Конституции РФ. Как указал Конституционный Суд РФ в абз. 2 п. 4 Постановления от 11 декабря 2014 г. № 32-П, повышенное внимание к вопросам уголовно-правовой охраны предпринимательских отношений объясняется социально значимыми экономическими

функциями, которые возложены на лиц, занятых не противоречащей закону предпринимательской деятельностью. Однако в последние годы, о чем пишет, в частности, Е. О. Руева, законодатель нередко нарушает требования юридической техники. Это ведет к снижению качества нормативного материала и дополнительным трудностям в правоприменительной практике. Наиболее негативные последствия выражаются в вынесении несправедливых и неправосудных приговоров [Руева 2016: 46].

К сожалению, следует признать справедливость утверждения Е. В. Медведева о том, что возрастают коррупциогенные риски. Недобросовестные сотрудники органов предварительного расследования, используя недостатки уголовного законодательства, привлекают к уголовной ответственности предпринимателей, когда последние не имеют умысла на совершение преступления, факт общественно опасного деяния отсутствует, а подлежащая юридической оценке ситуация очевидно лежит в плоскости гражданско-правовых отношений или же требует применения административно-правовых мер воздействия [Медведев 2019: 45].

Государство изначально возникло как социальный институт, который общество наделило возможностью и обязанностью применять легальное насилие в отношении нарушителей принятых данным социумом правил общежития, наиболее значимые из которых оформлены в праве. При этом, как верно уточняет Е. А. Лукашева, детальный разбор далеко не каждой уголовно-правовой нормы позволит усмотреть в ней отражение всех принципов уголовного права [Лукашева 1970: 24]. Скорее, более уместно говорить о «симфонии» рассматриваемых принципов, их совокупном значении для всей системы уголовного законодательства.

В научной литературе предлагаются следующие правила «проектировки принципов уголовного права»: степень общественной опасности деяния и его преступность должны устанавливаться с обязательным учетом положений иных, помимо уголовного, отраслей права; расширительная трактовка основания уголовной ответственности, заложенного в уголовном законе, недопустима; круг уголовно наказуемых деяний, закрепленный в УК РФ, должен отвечать требованиям достаточности и необходимости; принцип за-

конности следует применять с учетом допустимости усмотрения правоприменителя в разрешении уголовно-правовых юридических конфликтов; нельзя наделять граждан, принадлежащих к той или иной социальной группе, привилегированным уголовно-правовым статусом [Криминализация и декриминализация 2018: 32].

Принципы уголовного права, наряду с прочим, призваны способствовать выявлению и устранению пробелов в уголовном законе и потерявших актуальность запретов, а также, наоборот, своевременному заполнению «лакун» уголовного закона в соответствии с динамично меняющимися общественными отношениями и новыми вызовами системе уголовного законодательства [Там же: 80].

Описывая принципы уголовного права, законодатель оперирует категорией преступного. Вместе с тем такой подход является неполным. Д. А. Гарбатович небезосновательно обращает внимание на то, что подразделение деяний на преступления и малозначительные деяния оставляет за скобками иные посягательства на находящиеся под уголовно-правовой охраной отношения [Гарбатович 2019: 53]. Таким посягательством является, к примеру, деяние, за совершение которого к лицу могут быть применены лишь принудительные меры медицинского характера. В связи с тем что условия их назначения прописаны в уголовном законе, было бы логичным дополнить ст. 4 УК РФ, закрепляющую принцип равенства граждан перед законом, указанием не только на преступления, но и на иные общественно опасные деяния. Аналогичным указанием Д. А. Гарбатович предлагает дополнить ст. 6 УК РФ, посвященную принципу справедливости, и ст. 7, посвященную принципу гуманизма [Там же: 53–54].

Полностью разделяя логику автора, все же отметим, что формулировка «преступления или иные общественно опасные деяния» является избыточной и перегружает текст уголовного закона. А качественное нормотворчество, как верно подчеркивает С. В. Нарутто, находит выражение, наряду с прочим, в лаконичности норм права [Нарутто 2016: 65]. Следует избегать неоправданного дублирования пересекающихся по значению юридических терминов и тем более не допускать тавтологии при написании нормативных правовых актов.

При закреплении в УК РФ принципов уголовного права допущена определенная терминологическая непоследовательность, что затрудняет их научный анализ и негативно влияет на правоприменение. Учитывая высказанные замечания, представляется необходимым в раскрывающих принципы уголовного права статьях УК РФ (а именно

в ст. 4, 6 и 7) заменить термин «преступление» на термин «общественно опасное деяние». Это позволит распространить действие принципов уголовного права и на лиц, не достигших возраста уголовной ответственности, а также на лиц, признанных в установленном законом порядке невменяемыми.

Список литературы

Александрова И. А. Современная уголовная политика по обеспечению экономической безопасности и противодействию коррупции: дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород: Нижегород. академия МВД России, 2015. 727 с.

Алексеев С. С. Общая теория права. Курс: в 2 т. М.: Юрид. лит., 1981. Т. 1. 360 с.

Гарбатович Д. А. Задачи и принципы уголовного закона // Российская юстиция. 2019. № 5. С. 52–54.

Гонтарь И. Я. Принцип справедливости и институт вины в уголовном праве // Lex Russica. 2013. № 8. С. 906–919.

Криминализация и декриминализация как формы преобразования уголовного законодательства: моногр. / отв. ред. В. П. Кашепов. М.: ИЗИСП, КОНТРАКТ, 2018. 280 с.

Лопашенко Н. А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2004. 339 с.

Лукашева Е. А. Принципы социалистического права // Советское государство и право. 1970. № 6. С. 21–29.

Медведев Е. В. Незаконное предпринимательство в свете перспектив гуманизации уголовного законодательства России // Безопасность бизнеса. 2019. № 5. С. 44–48.

Митюкова Ю. А. Декриминализация преступлений: теоретический и практический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 200 с.

Нарутто С. В. Роль Конституционного Суда Российской Федерации в определении парадигмы современного правопонимания // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 11. С. 64–70.

Руева Е. О. Нарушение принципа справедливости в результате несовершенства юридической техники уголовного закона // Российский следователь. 2016. № 4. С. 42–46.

Сабитов Т. Р. Уголовно-правовые принципы: понятие, система и виды: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2019. 421 с.

Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учеб. для вузов / под ред. В. С. Комиссарова, Н. Е. Крыловой, И. М. Тяжковой. М.: Статут, 2012. 879 с.

Василий Вячеславович Порайко – соискатель кафедры уголовного права Уральского государственного юридического университета. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: upravo@usla.ru.

ORCID: 0000-0003-3278-5028

On the Role of the Principles of Criminal Law in the Regulation of Liability for Crimes in the Field of Entrepreneurial Activity

The key reason for the shortcomings and gaps in the regulation of liability for acts encroaching on the sphere of entrepreneurship is the insufficient consideration of the principles of Russian criminal law by the legislator. This leads to numerous negative consequences, including unjust decisions made in cases of crimes in the field of entrepreneurial activity; complication of the work

of the law enforcement officer; additional barriers that business participants have to face, and all associated adverse economic consequences; decline in the authority of the state as a regulator of public relations.

The principles of criminal law should apply to all persons who have committed socially dangerous (not necessarily criminal) acts, since the tasks of the Criminal Code of the Russian Federation include the legal protection of public relations not only from criminal, but also from socially dangerous encroachments in general. Taking into account the considerations expressed in this article, the author sees it necessary to replace the term «crime» with the term «socially dangerous act» in the articles of the Criminal Code devoted to the principle of equality of citizens before the law, the principle of justice and the principle of humanism.

Keywords: principles of criminal law, crimes in the field of entrepreneurial activity, criminal liability, crime, socially dangerous act

Recommended citation

Porayko V. V. O roli printsipov ugovnogo prava v reglamentatsii otvetstvennosti za prestupleniya v sfere predprinimatel'skoi deyatel'nosti [On the Role of the Principles of Criminal Law in the Regulation of Liability for Crimes in the Field of Entrepreneurial Activity], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2021, no. 5, pp. 65–70, DOI: 10.34076/2410_2709_2021_5_65.

References

Aleksandrova I. A. *Sovremennaya ugovnaya politika po obespecheniyu ekonomicheskoi bezopasnosti i protivodeistviyu korruptsii* [Modern Criminal Policy on Ensuring Economic Security and Combating Corruption]: doct. jur. sc. thesis, Nizhnii Novgorod, Nizhegorod. akad. MVD Rossii, 2015, 727 p.

Alekseev S. S. *Obshchaya teoriya prava* [General Theory of Law], Moscow, Yurid. lit., 1981, vol. 1, 360 p.

Garbatovich D. A. Zadachi i printsipy ugovnogo zakona [Tasks and Principles of the Criminal Law], *Rossiiskaya yustitsiya*, 2019, no. 5, pp. 52–54.

Gontar' I. Ya. Printsip spravedlivosti i institut viny v ugovnom prave [The Principle of Justice and the Institution of Guilt in Criminal Law], *Lex Russica*, 2013, no. 8, pp. 906–919.

Kashepov V. P. (ed.) *Kriminalizatsiya i dekriminalizatsiya kak formy preobrazovaniya ugovnogo zakonodatel'stva* [Criminalization and Decriminalization as Forms of Transformation of Criminal Legislation], Moscow, IZiSP, KONTRAKT, 2018, 280 p.

Komissarov V. S., Krylova N. E., Tyazhkova I. M. (eds.) *Ugovnoe pravo Rossiiskoi Federatsii. Obshchaya chast'* [Criminal Law of the Russian Federation. General Part], Moscow, Statut, 2012, 879 p.

Lopashenko N. A. *Osnovy ugovno-pravovogo vozdeistviya: ugovnoe pravo, ugovnyi zakon, ugovno-pravovaya politika* [Fundamentals of Criminal Law Impact: Criminal Law, Criminal Law Policy], Saint Petersburg, Yurid. tsentr «Press», 2004, 339 p.

Lukasheva E. A. Printsipy sotsialisticheskogo prava [Principles of Socialist Law], *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, 1970, no. 6, pp. 21–29.

Medvedev E. V. Nezakonnoe predprinimatel'stvo v svete perspektiv gumanizatsii ugovnogo zakonodatel'stva Rossii [Illegal Entrepreneurship in the Light of the Prospects for the Humanization of the Criminal Legislation of Russia], *Bezopasnost' biznesa*, 2019, no. 5, pp. 44–48.

Mityukova Yu. A. *Dekriminalizatsiya prestuplenii: teoreticheskii i prakticheskii aspekty* [Decriminalization of Crimes: Theoretical and Practical Aspects]: cand. jur. sc. thesis, Moscow, 2019, 200 p.

Narutto S. V. Rol' Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii v opredelenii paradigmy sovremennogo pravoponimaniya [The Role of the Constitutional Court of the Russian Federation in Determining the Paradigm of Modern Legal Understanding], *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, 2016, no. 11, pp. 64–70.

Rueva E. O. Narushenie printsipa spravedlivosti v rezul'tate neso-vershenstva yuridicheskoi tekhniki ugolovnogo zakona [Violation of the Principle of Justice as a Result of Imperfection of the Legal Technique of the Criminal Law], *Rossiiskii sledovatel'*, 2016, no. 4, pp. 42–46.

Sabitov T. R. *Ugolovno-pravovye printsipy: ponyatie, sistema i vidy* [Criminal Law Principles: Concept, System and Types]: doct. jur. sc. thesis, Ekaterinburg, 2019, 421 p.

Vasily Porayko – applicant of the Department of criminal law, Ural State Law University. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: upravo@usla.ru.
ORCID: 0000-0003-3278-5028

Дата поступления в редакцию / Received: 01.08.2021

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 02.09.2021

А. М. Хлус

Белорусский государственный университет
(Минск, Республика Беларусь)

ОСМОТР ИЛИ ОБЫСК НА МЕСТЕ ЗАДЕРЖАНИЯ ВЗЯТКОПОЛУЧАТЕЛЯ? ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И ТАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОИЗВОДСТВА

Проверяя заявления граждан о взяточничестве либо руководствуясь оперативными данными, органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, организуют задержание взяточполучателя с поличным. На этом этапе они не реализуют предоставленное им право возбуждать уголовное дело и проводить неотложные следственные действия, что в дальнейшем актуализирует проблемы предварительного следствия. Задержав взяточполучателя с поличным, сотрудники оперативных подразделений делегируют следователю право принятия решения о возбуждении уголовного дела, предоставив ему материалы своей деятельности. Следователь в этом случае лишен возможности провести ряд процессуальных действий, необходимость в которых возникает при задержании взяточника с поличным.

Проанализировав данную ситуацию, сравнив процессуальные полномочия органов уголовного преследования, автор пришел к выводу о целесообразности привлечения следователя к участию в подготовке задержания взяточполучателя с поличным. Вслед за возбуждением уголовного дела сразу после задержания взяточника с поличным следователь должен выбрать следственное действие, проведение которого наиболее рационально в условиях обстановки места задержания: осмотр места происшествия или обыск на месте задержания. Рассмотрев некоторые тактические особенности производства осмотра и обыска на месте задержания, проанализировав имеющиеся публикации и практическую деятельность, автор указал на недостатки и преимущества этих следственных действий. Сделан вывод, что место задержания взяточполучателя во всех случаях должно подлежать осмотру. Это обеспечит реализацию принципа процессуальной экономии, так как охватывает ряд иных следственных осмотров.

Ключевые слова: получение взятки, задержание с поличным, следователь, место происшествия, осмотр, обыск

Для цитирования

Хлус А. М. Осмотр или обыск на месте задержания взяточполучателя? Процессуальные и тактические аспекты производства // Российское право: образование, практика, наука. 2021. № 5. С. 71–83. DOI: 10.34076/2410_2709_2021_5_71.

УДК 343.08

DOI: 10.34076/2410_2709_2021_5_71

Результативность раскрытия и расследования преступлений, связанных со взяточничеством (данным понятием охватываются три самостоятельных уголовно-правовых состава, предусматривающих ответственность за получение взятки, дачу взятки и посредничество во взяточничестве (ст. 430, 431 и 432 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК РБ), зависит от многих

факторов. Один из них – умение организовать и тактически грамотно проводить следственные действия. Особенно это значимо на первоначальном этапе раскрытия и расследования взяточничества, при задержании должностного лица с поличным после получения им предмета взятки.

В процессе расследования взяточничества на первоначальном этапе проводятся осмо-

тры (осмотры места происшествия, предмета взятки, одежды, средств аудио- и видеофиксации, документов; освидетельствование), обыски (личный, в помещении по месту работы (задержания) и жительства), допросы (потерпевших, подозреваемых, обвиняемых и свидетелей). На последующем этапе расследования возможно проведение таких процессуальных действий, как следственный эксперимент, проверка показаний на месте, очная ставка, предъявление для опознания, а также назначение различных экспертиз. Выбор того или иного следственного действия зависит от его целевой направленности и от того, какое доказательство предполагается получить в результате его осуществления.

Несмотря на длительную историю борьбы со взяточничеством и огромный опыт правоохранительных органов в этой сфере остается нерешенным вопрос о последовательности и специфике проведения отдельных следственных действий. Нередко при их производстве допускаются существенные процессуальные нарушения и тактические ошибки. Отрицательно сказывается на результате несвоевременное проведение следственных действий.

Неоднозначен и вопрос о первоочередности проведения осмотра места происшествия и обыска по месту задержания взяточполучателя. Целью данного исследования является обоснование решения этой дилеммы в пользу осмотра места происшествия.

Ученые считают, что незаменимым при расследовании преступлений исследуемой категории (получение взятки, дача взятки, посредничество во взяточничестве) следует считать обыск [Савченко 2020: 104]. Это утверждение представляется верным при условии, что обыск не подменяет собой осмотр места происшествия, который должен следовать, по нашему мнению, после задержания взяточполучателя с поличным.

Принятие решения о производстве данных следственных действий зависит от субъекта, осуществляющего задержание взяточполучателя с поличным, от участия следователя в его подготовке.

Органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность (далее – ОРД), уполномочены законом вести дознание. Одновременно являясь, в соответствии со ст. 37 УПК РБ, органом дознания, они в большинстве случаев выявления признаков взяточничества

не реализуют предоставленное им право на осмотр места происшествия как первоначального следственного действия, которое можно проводить до возбуждения уголовного дела (ст. 173 УПК РБ). Тем более орган, осуществивший ОРД, не проводит обыск на месте задержания взяточполучателя, имея при этом процессуальное право на возбуждение уголовного дела (ст. 175 УПК РБ).

Органу, осуществляющему ОРД, как органу дознания закон не только предоставил право возбуждать уголовные дела о преступлениях, по которым проводится предварительное следствие (п. 2 ч. 2 ст. 37, ст. 174, 186 УПК РБ), но и возложил на него эту обязанность. Реализация данного права влечет за собой необходимость производства ряда неотложных следственных действий. В практике белорусских правоохранительных органов отсутствуют примеры возбуждения уголовных дел о получении взятки органами, осуществляющими ОРД. Объяснение тому достаточно простое: нежелание заниматься тем, что выходит за рамки основной деятельности, регламентированной специальным Законом Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «Об оперативно-розыскной деятельности». Этот закон не предусматривает обязанности органа, осуществляющего ОРД, возбуждать уголовное дело, руководствуясь материалами ОРД, содержащими указание на признаки преступления. В случае проверки заявления гражданина, например, о вымогательстве взятки уполномоченные органы, как правило, организуют проведение оперативного эксперимента, основной целью которого является задержание взяточника с поличным.

Выполнив свою миссию по задержанию взяточполучателя с поличным, оперативные работники органа, осуществившего ОРД, делегируют право принятия процессуальных решений следователю, предоставив ему материалы ОРД. В целом это соответствует нормам действующего законодательства, но не обеспечивает эффективной борьбы со взяточничеством.

Одним из наиболее вероятных нарушений может быть несоблюдение процессуальных сроков. Орган, осуществляющий ОРД, получив заявление о преступлении, как правило, организует проведение оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) с целью

проверки этого заявления и выявления признаков взяточничества. Не всегда учитывается, что надлежащим образом оформленное заявление гражданина о готовящемся или совершенном преступлении является документом, который не относится к материалам оперативной проверки, а служит поводом для возбуждения уголовного дела (ст. 166 УПК РБ) со всеми вытекающими из этого процессуальными последствиями. В дальнейшем зарегистрированное заявление гражданина не может предоставляться следователю вместе с иными материалами ОРД в случае нарушения установленных сроков.

В соответствии со ст. 173 УПК РБ «решение по заявлению или сообщению должно быть принято в срок не позднее трех суток, а при необходимости проверки достаточности наличия или отсутствия оснований к возбуждению уголовного дела – не позднее десяти суток». По истечении этих сроков орган, осуществляющий оперативную проверку заявления гражданина, обязан принять одно из следующих решений: 1) возбудить уголовное дело, 2) отказать в возбуждении уголовного дела, 3) прекратить проверку и разъяснить заявителю право возбудить в суде дело частного обвинения (ст. 426 УПК РБ) или 4) направить заявление (сообщение) вместе с материалами его проверки по подследственности (ст. 174 УПК РБ). Расследование уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 430 УК РБ, возложено на следователей Следственного комитета Республики Беларусь (ст. 182 УПК РБ).

В некоторых случаях для производства ОРМ требуется длительное время, что влечет за собой нарушение установленных УПК РБ сроков. Что делать с заявлением гражданина о преступлении? Если оно было зарегистрировано, то наблюдается явное нарушение уголовно-процессуального законодательства. Во избежание этого оперативные работники оформляют заявление о преступлении либо протокол устного заявления в конце ОРД, после выявления факта получения взятки или непосредственно перед задержанием с поличным.

Еще одной проблемой для оперативных работников является необходимость проведения неотложных следственных действий (ст. 186 УПК РБ) после задержания с поличным. Проблему эту они не решают, основываясь

на предоставленном им УПК РБ праве передать заявление гражданина и материалы ОРД следователю для возбуждения уголовного дела. Материалы ОРД, отражающие факт задержания взяточполучателя с поличным после получения взятки, служат основанием для возбуждения следователем уголовного дела. Но особенность ситуации в том, что следователю становится известно о проведенном задержании взяточника с поличным после предоставления ему материалов ОРД, на основе которых он возбуждает уголовное дело и начинает расследование. Возможность осмотра места задержания взяточполучателя не утрачивается, но он уже, как правило, не имеет смысла по причине потери времени и изменения следственной ситуации.

Правильным решением обозначенной проблемы будет привлечение следователя к участию в подготовке задержания взяточполучателя с поличным. Непосредственно в его задержании следователь не участвует. Находясь вблизи от места задержания взяточника, следователь, после осуществления этого действия органом дознания, возбуждает уголовное дело и приступает к расследованию. Он же руководит проведением осмотра места происшествия и других неотложных следственных действий. Местом задержания взяточполучателя может быть местность, помещение, жилище и иное законное владение (ст. 204, 176 УПК РФ). Особенность места задержания взяточника в том, что его можно рассматривать как место происшествия, поскольку в нем локализуются следы преступления, обнаружение, изъятие и исследование которых представляет интерес для раскрытия и расследования взяточничества.

Наиболее рациональным, на наш взгляд, будет следующее решение обозначенной проблемы. Следователь при наличии оснований возбуждает уголовное дело и организует задержание взяточполучателя с поличным. В рамках этой операции проводится ряд следственных действий и ОРМ как до момента задержания взяточполучателя с поличным, так и после него [Хлус 2018].

Фактически о том же говорят и другие белорусские ученые, не упоминая при этом тактическую операцию. По их мнению, если предмет взятки еще не передан и есть реальная возможность проверить достоверность поступившего сообщения о взяточничестве,

то принимаются процессуальные решения о предварительной проверке материала, а при наличии достаточных оснований возбуждается уголовное дело. После этого предлагается такая последовательность действий: 1) допрос заявителя; 2) поручение органу дознания организовать оперативный эксперимент по передаче предмета взятки под контролем; 3) задержание с поличным; 4) осмотр места происшествия; 5) допрос субъектов взяточничества; 6) обыск по месту работы, жительства, нахождения субъектов взяточничества; 7) личный обыск; 8) опись имущества, наложение ареста на имущество (после предъявления обвинения); 9) осмотр предмета взятки; 10) выемка и осмотр служебных документов; 11) очные ставки [Костров, Печерский, Цыпарков 2009: 248–249].

Если следователю предоставляется возможность организовать тактическую операцию либо возбудить уголовное дело сразу после задержания взяточника с поличным, то остается открытым вопрос о том, какое следственное действие надо проводить первым: осмотр места происшествия или обыск на месте задержания. Ответ на него неоднозначен, требуется анализ процессуальных и тактических особенностей данных следственных действий. На выбор процессуального действия оказывает влияние следственная ситуация, сложившаяся на момент задержания взяточника с поличным, а также особенности его поведения в момент принятия предмета взятки.

Несмотря на некоторое сходство осмотра места происшествия и обыска они все же существенно отличаются в организационном, процессуальном и тактическом отношении. Различны и их цели. Для осмотра места происшествия, во-первых, характерны восприятие и фиксация материальной обстановки, иных фактов, значимых для расследования уголовного дела. Во-вторых, осмотр позволяет обнаружить, зафиксировать, изъять следы преступления, материальные ценности, предметы и документы. Важно, что в процессе осмотра места происшествия можно произвести осмотр различных имеющих отношение к делу предметов, документов и т. д., которые в иных ситуациях их обнаружения и изъятия являются самостоятельными объектами следственных осмотров других видов. В исключительных случаях УПК РФ допускает пере-

мещение объектов (предметов, документов и т. д.), обнаруженных на месте происшествия, «в другое удобное для осмотра место» (ст. 204), обеспечив их надлежащие изъятие, упаковку и доставку без повреждений. К таким обстоятельствам относятся:

временной фактор, т. е. необходимость в длительном времени для осмотра объектов;

значительная затрудненность осмотра на месте обнаружения следов преступления и иных материальных объектов (ст. 204 УПК РФ). Эти затруднения могут быть вызваны, например, явлениями природного, атмосферного характера;

«необходимость использования для осмотра объекта дополнительных научно-технических средств, находящихся в криминалистическом подразделении» [Гинзбург, Поврезнюк, Оганов 2005: 12].

Осмотр объектов на месте их обнаружения обеспечивает, по нашему мнению, реализацию принципа процессуальной экономии в следственной деятельности. Производство в рамках осмотра места происшествия других следственных осмотров позволяет следователю сэкономить время, материальные и иные ресурсы.

Вместе с тем некоторые практические работники склонны считать осмотр места происшествия малоэффективным следственным действием по уголовным делам данной категории. Такого же мнения придерживается ряд ученых, которые, рассматривая методику расследования взяточничества, не акцентируют особого внимания на осмотре места происшествия (задержания взяточника).

В современной учебной литературе осмотр места происшествия по делам о взяточничестве не представлен в числе основных следственных действий [Курс криминалистики 2004: 522–536], не анализируются особенности его производства на первоначальном и последующем этапах расследования данного преступления [Криминалистика 1995: 153–160]. Не говорится о нем в научно-методическом пособии, адресуемом следователям и оперативным работникам правоохранительных органов [Методика расследования коррупционных преступлений 2005: 86–95]. В советской справочной литературе для следователей осмотр места происшествия упоминается в части тактического обеспечения расследования взяточничества. При этом

имеется в виду осмотр не только места вручения взятки, но и места сговора участников преступления или передачи взятки посреднику. Впрочем, сведений о нем представлено до такой степени мало, что это позволяет сделать вывод о незначительной роли указанного следственного действия в расследовании взяточничества [Справочник следователя 1990: 246–247].

В действительности фактические данные, полученные в ходе осмотра места происшествия, имеют большое значение. Они могут равноценно использоваться для изобличения подозреваемого лица в совершении взяточничества. Обнаруженные в ходе осмотра денежные купюры, иные ценности, переданные задержанному лицу в качестве предмета взятки, используются в процессе доказывания.

Производство осмотра целесообразно во всех случаях задержания взяточника в условиях определенной обстановки места происшествия (помещение, открытая местность), вне зависимости от того, возбуждено уголовное дело или нет. Его может совершить не только следователь, но и, как уже было отмечено, оперативные работники органа, осуществляющего ОРД. Необходимо помнить, что в момент задержания взяточники часто стараются выбросить или уничтожить изобличающие их предметы.

Так, например, поступил заведующий кафедрой Гродненского государственного медицинского университета К. Он был задержан на месте с поличным после получения от студента взятки в сумме 50 долл. США за успешную сдачу экзамена. Понятых на момент задержания К. не было. Поскольку он отрицал получение взятки, два оперативных работника вышли из кабинета в поисках понятых. Оставшись наедине с третьим оперативным работником, К. неожиданно взял из кейса портмоне, выхватил долларовые купюры, сунул себе в рот и начал жевать, проталкивая их в горло. Оперативный сотрудник пытался пресечь его действия, но К. оказал ему физическое сопротивление и деньги проглотил. Утрата предмета взятки – важного вещественного доказательства, несмотря на предпринятые меры, ничем восполнена не была. Вину К. в получении взятки удалось доказать, однако определенная уязвимость обвинения сказалась на мере наказания [Ме-

тодика расследования коррупционных преступлений 2005: 73–74].

Результативный осмотр места происшествия исключает потребность в производстве обыска. В свою очередь обыск на месте происшествия (задержания взяточника) не исключает вероятности возникновения вопросов, решить которые можно в ходе осмотра места происшествия. Например, обнаруженные в ходе обыска изобличающие взяточника предметы подлежат самостоятельному следственному осмотру. Осмотр места происшествия может быть преобразован в обыск лишь в случае необходимости поиска предмета взятки, не обнаруженного на месте происшествия.

Обыск призван обеспечить достижение иных целей с разным уровнем значимости. Главные цели обыска по месту задержания – поиск и изъятие объектов, выступающих предметом взятки.

Осмотр места происшествия может быть преобразован в обыск лишь в случае необходимости поиска предмета взятки, не обнаруженного на месте происшествия

Процессуальным основанием для проведения обыска по месту задержания является «наличие достаточных данных полагать, что в каком-либо помещении или ином месте либо у какого-либо лица находятся орудия преступления, предметы, документы и ценности, которые могут иметь значение для уголовного дела» (ст. 208 УПК РФ). При нахождении на месте задержания взяточника с поличным следователю нет необходимости что-либо «полагать». Он знает, что искомый объект (предмет взятки) находится на месте задержания либо у задержанного лица. Остается этот предмет обнаружить и изъять, для чего не обязательно проведение такого сложного следственного действия, как обыск на месте задержания. Та же цель может быть достигнута посредством проведения осмотра места происшествия и личного обыска.

В зависимости от сложившейся ситуации, связанной с добровольной выдачей задержанным лицом предмета взятки, находящегося при нем, личный обыск, как правило, не

проводится. Например, в ходе оперативного эксперимента был задержан Н., главный агроном районной государственной инспекции по семеноводству, защите и карантину растений. Оперативные сотрудники предложили Н. выдать все находящиеся у него деньги. Н. передал портмоне и сообщил, что имеющиеся у него деньги принадлежат ему. В портмоне оказались четыре купюры, ранее обработанные специальным химическим веществом. На их поверхности в затемненном помещении при ультрафиолетовом освещении проявилась надпись «Взятка» [Хомич, Бранчель 2009: 115].

По нашему мнению, проведение личного обыска в обязательном порядке (несмотря на то что действующий УПК РФ на это не указывает) должно следовать за задержанием взяткополучателя, вне зависимости от того, был ли обнаружен предмет взятки.

При проведении личного обыска учитываются как общие основания, так и специальные требования, предусмотренные ст. 208 и 210 УПК РФ. В качестве альтернативы при принятии решения о производстве данного следственного действия следователь «*вправе*» (курсив наш. – А. Х.) провести личный обыск подозреваемого или обвиняемого» (ст. 211 УПК РФ). Так поступают работники органов уголовного преследования и в случаях задержания взяточника с поличным, несмотря на то что в силу ст. 40 УПК РФ он становится подозреваемым.

Обязательное проведение личного обыска при задержании взяточника с поличным позволит избежать ошибок. Личный обыск позволяет осуществить поиск различных документов (записки, письма, записные книжки и т. п.), содержащих сведения, значимые, во-первых, для раскрытия и расследования дела, в связи с которым произведено задержание, и, во-вторых, для выявления иных эпизодов криминальной деятельности задержанного лица. Например, в одном случае в кармане задержанного был обнаружен лист с данными счета в одном из банков Латвии, где аккумулировались деньги, добытые преступным путем, а в другом – у задержанного взяткополучателя было обнаружено письмо, в котором шла речь о нарушениях, связанных с получением иной взятки [Хомич, Бранчель 2009: 192–193].

В ходе личного обыска и, соответственно, обыска взяткополучателя допускается

«принудительное обследование его тела» [Справочное пособие криминалиста, судьи, прокурора, следователя 2007: 284]. Эта возможность привела Н. И. Савченко к выводу, что личный обыск при раскрытии и расследовании взяточничества представляет собой «поверхностное или с проникновением обследование тела и предметов одежды лица для обнаружения предмета взятки, а также следов химических составов (курсив наш. – А. Х.), образовавшихся в результате контакта с передаваемым предметом взяткополучателю» [Савченко 2020: 108]. Такой подход к пониманию личного обыска выходит за рамки его целевой направленности. Личный обыск традиционно характеризуется как «принудительное обследование... отдельных граждан с целью отыскания и изъятия объектов» [Астапкина 1989: 3]. Искомые объекты могут быть спрятаны на теле человека: в волосах, ушах, во рту, иных естественных отверстиях тела [Справочное пособие криминалиста, судьи, прокурора, следователя 2007: 284].

Несомненно, за всю историю развития процессуальной и криминалистической науки обыск как следственное действие эволюционировал: увеличилось количество его видов и была детализирована процессуальная форма [Пацкевич 2018: 73], но это не связано с изменением его сущности, состоящей в отыскании и изъятии объектов. Найденные объекты, имеющие отношение к событию преступного деяния, служат вещественными доказательствами. Они же могут содержать следовую информацию о преступном событии. Эти следы и содержащаяся в них информация выявляются и исследуются посредством производства иных следственных действий, среди которых осмотр занимает первое место.

В случае раскрытия и расследования взяточничества «следы химических составов», образовавшихся на теле и одежде взяткополучателя в результате его контакта с передаваемым предметом взятки, подлежат обнаружению и изъятию в процессе освидетельствования задержанного лица. Освидетельствование как следственное действие представляет собой разновидность осмотра, специфика которого заключается в обследовании тела подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего «в целях установления следов преступления» [Справочное пособие криминалиста, судьи, прокурора, следователя 2007: 306] и др.

В ходе освидетельствования взяткополучателя с использованием ультрафиолетового осветителя осматриваются его руки для обнаружения следов люминесцентного свечения от контакта с предметом взятки, обработанным специальным химическим составом. Такое действие оправданно, если взяткополучатель прикасался к предмету взятки. В противном случае проводить освидетельствование нецелесообразно. Выявив следы свечения, необходимо произвести смывы с ладоней рук взяткополучателя, которые в последующем будут использованы для назначения и проведения экспертизы с целью идентификации химического вещества, оставившего след на теле (одежде) взяткополучателя, а также вещества, которым был обработан предмет взятки.

Необходимость в проведении освидетельствования может быть вызвана оказанным в процессе задержания сопротивлением, а также обусловлена целью исключить возможные заявления подозреваемого о причинении ему телесных повреждений в процессе задержания и после него.

Основания и порядок освидетельствования определены в ст. 206 УПК РФ. Производство освидетельствования оформляется в соответствии с требованиями закона (постановление о производстве, протокол освидетельствования). В случае необходимости для фиксации могут применяться технические средства, о чем делается соответствующая отметка в протоколе.

С учетом представленных аргументов мы приходим к выводу, что осмотр места происшествия после задержания взяткополучателя с личным предпочтительнее обыска. Осмотр проводится с целью фиксации обстановки, в которой происходила передача предмета взятки, а также обнаружения и изъятия следов преступления. Мы солидарны с мнением о том, что «осмотр места происшествия необходимо проводить во всех случаях расследования взяточничества, так как результаты данного следственного действия являются одним из основных источников информации о совершенном преступлении» [Белокобыльская 2015: 41].

В связи с этим можно выделить основные задачи, решаемые при осмотре места задержания взяткополучателя. Их можно разделить на две группы.

Первую группу составляют задачи, решение которых обеспечивает обнаружение и за-

крепление следов пребывания субъектов взяточничества на месте передачи взятки. Эти задачи конкретизируются в зависимости от видов следов, фиксируемых в процессе осмотра. Традиционно к следам, указывающим на пребывание лица в определенном месте, относят следы рук, ног, запаха, биологического происхождения и т. д. Решение данных задач значительно упрощается в случае фиксации встречи взяткодателя и взяткополучателя. Момент передачи предмета взятки можно запечатлеть посредством использования видеотехники. Наличие записи исключает необходимость работы с упомянутыми следами.

Во вторую группу входят задачи, решение которых связано с обнаружением, осмотром и изъятием находящихся в обстановке места происшествия предметов и объектов: 1) предмета взятки или его частей (упаковочные материалы); 2) документов, в которых отражены действия задержанного взяткополучателя в интересах взяткодателя; 3) иных объектов (предметов, документов), значимых для раскрытия и расследования взяточничества.

В качестве самостоятельных объектов осмотра места происшествия выступают предмет взятки, документы, иные письменные носители информации, электронные носители информации.

Обнаружение и осмотр предмета взятки предполагают выявление на нем следов рук взяткополучателя, а также (повторим) ранее нанесенных на денежные купюры специальных химических веществ. Следы рук на предмете взятки не всегда можно обнаружить, поскольку в ряде случаев взяткополучатель к нему не прикасается. Представляется оправданной рекомендация не торопиться с непосредственным задержанием, позволить взяточнику совершить обдуманные действия, подтверждающие их направленность на принятие взятки (положить в карман, портфель, спрятать в шкаф, сейф и т. д.).

В зависимости от ситуации предмет взятки может быть легко обнаружен в момент задержания взяткополучателя, так как находится, например, в его руках. В противном случае нахождение этого предмета устанавливается в процессе осмотра места происшествия. Местонахождение предмета взятки определяется посредством осмотра рабочего стола, шкафов кабинета, сейфа, личных вещей и одежды задержанного и др. [Журавлев 2005: 364–365]. Обнаруженный предмет взятки должен быть тщательно осмотрен,

фиксируются место его обнаружения и индивидуальные признаки. Проверяется наличие на предмете взятки свечения в ультрафиолетовом освещении, отмечается, какие при этом выявлены метки (слова, цифры и т. п.).

Исследование предмета взятки на месте происшествия ограничивается его осмотром с целью выявления индивидуальных признаков. В протоколе осмотра места происшествия (либо осмотра предмета) «должно быть указано, что представляет собой предмет взятки, где именно и в каком виде он находился или в каком месте он обнаружен (в ящике стола, в шкафу, в сумке, портфеле, кармане, кошельке, портмоне и т. п.), был ли он упакован, и если да, то отмечается вид упаковки и ее состояние, в каком порядке расположено содержимое предмета взятки, а также в каком порядке расположен предмет взятки по отношению к иным находящимся в исследуемом месте вещам» [Жук, Солтанович, Гучок 2013: 21].

Особое внимание обращается на документы. Их обнаружение не составляет большого труда, так как наиболее вероятными местами их расположения являются сейф, стол и другие находящиеся в кабинете предметы мебели, например шкафы, навесные полки и т. д.

Для расследования представляют интерес следующие документы:

«управленческие документы (распоряжения, приказы, протоколы);

бухгалтерская документация, отражающая действия взяткополучателя в интересах взяткодателя и, наоборот, сведения о заниженной сумме уплаченных налогов, сведения о получаемой в коммерческой структуре заработной плате;

сберегательные книжки, лицевые счета вкладчика, почтовые переводы, квитанции комиссионных магазинов, ломбардов как признаки получения денег или ценностей;

командировочные удостоверения, счета ресторанов, гостиниц, протоколы заседаний, путевки как признаки пребывания в определенном месте, признаки оказанной услуги, предоставленных льгот и т. д.;

первичные документы, фиксирующие очередность получения товара, кредита, квартиры, автомашины и т. п.» [Журавлев 2005: 293].

Наибольший интерес представляют документы, свидетельствующие о незаконности действий (бездействия) должностного лица, и документы, отображающие служебные действия должностного лица, аналогичные тем действиям, за которые была получена взятка.

Это необходимо для выявления законных и незаконных действий должностного лица и установления других фактов взяточничества и иных преступных действий [Халиков 2008: 78]. Обнаруженный документ должен быть тщательно осмотрен, нужно зафиксировать посредством использования фото- или видеосъемки место его обнаружения и индивидуальные признаки.

Процесс осмотра документа проходит стадии исследования его формы и содержания:

«уяснение назначения документа;

изучение его содержания;

осмотр знаков текста;

осмотр реквизитов документа;

осмотр иных признаков – помарок, следов перегиба и др.» [Эксперт 2003: 165].

Тот же порядок рекомендуется и при осмотре документов в связи с раскрытием и расследованием взяточничества. Неукоснительному соблюдению подлежит правило обращения с документом – вещественным доказательством: никаких изменений внешнего вида и обеспечение полной сохранности.

На первой стадии осмотра документа изучаются его целевое назначение, соответствие установленной в данной организации форме. С этой целью параллельно изучаются другие аналогичные документы.

Далее анализируется содержание документа. Обращается внимание на наличие в тексте смысловых и иных ошибок. Документ может содержать интеллектуальный подлог, что свидетельствует об умысле подозреваемого, выполнившего (подписавшего) данный документ. Первоначальное содержание документа может быть изменено, на что будут указывать выявленные признаки подделки какого-либо вида: подчистки, травления, дописки и т. д.

После этого осмотру подлежат реквизиты документа, особенно подпись и печать. Следует помнить, что «в настоящее время обнаружить признаки подделки оттисков печатей и штампов довольно сложно. Современная компьютерная техника позволяет изготавливать поддельные печати и штампы очень высокого качества. Изготовление печатей и штампов путем восстановления оригинала по оттиску с использованием компьютерного макетирования и лазерно-гравировальных устройств позволяет получать удостоверительную печатную форму с точным отображением общих и частных признаков оригинала» [Там же: 166–167].

В процессе осмотра документов может быть получена информация:

о незаконности действий (бездействия) должностного лица;

об упрощенной процедуре принятия решения, о «льготном» прохождении документов через секретариат, канцелярию и другие отделы (например, принятие решения о предоставлении налоговых льгот без анализа финансового состояния плательщика и оценки основных показателей его деятельности, отсутствие на документе штампа о регистрации и т. д.);

о полной или частичной фальсификации документов (расписок, справок, чеков, квитанций и т. д.);

о сумме разовой взятки или объеме систематического подкупа (осмотр трудовых соглашений, актов приемки выполненных работ, лицевых счетов, сберегательных книжек и т. д.);

об обстоятельствах, создавших условия для вымогательства взяток и способствующих взяточничеству (например, увеличение перечня требований по первоочередному предоставлению кредитов, произвольное толкование правил о предоставлении налоговой отчетности, постановке и снятии с налогового учета, запущенный учет в организации, неправильный подбор кадров и др.) [Журавлев 2005: 367].

Объектом самостоятельного следственного осмотра могут быть иные письменные носители информации. К ним относятся «записки, записные книжки, резолюции, телефонные справочники, блокноты, дневники (ежедневники), календари, личные записи взятополучателя, взяткодателя, посредника; материалы прессы и распечатки электронной сети Интернет и т. д., которые могут содержать сведения, относящиеся к искомому обстоятельству по уголовному делу, в частности шифрованные записи, всевозможные „дежурные“ пометки, условные обозначения» [Халиков 2008: 178]. Они обнаруживаются визуально в ходе осмотра места происшествия.

В отдельных случаях объектом следственного осмотра выступают электронные носители информации, которые также обнаруживаются визуально в ходе осмотра места происшествия. Это компьютеры, мобильные телефоны, планшеты и т. п., а также их части (диски, электронные накопители информации), являющиеся носителями информации. Для их осмотра обязательно привлекают спе-

циалиста, чьи задачи – «снять всю имеющуюся информацию; восстановить утраченные или уничтоженные файлы; заблокировать имеющуюся в учреждении локальную сеть; исключить доступ к данным предметам постоянных лиц и др.» [Там же].

По итогам осмотра электронных носителей информации в протоколе нужно отразить сведения о месте их обнаружения, общие и частные признаки, комплектность, связь с иными техническими устройствами, если таковая имеется, состояние на момент осмотра (включено, отключено и т. д.). Вопросы изъятия стационарных компьютеров, их упаковки и транспортировки решаются с участием специалиста.

Если упомянутые документы, электронные носители информации и иные представляющие интерес для следствия предметы на момент начала осмотра места происшествия находятся в сейфе или ином труднодоступном хранилище (запертый металлический шкаф), а должностное лицо отказывается добровольно их вскрыть, то целесообразно принять решение о принудительном вскрытии их на месте происшествия, что в ряде случаев может повлечь за собой трансформацию осмотра в обыск. В литературе предлагается иной вариант действий в подобной ситуации, состоящий в изъятии и доставке сейфа, иного хранилища к месту ведения предварительного следствия [Жук, Солтанович, Гучок 2013: 26]. С этим предложением можно согласиться в случае, если после проведенного личного обыска не будут обнаружены ключи от сейфа (иного хранилища), а должностное лицо категорически отказывается его открывать либо утверждает, что ключи утеряны.

Принудительное вскрытие сейфа (иного хранилища) производится в присутствии владельца объекта или иных заинтересованных лиц. В противном случае нарушаются права собственника специального хранилища. Это может повлечь сомнения в законности полученных доказательств, либо лицо, проводящее осмотр, может быть обвинено в пропаже находившихся в сейфе документов и иных ценных бумаг, а также в том, что «предмет взятки в случае его обнаружения в сейфе был подброшен» [Там же: 27]. Все обнаруженное в сейфе (ином хранилище) подлежит осмотру по общим правилам.

В ходе осмотра предметов, вещей и иных материальных объектов подлежат выявлению следы-признаки взяточничества и отображе-

ния. К объектам, на которых могут быть обнаружены такие следы, относятся:

«предметы со следами криминалистических маркеров;

следы пальцев рук взяточдателя или посредника в квартире, автомашине или служебном кабинете взяточполучателя, на предмете взятки (например, выброшенном в окно при задержании);

следы обуви, протектора автомобиля на месте встречи, слюна или губная помада, оставленная на брошенных окурках, и т. п.» [Журавлев 2005: 296].

Объектом осмотра выступает одежда, в которой находился подозреваемый в момент задержания. Ее осмотр является одним из необходимых следственных действий при условии обработки предмета взятки специальным химическим веществом. В процессе совершения взяточничества происходит контакт преступника не только с элементами обстановки места совершения преступления, непосредственно с потерпевшим, но и, главное, с предметом взятки. Тщательно произведенный следственный осмотр одежды позволит дополнительно выявить дока-

зательства, изобличающие подозреваемого в совершении преступления. В некоторых случаях осмотр одежды предшествует осмотру предмета взятки, поскольку последний «вначале мог быть... положен в карман одежды, а затем перепрятан в иное место» [Там же: 301].

Можно сделать некоторые выводы.

Во-первых, во всех случаях после задержания взяточполучателя с поличным необходимо проводить осмотр места происшествия с целью обнаружения и фиксации предмета взятки и иных следов преступления. Оптимальным представляется участие следователя в подготовке задержания взяточполучателя с поличным, непосредственно осуществляемого органом дознания. После задержания следователь возбуждает уголовное дело и приступает к расследованию. Он же руководит проведением осмотра места происшествия и других неотложных следственных действий.

Во-вторых, производство обыска на месте задержания взяточполучателя целесообразно в случае, когда невозможно обнаружить предмет взятки.

Список литературы

- Астапкина С. М. Тактика обыска и выемки: лекция. М.: Акад. МВД СССР, 1989. 22 с.
- Белокобыльская О. И. Специфика производства отдельных следственных действий при расследовании взяточничества // Таврический научный обозреватель. 2015. № 2. С. 39–45.
- Гинзбург А. Я., Поврезнюк Г. И., Оганов Н. И. Криминалистика: рекомендации к раскрытию преступлений: учеб.-практ. пособие. Алматы, 2005. 352 с.
- Жук А. В., Солтанович А. В., Гучок А. Е. Алгоритм осмотра места происшествия при задержании взяточполучателя с поличным в условиях проведения оперативного эксперимента: метод. пособие. Мн.: Харвест, 2013. 32 с.
- Журавлев С. Ю. Расследование экономических преступлений. М.: Юрлитинформ, 2005. 496 с.
- Костров А. И., Печерский В. В., Цыпарков Н. Г. Криминалистика. Методика расследования отдельных видов преступлений: конспект лекций. Мн.: Изд-во МИУ, 2009. 356 с.
- Криминалистика: Расследование преступлений в сфере экономики: учеб. / под ред. В. Д. Грбовского, А. Ф. Лубина. Н. Новгород: Нижегород. ВШ МВД России, 1995. 400 с.
- Курс криминалистики: в 3 т. / под ред. О. Н. Коршуновой, А. А. Степанова. СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2004. Т. 3: Криминалистическая методика. Методика расследования преступлений в сфере экономики, взяточничества и компьютерных преступлений. 573 с.
- Методика расследования коррупционных преступлений: науч.-практ. пособие для следователей и оперативных работников правоохранительных органов / под общ. ред. В. Х. Кадырова. Мн., 2005. 307 с.
- Пацкевич А. П. Ретроспективный и криминалистический анализ возникновения и развития института обыска // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы: сб. науч. тр. 2018. Вып. 1/43. С. 73–80.
- Савченко Н. И. Особенности предварительного и первоначального этапов расследования получения, дачи взятки: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2020. 209 с.

Справочник следователя. М.: Юрид. лит., 1990. Вып. 2: Практическая криминалистика: расследование отдельных видов преступлений. 592 с.

Справочное пособие криминалиста, судьи, прокурора, следователя / авт.-сост. А. С. Рубис, Д. В. Исютин-Федотков. Мн.: Харвест, 2007. 736 с.

Халиков А. Н. Следственные действия по делам о должностных преступлениях: система, характеристика, тактика. М.: Юрлитинформ, 2008. 376 с.

Хлус А. М. Тактическая операция «задержание с поличным» и ее особенности при раскрытии и расследовании взяточничества // Законность и правопорядок. 2018. № 1. С. 59–63.

Хомич В. М., Бранчель И. И. Оперативный эксперимент как способ выявления взяточничества: моногр. Мн.: БГУФК, 2009. 240 с.

Эксперт. Руководство для экспертов органов внутренних дел / под ред. Т. В. Аверьяновой, В. Ф. Статкуса. М.: КноРус; Право и закон, 2003. 592 с.

Александр Михайлович Хлус – кандидат юридических наук, доцент, докторант кафедры криминалистики Белорусского государственного университета. 220030, Республика Беларусь, Минск, пр. Независимости, д. 4. E-mail: hlus.home@mail.ru.

ORCID: 0000-0002-6342-4754

Inspection or Search at the Place of Detention of the Bribe Taker? Procedural and Tactical Aspects

By checking the citizens' applications for bribery or guided by operational data, the bodies carrying out operational-search activities organize the arrest of the bribe taker red-handed. At this stage they do not exercise their right to initiate a criminal case and conduct urgent investigative actions, which further actualizes the problems of the preliminary investigation. Having completed the arrest of the bribe taker red-handed, the officers of the operational units delegate the right to initiate a criminal case to the investigator, providing him with the materials of their activities. In this case, the investigator is deprived of the opportunity to carry out a number of procedural actions, the need for which arises when the bribe taker is detained red-handed.

After analyzing this situation, comparing the procedural powers of the criminal prosecution authorities, the author concluded that it is advisable to involve the investigator in the preparation of the arrest of the bribe taker red-handed. After the initiation of a criminal case immediately after the arrest of the bribe taker red-handed, the investigator has to choose an investigative action, which is most rational in the conditions of the place of detention: an inspection of the scene or a search at the place of detention. Having considered some of the tactical features of the inspection and search at the place of detention, having analyzed the available publications and practical activities, the author pointed out the disadvantages and advantages of these investigative actions. It was concluded that the place of detention of the bribe taker in all cases should be subject to inspection. This will ensure the implementation of the principle of procedural economy, as it covers a number of other investigative examinations.

Keywords: receiving a bribe, red-handed detention, investigator, the place of the incident, inspection, search

Recommended citation

Hlus A. M. Osmotr ili obysk na meste zaderzhaniya vzyatkopoluchatelya? Protsessual'nye i takticheskie aspekty proizvodstva [Inspection or Search at the Place of Detention of the Bribe Taker? Procedural and Tactical Aspects], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2021, no. 5, pp. 71–82, DOI: 10.34076/2410_2709_2021_5_71.

References

Astapkina S. M. *Taktika obyska i vyemki* [Tactics of Search and Seizure], Moscow, Akad. MVD SSSR, 1989, 22 p.

Aver'yanova T. V., Statkus V. F. (eds.) *Ekspert. Rukovodstvo dlya ekspertov organov vnutrennikh del* [Expert. Guide for Experts of Internal Affairs Bodies], Moscow, KnoRus, 2003, 592 p.

Belokobyl'skaya O. I. Spetsifika proizvodstva otdel'nykh sledstvennykh deistvii pri rassledovanii vzyatochnichestva [Specificity of the Certain Investigative Actions in the Investigation of Bribery], *Tavrisheskii nauchnyi obozrevatel'*, 2015, no. 2, pp. 39–45.

Ginzburg A. Ya., Povreznyuk G. I., Oganov N. I. *Kriminalistika: rekomendatsii k raskrytiyu prestuplenii* [Criminalistics: Recommendations for Solving Crimes], Almaty, 2005, 352 p.

Grabovskii V. D., Lubin A. F. (eds.) *Kriminalistika: Rassledovanie prestuplenii v sfere ekonomiki* [Forensics: Investigation of Crimes in the Sphere of Economics], Nizhnii Novgorod, Nizhegor. VSh MVD Rossii, 1995, 400 p.

Hlus A. M. Takticheskaya operatsiya «zaderzhanie s polichnym» i ee osobennosti pri raskrytii i rassledovanii vzyatochnichestva [Tactical Operation «Red-Handed Arrest» and Its Features in the Disclosure and Investigation of Bribery], *Zakonnost' i pravoporyadok*, 2018, no. 1, pp. 59–63.

Kadyrov V. H. (ed.) *Metodika rassledovaniya korrupsionnykh prestuplenii* [Methods for Investigating Corruption Crimes], Minsk, 2005, 307 p.

Khalikov A. N. *Sledstvennye deistviya po delam o dolzhnostnykh prestupleniyakh: sistema, kharakteristika, taktika* [Investigative Actions in Cases of Malfeasance: System, Characteristics, Tactics], Moscow, Yurlitinform, 2008, 376 p.

Khomich V. M., Branchel' I. I. *Operativnyi eksperiment kak sposob vyyavleniya vzyatochnichestva* [Operational Experiment as a Way to Identify Bribery], Minsk, BGUFK, 2009, 240 p.

Korshunova O. N., Stepanov A. A. (eds.) *Kurs kriminalistiki* [The Course of Forensic Science], in 3 vols., Saint Petersburg, Yurid. tsentr «Press», 2004, vol. 3, 573 p.

Kostrov A. I., Pecherskii V. V., Tsyarkov N. G. *Kriminalistika. Metodika rassledovaniya otdel'nykh vidov prestuplenii* [Forensics. Methods for Investigating Certain Types of Crimes], Minsk, Izd-vo MIU, 2009, 356 p.

Patskevich A. P. Retrospektivnyi i kriminalisticheskii analiz vozniknoveniya i razvitiya instituta obyska [Retrospective and Forensic Analyzes of the Emergence and Development of the Search Institution], *Voprosy kriminologii, kriminalistiki i sudebnoi ekspertizy*, 2018, no. 1/43, pp. 73–80.

Rubis A. S., Isyutin-Fedotkov D. V. (eds.) *Spravochnoe posobie kriminalista, sud'i, prokurora, sledovatelya* [Reference Book of a Criminalist, Judge, Prosecutor, Investigator], Minsk, Harvest, 2007, 736 p.

Savchenko N. I. *Osobennosti predvaritel'nogo i pervonachal'nogo etapov rassledovaniya polucheniya, dachi vzyatki* [Features of the Preliminary and Initial Stages of the Investigation of Receiving, Giving a Bribe]: cand. jur. sc. thesis, Ryazan', 2020, 209 p.

Spravochnik sledovatelya (Prakticheskaya kriminalistika: rassledovanie otdel'nykh vidov prestuplenii) [Handbook of the Investigator (Practical Forensics: Investigation of Certain Types of Crimes)], Moscow, Yurid. lit., 1990, 592 p.

Zhuk A. V., Soltanovich A. V., Guchook A. E. *Algoritm osmotra mesta proisshestiya pri zaderzhanii vzyatkopoluchatelya s polichnym v usloviyakh provedeniya operativnogo eksperimenta* [Algorithm of Inspection of the Scene of the Arrest of a Bribe Taker Red-Handed in the Conditions of an Operational Experiment], Minsk, Harvest, 2013, 32 p.

Zhuravlev S. Yu. *Rassledovanie ekonomicheskikh prestuplenii* [Investigation of Economic Crimes], Moscow, Yurlitinform, 2005, 496 p.

Aleksandr Hlus – candidate of juridical sciences, associate professor, doctoral candidate of the Department of criminalistics, Belarusian State University. 220030, Republic of Belarus, Minsk, Nezavisimosti ave., 4. E-mail: hlus.home@mail.ru.

ORCID: 0000-0002-6342-4754

Дата поступления в редакцию / Received: 09.03.2021

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 01.09.2021

С. Э. Несмеянова, Е. Г. Калинина, М. В. Грачева

Уральский государственный
юридический университет
(Екатеринбург)

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ПЕРЕХОД В ИННОВАЦИОННЫЙ РЕЖИМ

В статье рассматривается вопрос о необходимости применения инновационных образовательных технологий при реализации программ дополнительного профессионального образования. Авторами проанализированы различные мнения специалистов в области педагогики о видах и уровнях нововведений в области образования, обозначены основные направления инновационной деятельности. В связи с тем что образовательные организации являются основными субъектами, внедряющими инновационные технологии, в Российской Федерации поддерживается реализация инновационных проектов / программ путем присвоения соответствующим организациям статуса инновационных площадок.

В 2021 г. такой статус присвоен Уральскому государственному юридическому университету. Проект «Информационно-аналитический портал как компетентностный ресурс в системе дополнительного профессионального образования», реализуемый Университетом, направлен на обеспечение педагогов дополнительного профессионального образования соответствующими нормативными и методическими актами, а также аналитической информацией о реализации дополнительных образовательных программ в различных вузах с целью применения эффективных инновационных технологий в образовательном процессе. Портал должен способствовать переходу преподавателя в инновационный режим и выходу за рамки преподавания конкретного предмета, созданию педагогических инноваций.

Ключевые слова: инновации, образование, дополнительное профессиональное образование, инновационная образовательная площадка, нововведения

Для цитирования

Несмеянова С. Э., Калинина Е. Г., Грачева М. В. Дополнительное профессиональное образование: переход в инновационный режим // Российское право: образование, практика, наука. 2021. № 5. С. 83–89. DOI: 10.34076/2410_2709_2021_5_83.

УДК 371

DOI: 10.34076/2410_2709_2021_5_83

Фундамент инновационной деятельности, обеспечивающий модификацию и развитие системы образования, заложен в Федеральном законе от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ст. 20). Становление инновационной деятельности невозможно в отрыве от приоритетных и стратегических направлений, выработанных в рамках реализации государственной политики, в том числе в сфере образования. Осуществление инновационной деятельности невозможно без цифровой трансформации. Поощрение учебных заведений к ведению инновационной деятельности способствует реализации национальной цели по дости-

жению «цифровой зрелости» образования. Утверждение Министерством образования в июле 2021 г. Стратегии цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования также свидетельствует о том, что государство заинтересовано в развитии инноваций в образовании, в том числе посредством внедрения цифровых образовательных платформ, развития цифровых сервисов.

Как справедливо отмечается в литературе, обращение к инновациям в образовании сегодня – залог более высокого качества образования, а равно обеспечение равного доступа обучающихся к нему. Инновации обуславливают увеличение эффективности тех

ресурсов, что прошли проверку, были сохранены и модернизированы. Инновации стоят на страже выбора специалистов и совершенствования кадрового потенциала, одновременно отсеивая тех, кто не соответствует темпам трансформации системы, и поощряя профессионалов [Сальников 2010: 22]. Именно поэтому современные образовательные технологии столь же важны, как и поиск совершенных и адаптивных форм и методов обучения, внедрение образовательных программ, ориентированных на каждого обучающегося индивидуально. Внедрение инноваций также способствует повышению у обучающихся интереса к осваиваемым курсам или отдельным темам.

Ученые описывают различные виды нововведений в системе образования. Инновации классифицируют в зависимости от их характерной роли на агрессивно-прогрессивно реализуемые (радикальные), эволюционно-прогрессивно реализуемые (модифицирующие) или смешанного характера. Кроме того, инновационные процессы оцениваются по масштабу от локальных до системных, а также по объекту, на который первично направлена трансформация. В частности, изменениям могут быть подвержены целостная структура процесса, непосредственно информационно-компьютерное обеспечение или база учебного процесса [Джураева, Муртазаева 2016: 73]. В любом случае нельзя не согласиться с тем, что инновационное обучение способствует формированию сознательной и ответственной личности, умеющей осуществлять рациональный выбор в различных ситуациях [Умарова 2021: 11].

Инновационные процессы в образовании как специфической области деятельности тоже нуждаются в классификации. Чаще всего специалисты пишут о стихийных инновациях. Они ситуативны, и обычно к ним относится образовательная деятельность, проводимая педагогами, родителями в качестве эксперимента. Противоположным типом выступают осознанные инновации, которые являются результатом продуманной деятельности в сфере образования [Азарова 2011; Гаджиева 2016: 12].

Помимо этого, в зависимости от степени нововведений выделяют различные уровни инноваций: 1) инновацию как таковую, т. е. что-то принципиально новое, не имеющее аналогов; 2) усовершенствование существующего образовательного продукта, измененного в значительной степени, обладающего

элементами новизны, что соответствует понятию модернизации; 3) адаптацию существующего образовательного продукта к заранее определенным условиям и в определенных целях [Багаутдинова, Клещева 2014].

Инновационная деятельность охватывает самые разные направления, в числе которых совершенствование научно-педагогического (менторы), учебно-методического (программы, оценочные средства, учебные планы), организационного (управление, целеполагание и система задач), правового (нормативная база), финансово-экономического (соотношение бюджетного и внебюджетного дохода), материально-технического (оснащение помещений, техника) обеспечения системы образования.

Наполнением инновационной деятельности выступают инновационные программы и проекты. Перечень субъектов, вовлеченных в данную деятельность, в сфере образования максимально широк. К ним относятся не только образовательные организации, но и иные учреждения, их объединения независимо от их организационно-правовой формы, типа, ведомственной принадлежности. Все эти субъекты, готовые к реализации проектов, вправе претендовать на статус инновационной площадки. С учетом особенностей организации уровней образования в России правовое регулирование в сфере образования осуществляют два федеральных органа исполнительной власти: Министерство просвещения и Министерство науки и высшего образования. В пределах своей компетенции каждый из этих органов определяет порядок создания и функционирования инновационной инфраструктуры в системе образования, присваивает тем или иным организациям статус федеральных инновационных площадок. Задача органов состоит в обеспечении условий, необходимых для реализации инновационных образовательных проектов, и претворении в жизнь результатов отдельных программ или проектов в целом.

Функции Министерства науки и высшего образования РФ в отношении федеральных инновационных площадок закреплены в Положении о нем (утв. постановлением Правительства РФ от 15 июня 2018 г. № 682). Данное Положение определяет полномочия Министерства по подготовке и принятию нормативных правовых актов, нацеленных на создание инновационной инфраструктуры. Для координации действий в указанной сфе-

ре Министерство науки и образования РФ по согласованию с Министерством просвещения РФ подготовило приказ от 22 марта 2019 г. № 21н. Он является фундаментом для создания ключевых и актуальных направлений деятельности инновационных площадок на ближайшее время. Перечислим эти направления.

1. Разработка, апробация и (или) внедрение:

новых элементов содержания образования и систем воспитания, новых педагогических технологий, учебно-методических и учебно-лабораторных комплексов, форм, методов и средств обучения в организациях, осуществляющих образовательную деятельность, в том числе с использованием ресурсов негосударственного сектора;

примерных основных образовательных программ, инновационных образовательных программ, программ развития образовательных организаций, работающих в сложных социальных условиях;

новых профилей (специализаций) подготовки в сфере профессионального образования, обеспечивающих формирование кадрового и научного потенциала в соответствии с основными направлениями социально-экономического развития Российской Федерации;

методик подготовки, профессиональной переподготовки и (или) повышения квалификации кадров, в том числе педагогических, научных и научно-педагогических работников и руководящих работников сферы образования, на основе применения современных образовательных технологий;

новых механизмов, форм и методов управления образованием на разных уровнях, в частности с использованием современных технологий;

новых институтов общественного участия в управлении образованием;

новых механизмов саморегулирования деятельности объединений образовательных организаций и работников сферы образования, а также сетевого взаимодействия образовательных организаций.

2. Иная инновационная деятельность в сфере образования, направленная на совершенствование учебно-методического, научно-педагогического, организационного, правового, финансово-экономического, кадрового, материально-технического обеспечения системы образования.

Преследуя цель синхронизации и гармонизации деятельности инновационных пло-

щадок, оба министерства создают свои координационные органы по вопросам внедрения и апробации инновационной инфраструктуры для общего и высшего образования. Именно по представлению координационных советов министерства признают образовательные организации инновационными площадками и через советы контролируют эффективность функционирования инновационной инфраструктуры.

Присуждение статуса инновационной площадки в определенной мере является экспериментальным процессом и требует дополнительного контроля и оценки. В связи с этим в 2019–2021 гг. уже сложилась практика, при которой Минпросвещение России не только предоставляло статус, но и отзывало его, не рекомендовало присваивать статус федеральной инновационной площадки отдельным организациям или не продлеvalo действие этого статуса (приказ Минпросвещения России от 30 декабря 2020 г. № 863 «О федеральных инновационных площадках»). Впоследствии Приказ № 863 утратил силу, а список организаций, отнесенных к федеральным инновационным площадкам, был утвержден заново (приказ Минпросвещения России от 3 августа 2021 г. № 515).

В целях выработки единых подходов и процедур двух министерств по вопросам внедрения инновационной инфраструктуры и во избежание функционирования неэффективных площадок координационные советы ежегодно организуют сбор заявок от образовательных организаций, претендующих на признание их инновационными образовательными площадками, а также отчетов от организаций, получивших данный статус ранее. В частности, в 2020 г. Министерство науки и высшего образования продлило статус федеральных инновационных площадок почти 50 образовательных организаций. Более 150 государственных учреждений высшего образования дополнительно были признаны федеральными инновационными площадками в 2021 г. Одним из таких вузов стал Уральский государственный юридический университет.

Человеку свойственно стремиться к саморазвитию или развитию посредством обращения к профессионалам. С учетом ценности идеи непрерывного образования (*life-long education*) в современном обществе, ее тесного соприкосновения с инноватикой дополнительное профессиональное образование нуж-

дается в соответствующих инновационных площадках. Более того, освоение инноваций требует от человека развития, в том числе посредством получения второго образования, повышения квалификации или профессиональной переподготовки. Придавая значение всему вышеописанному и учитывая правовой аспект регулирования вопросов организации и реализации дополнительных профессиональных программ на федеральном, региональном и локальном уровнях, Уральский государственный юридический университет разработал и заявил на конкурс инновационный образовательный проект – внедрение специального портала, работа которого направлена на повышение ресурса компетентности в системе дополнительного профессионального образования. Реализация проекта запланирована на период 2021–2025 гг. и предусматривает прохождение отчетных этапов, которое будет свидетельствовать о достижении значимых результатов.

С учетом ценности идеи непрерывного образования в современном обществе, ее тесного соприкосновения с инноватикой дополнительное профессиональное образование нуждается в соответствующих инновационных площадках

Информационно-аналитический портал в соответствии со Стратегией цифровой трансформации высшего образования является продуктом «цифровой зрелости», объединяющим в себе важные инициативы. Последние связаны не только с непосредственным наличием цифрового сервиса, но и с его функционалом, направленным на совершенствование потенциала педагогов и будущих выпускников и повышение качества публикуемых данных для системы образования в целом.

Портал инициирован как информационный кластер, содержащий необходимую информацию как для педагогов, так и для обучающихся. На портале планируется разместить подборку актуальных нормативных правовых актов, регулирующих функционирование системы дополнительного профессионального образования (далее – ДПО) в России, макеты локальных нормативных актов образовательной организации в сфере реализации дополнительных профессиональных программ, макеты документов, обеспечивающих учебный

процесс, а также различную статистическую информацию о развитии ДПО в вузах, о показателях эффективности реализации таких программ и др. Перспективным представляется учет информации об инновациях в системе ДПО (новых дидактических, методических и иных технологиях для педагогов). Не менее значимыми кажутся анализ статистики развития ДПО в вузах России, информация о системе ДПО в других странах.

Вместе с тем нужно выделить две проблемы, сопровождающие инновационные процессы в дополнительном образовании: 1) проблема изучения эффективных практик, анализа и обобщения результатов и их распространения; 2) проблема внедрения научных результатов в жизнь [Ковтун, Михайлюк, Шафоростова 2012: 42]. Обе они могут быть решены за счет практической составляющей обобщаемой информации. В частности, для анализа эффективности реализации программ ДПО будут определены критерии, показатели продуктивности таких программ и проведен мониторинг их реализации как в Университете, так и вне его. Мониторинг необходим как средство контроля и оценивания происходящих в сфере образования инновационных изменений [Ратовская 2019]. Анализ и обобщение информации должны помочь преодолеть барьер в системе образования, связанный с неоднородностью обработки данных и современных изысканий (и доступа к ним) российскими образовательными организациями. Кроме того, инновационный образовательный проект способствует гармонизации практик учебных заведений.

Качество предоставляемой информации обеспечивается ее оценкой экспертами в сфере ДПО. Более того, благодаря portalу информация открыта для обсуждения, а предложения и рекомендации планируется направить в соответствующие структуры системы образования и органы государственной власти в целях совершенствования нормативно-правового регулирования ДПО в Российской Федерации.

Таким образом, цели данного проекта – поиск и активизация современных нетривиальных подходов в системе дополнительного образования; удовлетворение образовательных и профессиональных потребностей; профессиональное развитие человека; обеспечение соответствия его квалификации меняющимся условиям профессиональной деятельности и социальной среды. Цели мо-

гут быть достигнуты путем интеграции информационных и других инновационных обучающих ресурсов. В конечном счете все положительные результаты должны способствовать развитию ДПО и совершенствованию предлагаемых в программах компетенций.

Сегодня, как никогда, инновационной форме образовательного процесса требуется соответствующее инновационное содержание, ибо в нем скрыты необходимые ценности, новаторские идеи, неординарные подходы к решению задач, поставленных перед педагогами. При этом инновационная форма, как прежде, предполагает использование информационных и телекоммуникационных технологий¹. Таков секрет устойчивого развития сферы образования в XXI в.

Проект может быть интересен педагогическим работникам и руководству образовательных организаций, специалистам и руководителям учреждений или подразделений дополнительного профессионального образования, различным центрам оценки качества образования, службам сопровождения и медиации, органам управления образованием, а также обучающимся и потенциальным слушателям.

¹ Пономарева О. Н. Инновации в системе дополнительного профессионального образования учителей // URL: http://www.tsutmb.ru/nayk/nauchnyie_meropriyatiya/int_konf/mezhdunarodnyie/konkurs_fonda_infrastruktornyix_i_obrazovatelnyix_programm/otkryityij_blagotvoritelnyij_konkurs_na_finansirovanie_grantov/luchshim_studentam_%E2%80%9393_imennaya_stipendiya_garant (дата обращения: 09.08.2021).

Информационно-аналитический портал должен информировать преподавателей и обучающихся о тенденциях и инновациях в сфере ДПО и мотивировать их на приобретение и совершенствование компетенций, необходимых для успешной профессиональной деятельности. Данный портал представляет собой не сборный или сортировочный пункт касающейся ДПО информации, это лаборатория дополнительного образования, в которой каждый причастный сможет найти нужные материалы для развития, принять участие в эксперименте и посмотреть на текущие и грядущие модификации компетенций, а равно оценить формирование собственного опыта соприкосновения с инновациями.

Образовательным инновациям предшествуют научный поиск передового педагогического опыта, обращение к технологиям, к системному и эмоциональному мышлению участников процесса, а также генерация и обработка идей и открытий, направленных на решение нетиповых задач [Исакова 2012]. В связи с этим результаты функционирования информационно-аналитического портала будут использоваться для обновления образовательного процесса в системе ДПО путем апробации новых педагогических технологий (лично-ориентированные, проектные, информационно-коммуникативные технологии, интегрированные курсы) и освещения информации в различных отчетах, публикациях, в ходе научных мероприятий и методических семинаров.

Список литературы

Азарова Р. Н. Подходы к организации инновационной деятельности в вузе как условие совершенствования качества образования (на примере регионального вуза) // Экономика, статистика и информатика. 2011. № 2. С. 3–7.

Багаутдинова А. Ш., Клещева И. В. Инновационные образовательные технологии в высшем образовании // Научный журнал НИУ ИТМО. Сер. Экономика и экологический менеджмент. 2014. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnye-obrazovatelnye-tehnologii-v-vysshem-obrazovanii> (дата обращения: 18.08.2021).

Гаджиева П. Д. Современные тенденции организации инновационной деятельности педагога // Мир науки, культуры, образования. 2016. № 6. С. 12–13.

Джураева Б. О., Муртазаева Х. Х. Комплексный характер инноваций в системе дополнительного профессионального образования // Наука и образование сегодня. 2016. № 4. С. 73–74.

Исакова Н. В. Инновационные образовательные технологии в системе дополнительного профессионального образования // Подготовка инновационных кадров для рынка труда в условиях непрерывного образования: материалы Междунар. науч-практ. конф. (Нижний Тагил, 20–21 января 2012 г.). URL: http://arbir.ru/articles/a_2958.htm (дата обращения: 18.08.2021).

Ковтун Н. И., Михайлюк Е. А., Шафоростова Е. Н. Комплексный характер инноваций в системе дополнительного профессионального образования // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. 2012. № 3. С. 41–46.

Ратовская С. В. Педагогическая экспертиза образовательных инноваций в контексте задач развития высшего педагогического образования в Республике Крым // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 65-1. С. 214–218.

Сальников В. А. Инновационное обучение: личностно-ориентированный подход // Высшее образование в России. 2010. № 11. С. 22–27.

Умарова Н. Р. Реформирование образования на основе использования инновационных технологий // Наука и образование сегодня. 2021. № 4. С. 11–12.

Светлана Эдуардовна Несмеянова – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права, директор Института дополнительного образования Уральского государственного юридического университета. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: nesmeyanova@yandex.ru.

ORCID: 0000-0001-7640-9839

Екатерина Геннадьевна Калинина – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры конституционного права, заместитель директора Института дополнительного образования Уральского государственного юридического университета. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: catherinekalinina@gmail.ru.

ORCID: 0000-0002-6483-9556

Мария Викторовна Грачева – кандидат юридических наук, доцент кафедры административного права Уральского государственного юридического университета. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: grachevam@yandex.ru.

ORCID: 0000-0003-2225-3730

Additional Professional Education: Transition to Innovative Mode

The article examines the question that it is necessary to apply innovative educational technologies in the implementation of additional professional education programs. The authors analyzed various views of specialists in the field of pedagogy on the types and levels of innovations in education, as well as the main directions of innovation activity. Educational organizations are the main subjects implementing innovative technologies. In the Russian Federation, the implementation of innovative projects / innovative programs is supported by assigning the status of innovation platforms to relevant organizations.

In 2021, the status of the federal innovation platform was assigned to the Ural State Law University. The project «Information and analytical portal as a competence resource in the system of additional professional education», which is implemented by the University, is aimed at providing teachers of additional professional education with normative and methodological acts that ensure the educational process. In addition, the Portal contains analytical information about the implementation of additional educational programs in various universities in order to apply effective innovative technologies in the educational process. The Portal should facilitate the teacher's transition to an innovative mode and going beyond the teaching of a specific subject, creating pedagogical innovations.

Keywords: *innovations, education, additional professional education, innovative educational platform*

Recommended citation

Nesmeyanova S. E., Kalinina E. G., Gracheva M. V. Dopolnitel'noe professional'noe obrazovanie: perekhod v innovatsionnyi rezhim [Additional Professional Education: Transition to Innovative Mode], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2021, no. 5, pp. 83–89, DOI: 10.34076/2410_2709_2021_5_83.

References

Azarova R. N. Podkhody k organizatsii innovatsionnoi deyatel'nosti v vuze kak uslovie sovershenstvovaniya kachestva obrazovaniya (na primere regional'nogo vuza) [Approaches to the Organization of Innovative Activity in an Institute of Higher Education as a Condition for Improving the Quality of Education (Illustrated by Regional University)], *Ekonomika, statistika i informatika*, 2011, no. 2, pp. 3–7.

Bagautdinova A. Sh., Kleshcheva I. V. Innovatsionnye obrazovatel'nye tekhnologii v vysshem obrazovanii [Innovative Educational Technologies in Higher Education], *Nauchnyi zhurnal NIU ITMO. Ser. Ekonomika i ekologicheskii menedzhment*, 2014, no. 1, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnye-obrazovatelnye-tehnologii-v-vysshem-obrazovanii> (accessed: 18.08.2021).

Dzhuraeva B. O., Murtazaeva Kh. Kh. Kompleksnyi kharakter innovatsii v sisteme dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya [The Complex Nature of Innovations in the System of Continuing Professional Education], *Nauka i obrazovanie segodnya*, 2016, no. 4, pp. 73–74.

Gadzhieva P. D. Sovremennye tendentsii organizatsii innovatsionnoi deyatel'nosti pedagoga [Modern Trends in Organization of Innovative Activity of a Teacher], *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 2016, no. 6, pp. 12–13.

Isakova N. V. *Innovatsionnye obrazovatel'nye tekhnologii v sisteme dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya* [Innovative Educational Technologies in the System of Additional Professional Education], *Podgotovka innovatsionnykh kadrov dlya rynka truda v usloviyakh nepreryvnogo obrazovaniya* [Training of Innovative Personnel for the Labor Market in the Conditions of Lifelong Education]: conference papers, 2012, available at: http://arbir.ru/articles/a_2958.htm (accessed: 18.08.2021).

Kovtun N. I., Mikhailyuk E. A., Shaforostova E. N. Kompleksnyi kharakter innovatsii v sisteme dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya [The Complex Character of Innovations in the System of Additional Professional Education], *Nauchnoe obespechenie sistemy povysheniya kvalifikatsii kadrov*, 2012, no. 3, pp. 41–46.

Ratovskaya S. V. Pedagogicheskaya ekspertiza obrazovatel'nykh innovatsii v kontekste zadach razvitiya vysshego pedagogicheskogo obrazovaniya v Respublike Krym [Pedagogical Examination of Educational Innovations in the Context of Tasks of Development of Higher Pedagogical Education in the Republic of Crimea], *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*, 2019, no. 65-1, pp. 214–218.

Sal'nikov V. A. Innovatsionnoe obuchenie: lichnostno-orientirovannyi podkhod [Innovative Education: Person-Centered Approach], *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 2010, no. 11, pp. 22–27.

Umarova N. R. Reformirovanie obrazovaniya na osnove ispol'zovaniya innovatsionnykh tekhnologii [Reforming Education Based on the Use of Innovative Technologies], *Nauka i obrazovanie segodnya*, 2021, no. 4, pp. 11–12.

Svetlana Nesmeyanova – doctor of juridical sciences, professor of the Department of constitutional law, director of the Institute of Additional Education, Ural State Law University. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: nesmeyanova@yandex.ru.

ORCID: 0000-0001-7640-9839

Ekaterina Kalinina – candidate of juridical sciences, deputy director of the Institute of Additional Education, Ural State Law University. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: catherinekalinina@gmail.ru.

ORCID: 0000-0002-6483-9556

Maria Gracheva – candidate of juridical sciences, associate professor of the Department of administrative law, Ural State Law University. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: grachevam@yandex.ru.

ORCID: 0000-0003-2225-3730

Дата поступления в редакцию / Received: 27.08.2021

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 01.10.2021

В. Д. Мельник, М. Л. Скуратовский
Уральский государственный юридический университет
(Екатеринбург)

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРАВОСУДИЕ КАК СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ЮРИДИЧЕСКОМ ВУЗЕ

Дается ретроспективный взгляд на проблемы высшего юридического образования, обсуждение которых ведется с XIX в. Также авторы анализируют достоинства и недостатки специализации юридического образования, подробно разбирают возможные, в том числе применяемые при преподавании арбитражного процесса формы, инструменты и методы обучения по образовательной программе специализации «Экономическое правосудие», предлагают рекомендации по улучшению организации соответствующих учебных курсов.

Главные выводы авторов о методике подготовки будущих специалистов арбитражных судов: специализация такого обучения должна быть углубленной и приближенной к практике; «стержнем» программы должно быть обучение арбитражному процессу с акцентом на основных способах защиты прав участников имущественного оборота; в преподавании необходимо использование таких современных инструментов и технологий, как решение задач, приближенных к практике, проведение модельных процессов и коллоквиумов с обсуждением вопросов правотворчества и правоприменения.

Ключевые слова: арбитражный процесс, экономическое правосудие, хозяйственно-правовая специализация, модельный процесс, коллоквиум, комплект процессуальных документов

Для цитирования

Мельник В. Д., Скуратовский М. Л. Экономическое правосудие как специализированное направление в юридическом вузе // Российское право: образование, практика, наука. 2021. № 5. С. 90–99. DOI: 10.34076/2410_2709_2021_5_90.

УДК 347.9

DOI: 10.34076/2410_2709_2021_5_90

В 1977 г., когда один из авторов статьи находился в старшем школьном возрасте, интерес его вызвала опубликованная в журнале «Хозяйство и право» статья «Кузница кадров», написанная тремя выдающимися профессорами Свердловского юридического института: Д. Д. Остапенко, Б. К. Бегичевым и В. С. Якушевым. Работа была посвящена целям создания и учебной программе первого в стране факультета правовой службы в народном хозяйстве. Сложно оценивать безусловность влияния данной статьи на последующую судьбу этого автора, но поступил он именно на этот факультет, окончил его и посвятил свою жизнь и профессиональную деятельность тому, чему учили на факультете, сначала в качестве судьи арбитражного суда, а в настоящее время – преподавателя

курса «Арбитражный процесс», в том числе у студентов, выбравших специализацию «Экономическое правосудие».

С 1976 г. в центральных юридических журналах появилось несколько статей профессоров СЮИ – основателей новой специализации в обучении юристов: «О модели юриста и обучении в юридических вузах» [Алексеев, Яковлев 1976], «Хозяйственно-правовая специализация в юридических вузах (предложения по учебному плану)» [Якушев 1978], «Юристы для народного хозяйства» [Остапенко, Татаркин 1980], «Вопросы организации преподавания специальной дисциплины „Разрешение хозяйственных споров СССР“» [Юдельсон 1982]. Выдающиеся ученые посвятили так много публикаций вопросам специализации юридического обра-

зования, в том числе хозяйственно-правовой, ибо понимали, что именно эта сфера правоприменения должна «обогащаться» юристами, получившими специализированное юридическое образование.

Мы же предлагаем поразмышлять о том, как в понятной форме представить молодым людям, порою случайно выбравшим специализацию обучения, основы рассмотрения экономических споров и направить их по пути профессионализма. При этом мы не говорим о создании новых учебных дисциплин, еще больше нагружающих студентов, или об изменении государственных образовательных стандартов и учебных планов вузов, а хотим просто поделиться мыслями, которые возникали у нас в образовательном процессе, с тем чтобы будущим юристам было *интересно и полезно* учиться.

Прежде всего дадим уважаемому читателю возможность ознакомиться с мыслями российских профессоров XIX–XXI вв., интересовавшихся вопросами не только собственно науки, но и искусства ее преподавания.

XIX в.

«Наконец, преподавание должно быть согласовано как с теми основными целями, которые преследует юридическое образование, так и с особыми данными и дарованиями отдельных учащихся и учащих. Оно не должно замыкаться в применении одного какого-либо приема» (П. Е. Казанский, профессор Казанского и Новороссийского университетов [Цит. по: Баженова 2014]).

«Неподготовленность окончивших курс юридических факультетов „замечается во всем, что входит на первых же порах в круг занятий лиц, поступающих в кандидаты на судебные должности. Незнакомство с организацией судебных установлений и с порядком делопроизводства в них; весьма слабое знакомство с содержанием Свода законов и полное, вследствие сего, неумение пользоваться им; неудовлетворительное знание Судебных уставов, совершенное неумение применять в потребных случаях гражданские законы, а также Уложение и Устав о наказаниях – вот те пробелы в подготовке студентов-юристов, которые замечаются при первом же соприкосновении их с практической деятельностью“» (В. Ф. Дерюжинский, профессор Санкт-Петербургского университета [Цит. по: Там же]).

XX в.

«Если сопоставить фундаментальную и специальную подготовку юристов, то хотя обе они страдают известным несовершенством, все же наиболее узким местом надо признать именно специализацию... Итак, оптимальный вариант формирования специалиста – сочетание подготовки юриста широкого профиля со специализацией, без крайностей в ту или другую сторону» (С. С. Алексеев, В. Ф. Яковлев, профессора СЮИ – УрГЮА [Алексеев, Яковлев 1976: 76]).

«Ориентация на получение множественности конкретных знаний в области специальных юридических наук сопряжена с тем, что выпускник должен знать не только (а может быть, и не столько) определяющие данную отрасль положения как основу для разрешения всех частных и конкретных вопросов, но и скрупулезно изучить и знать сами эти частности и детали» (В. С. Якушев, профессор СЮИ – УрГЮА) [Якушев 1978: 87–88]).

XXI в.

«Российский юрист должен быть широко эрудированным, а не стряпчим. Однако без глубоких специальных знаний нельзя говорить о высококвалифицированном специалисте. Если высокоэрудированные студенты не в состоянии „состряпать“ исковое заявление, то кому нужна их эрудиция? Возможно, она пригодится для участия в КВН» (В. С. Белых, профессор УрГЮУ, заведующий кафедрой предпринимательского права [Белых 2005: 57]).

«Все же необходимо признать особую роль функциональной составляющей обучения... Преподавание любой правовой дисциплины должно опираться на современный уровень правовой культуры, сравнительное правоведение и быть связано с юридической практикой» (М. К. Треушников, профессор МГУ [Треушников 2007]).

«По мере расширения рамок и содержания правового регулирования право становится все более специализированным, что накладывает отпечаток на развитие юридических профессий и, соответственно, ставит новые вопросы перед юридическим образованием» (В. В. Ярков, профессор УрГЮУ, заведующий кафедрой гражданского процесса [Интервью 2019]).

Приведенные цитаты свидетельствуют о следующем.

1. Проблемы, существовавшие в подготовке юристов и 150 лет, и 50 лет назад, и существующие сейчас, во многом остаются нерешенными и требуют дальнейшей работы (вероятнее всего, над ошибками).

2. Будущий юрист должен получать сбалансированные, достаточно обширные общегуманитарные, теоретические и практические знания в области права, и результатом обучения должно быть глубокое понимание тех процессов, которые происходят в жизни и регулируются правом.

3. Специализация студентов – это и настоящая потребность юридического образования, и одна из его целей, для достижения которой необходим комплексный подход, совмещающий предметы разных отраслей права и методы их изучения, а также образовательные технологии.

Все свои соображения мы разбили на четыре блока.

1. Взгляд обучающегося, поддерживаемый и преподавателем

Специализация должна предоставлять студенту возможность получить углубленные знания в отдельном аспекте избранной профессии, чтобы впоследствии с успехом применять эти знания. Как показывает опыт обучения и общения со студентами, они выбирают специализацию (экономическое правосудие, нотариат, общая судебная деятельность и т. д.), ожидая получить именно тот пласт информации, который кроется за названием специализации.

Что же происходит на практике? В дипломе выпускника специализация как таковая не отражена. С одной стороны, далеко не все работодатели обращают внимание на содержание диплома и впечатление о соискателе на должность строят, основываясь в первую очередь на собеседовании. С другой стороны, осознанный выбор студентом специализации должен быть отражен формально, иначе у студентов складывается следующее мнение: «Не имеет значения, какую специализацию ты выбираешь, поскольку дипломы у всех будут одинаковые».

Философская концепция нераздельности формы и содержания релевантна и для образовательного процесса. Вместе с тем сегодня выбор специализации в вузе действительно

не имеет значения, поскольку дисциплины, изучаемые на «Экономическом правосудии», несущественно отличаются от дисциплин, изучаемых на общей судебной либо адвокатской специализациях. Однако многие студенты выбирают конкретную специализацию (в данном случае – «Экономическое правосудие»), ожидая, что именно в этом направлении юридической профессии они получат глубокие познания, позволяющие им повысить конкурентоспособность на рынке юридических услуг. В действительности этого не происходит, и думается, что причины следующие.

Типизация образовательного процесса

В большинстве вузов преподавание дисциплин на всех специализациях типично: практически идентичное количество часов, одинаковые учебники и практикумы, однотипный пакет процессуальных документов и контрольных работ, общее содержание экзамена и т. д.

Нетипичность образовательного процесса связывается исключительно с личностью преподавателя. Студенты всегда видят, когда преподаватель не только заинтересован в собственном предмете, но и намерен донести его до студентов как можно доступнее и интереснее. Такие преподаватели обладают особой энергетикой и мотивируют студентов на дальнейшее изучение предмета. В свою очередь, преподаватель, получая отдачу от своих студентов в виде готовности слушать и применять услышанное, сам «заряжается» и дает еще больше знаний.

В то же время, полагаем, один преподавательский энтузиазм недостаточен для формирования кардинально новой специализации. Необходимо разработать такую образовательную программу, которая включает в себя более глубокое изучение как общих, так и специальных дисциплин.

В 2018–2019 гг. «специальность» «Экономического правосудия» проявлялась лишь во втором семестре третьего курса: именно в этом семестре началось изучение дисциплины «Арбитражный процесс». К тому моменту студенты весь предыдущий семестр изучали дисциплину «Гражданский процесс» и получили общие представления о принципах, канонах и базовых институтах процессуального права. Безусловно, «повторение, – мать

учения», однако актуально ли это в условиях ограниченного количества часов, отведенных на изучение дисциплины? Более того, по содержанию данный курс ничем, за исключением количества отведенных часов, не отличается от курса арбитражного процесса, который изучался студентами других специализаций (адвокатской, общей судебной и пр.).

Здесь можно вполне обоснованно привести мнение К. С. Юдельсона о том, что один из недостатков в преподавании курсов «Гражданский процесс» и «Рассмотрение хозяйственных споров» – неизбежное дублирование ряда вопросов [Юдельсон 1981: 132].

Отсутствие реальной производственной практики

Фактически на занятиях студенты в основном изучают теоретические вопросы. Безусловно, принципы, вариативные подходы к пониманию различных терминов, номера статей нормативных правовых актов критически важны для формирования юридического бэкграунда и расширения кругозора. Но этого всегда недостаточно для того, чтобы после окончания университета приступить к непосредственной юридической практике. Несмотря на окончание вуза по специализации «Экономическое правосудие» многие студенты¹ не имеют представления о том, как правильно составлять процессуальные документы, как выступать в суде и представлять интересы доверителя в бизнес-переговорах. К сожалению, сухого теоретического рассказа о том, чем отличается предмет иска от его основания либо при каких условиях сделка признается совершенной с предпочтением, недостаточно для успешного начала юридической карьеры.

В современном мире (не только юридическом) конкурентоспособность кандидата повышается при наличии ясного понимания того, как правовые нормы «играют» на практике, при умении четко, интересно и убедительно выражать юридические мысли. После окончания вуза по специализации «Экономическое правосудие» студенты подобными навыками, очевидно вырабатываемыми в ходе практической деятельности, в необходимом объеме не обладают. Причиной является то,

что учебная и производственная практика, организуемая вузом, казалось бы, специально для таких студентов, в действительности не обеспечивает получения многих практических навыков.

Студенты, по общему правилу, проходят учебную практику в арбитражном суде определенной инстанции и каком-либо административном органе (например, ФССП). Ни для кого не секрет, что практически никаких навыков, кроме способности раскладывать дела в хронологическом / алфавитном / ином порядке и сшивать их, студенты не приобретают. Для тех, кто окончил второй курс, это приемлемо (когда-то этому все равно придется учиться, да и основами процессуального права они еще не владеют). На судебные заседания, если практика проходит в арбитражном суде, студенты не ходят – делопроизводством тоже нужно заниматься. Однако такая же ситуация наблюдается и на четвертом курсе, когда начинается производственная практика.

В современном мире (не только юридическом) конкурентоспособность кандидата повышается при наличии ясного понимания того, как правовые нормы «играют» на практике, при умении четко, интересно и убедительно выражать юридические мысли

Разумеется, у студентов есть выбор, и они могут проходить практику в юридических компаниях, адвокатских образованиях. Тем не менее в первом семестре четвертого курса многие не используют данную возможность и проходят практику там, куда их направляет вуз. Как правило, это Арбитражный суд Свердловской области либо Арбитражный суд Уральского округа. Однако и во время производственной практики, когда у студентов имеются как базовые знания по гражданскому и арбитражному процессу, так и навыки делопроизводства, они занимаются ровно тем же, чем занимались на учебной практике двухлетней давности. Мало кто из студентов попадает на судебные заседания и имеет возможность познакомиться с тем, как они проходят, как представители доносят собственную позицию до суда, как суд на это реагирует, – иными словами, со всем

¹ Тезис основан исключительно на опыте коллег-сверстников, сталкивавшихся с одинаковыми проблемами при трудоустройстве.

тем, что необходимо для начала практической юридической деятельности в качестве представителя.

Таким образом, в действительности никакой практики не происходит, а все образование студента, окончившего вуз по специализации «Экономическое правосудие», основывается исключительно на более долгом изучении теоретического курса «Арбитражный процесс» и некоторых формально новых дисциплин.

Недостаточное внимание гибким навыкам (soft skills)

Конкурентоспособность студента повышает не только наличие практических юридических навыков, но и обладание гибкими навыками. Эти навыки – такая же важная составляющая профессиональных компетенций, как жесткие навыки.

К большому сожалению, действующие образовательные программы, независимо от специализации, практически не нацелены на выработку у студентов *soft skills*. Вместе с тем в условиях динамически развивающейся бизнес-среды, являющейся значимой сферой деятельности молодого человека, решившего углубиться в экономическое правосудие (в первую очередь в область защиты интересов бизнес-субъектов), данные навыки чрезвычайно востребованы. Сложности в карьере зачастую связаны с неумением критически мыслить, работать в команде, формулировать неординарные идеи, за реализацию которых необходимо брать ответственность.

Почему бы не создать условия для выработки гибких навыков у студентов, изначально нацеленных на собственный рост и развитие в бизнес-среде? Такие условия могут быть созданы посредством внедрения в программу обучения модельных процессов, постановки практических юридических задач, требующих коллективного решения в ограниченные сроки, и т. п. При этом подобные подходы должны рассматриваться не как новаторство, а как норма предоставления качественного юридического специализированного образования.

2. Цели обучения студентов по программе специализации «Экономическое правосудие»

Чтобы понять указанные цели, следует для начала определить, кем будут работать студенты сразу после вуза. Иначе говоря, чтобы правильно расставить акценты в преподавании, нужно мысленно создать образ

тех, кто будет пользоваться его плодами. Судьями арбитражных судов? Полученные в вузе знания по этой специализации, несомненно, помогут в работе судьями, но только лет через десять, не ранее. Юристами, работающими в цивилистическом сегменте права? Юридическими консультантами, адвокатами, корпоративными и частными юристами, арбитражными управляющими и т. д.? Конечно, но, на наш взгляд, таким юристам нужно специализироваться, скорее, в области права и предпринимательства, экономическое правосудие в котором важная, но все же лишь часть.

Собственно упомянутый в начале статьи факультет правовой службы в народном хозяйстве СЮИ и создавался с подобной целью – подготовить юристов для работы в сфере народного хозяйства [Остапенко, Татаркин 1980]. Соответственно в учебной программе факультета упор был сделан на учебных курсах «Правовое регулирование хозяйственных связей» (хозяйственные аспекты гражданского права: заключение и исполнение основных договоров поставки, подряда, аренды и т. д.), «Организация правовой работы в народном хозяйстве» (юридические и организационно-делопроизводственные вопросы), «Разрешение хозяйственных споров в СССР» (основы процесса в государственных арбитражах, категории дел, особенности их рассмотрения; проведение модельных процессов). Кроме того, важной частью программы специализации студентов факультета являлось качественное изучение трудового и земельного права. Такой подход дал положительный эффект: большинство выпускников факультета (примерно 60–70 %) посвятили себя работе юрисконсультами и судьями арбитражных судов.

Что есть экономическое правосудие в современной правовой ситуации, в том числе в контексте обучения специалистов? Это рассмотрение экономических споров, прежде всего арбитражными судами, а также арбитражами (третейскими судами) и квазиюрисдикционными административными органами. Основная задача рассмотрения данных споров – судебная защита прав и интересов участников экономической деятельности (ст. 2 АПК РФ). Судебная защита прав вообще – вершина юридической деятельности. По нашему мнению, в этом и заключается суть профессии юриста – в умелой организации и осуществлении судебной защиты.

В отношениях, охватываемых правосудием по экономическим спорам, можно выделить три основных группы профессиональных участников: судьи арбитражных судов (третейские судьи); представители с высшим юридическим образованием (по старой терминологии – «юристы для народного хозяйства»); лица, содействующие осуществлению правосудия путем работы в арбитражных судах, т. е. секретари судебных заседаний и помощники судей.

Известно, что самый короткий и легкий путь к должности федерального судьи лежит через исполнение обязанностей секретаря судебного заседания и помощника судьи. И, как показывает опыт, выпускники юридических вузов, которые хотят попробовать свои силы в этой сфере, выбирают именно такой путь. Преподавателям дисциплин, охватывающих программу специализации «Экономическое правосудие», необходимо ориентироваться прежде всего на эту группу специалистов, поскольку работа судьи – перспектива отдаленная, а в обязанности будущих «юристов для народного хозяйства» входит не только представительство в арбитражных судах.

3. Набор дисциплин

Опыт факультета правовой службы в народном хозяйстве показал: нужно обучать студентов тому, что они должны знать (и понимать), работая в соответствующей сфере. Тем, кто, возможно, выберет путь «секретарь судебного заседания – помощник судьи – судья арбитражного суда» и путь «юриста в народном хозяйстве», прежде всего необходимо знать арбитражный процесс. К сожалению, сегодня данная дисциплина на 50 % повторяет курс гражданского процесса. 40 лет назад на это обращал внимание К. С. Юдельсон, а сейчас – и недавние студенты.

Между тем обучение в вузе, в том числе юридическом, должно строиться, по нашему мнению, по принципу пирамиды. В основании такой пирамиды лежат общие гуманитарные дисциплины, дающие представление о социуме, ибо юрист должен быть культурным, широкообразованным человеком, его работа – это работа с людьми как членами общества. На второй ступени – теоретические и философские основы права, на третьей – отдельные отрасли права, на четвертой – специализированные предметы, на пятой – производственная практика (факти-

чески стажерство). И, наконец, вершина – государственный экзамен.

Арбитражный процесс в том виде, в котором он преподается ныне, попадает, по существу, на третью ступень, отсюда и дублирование. Целесообразно «перевести» его на четвертую ступень, сделав специализированным предметом с другим названием – «Рассмотрение экономических споров в Российской Федерации». Акцент при преподавании этого курса необходимо делать на следующих аспектах:

истории создания арбитражных судов и арбитражей, главных юридических различиях между ними, роли таких судов в экономическом обороте;

понятии, видах и особенностях (в том числе с позиции материально-правовой составляющей) экономических споров как предмете деятельности арбитражных судов, а также арбитражей и квазиюрисдикционных органов, разграничении компетенции между арбитражными судами и судами общей юрисдикции;

основных участников экономических споров – корпорациях и предпринимателях: их целях, психологии, особенностях как субъектов правовых отношений;

особенностях доказывания и доказательств (существенно отличающихся от применяемых в иных процессах) по экономическим спорам;

особенностях примирения сторон экономических споров.

В данном курсе можно выделить три «подкурса»¹.

«Организация работы арбитражных судов». По существу, речь идет о судебном администрировании и делопроизводстве. При возможности было бы логично поручить проведение этих занятий опытному действующему работнику арбитражного суда. В «подкурс» можно включить и ознакомление с информационными технологиями арбитражного процесса в организационно-техническом ключе.

«Особенности рассмотрения дел отдельных категорий». Речь идет не только о процессуальных особенностях (рассказ о них, как правило, много времени не занимает), но и об ознакомлении студентов со способа-

¹ Авторы не сторонники экстенсивного увеличения учебной нагрузки.

ми судебной защиты в арбитражном процессе (анализ правовой ситуации, выбор способа защиты и определение предмета иска) и механизмом рассмотрения дел. Для изучения можно выделить из гражданских дел вещно-правовые и обязательственные споры, из административных – налоговые споры и административные правонарушения, из условно «особых» – дела об установлении юридических фактов, банкротство, корпоративные споры. При желании и возможности, можно поручить проведение таких занятий заинтересованным в этом действующим судьям арбитражных судов и судьям, пребывающим в отставке.

«Особенности рассмотрения дел арбитражами и квазиюрисдикционными органами». Предмет изучения понятен, ведь цель и законодателя, и правоприменителя в этом вопросе – создать условия, при которых можно было бы освободить государственные суды от рассмотрения значительной части споров.

Таково примерное содержание курса, который может стать центральным в программе специализации «Экономическое правосудие». Не нужно вводить никаких новых предметов наподобие экономики и тем более бухгалтерского учета – это совсем другое образование, не дающее юристу понимания того, что надо делать¹.

Возникает вопрос о том, когда этот явно увеличенный по времени курс преподавать. Лучше всего – на специалитете, чем на бакалавриате. С учетом пяти лет обучения можно начинать преподавание по программе специализации с третьего курса, вот и получится курс, который займет полтора-два года.

Содержание специализированного авторского курса может немного меняться по усмотрению преподавателя, ведущего курс.

4. Технологии преподавания экономического правосудия

Вновь обратимся к азам науки преподавания – работе В. В. Есипова «О преподавании права» [Есипов 1901]. В ней изложены «разнообразные виды практического ознакомле-

¹ В экономике и юриспруденции для решения одного и того же вопроса могут использоваться принципиально разные подходы: в экономике часто превалирует «отчетный» аспект, в юриспруденции – фактический (юридический). Так, на вопрос бизнесмена «Сколько у нас денег?» бухгалтер сошлется на данные баланса, а юрист – на выписку с расчетного счета на сегодняшний день.

ния с основными предметами юридических наук». Они включают в себя объяснение источников права; толкование и разбор действующих кодексов; решение со студентами задач на примерные случаи из судебной практики; реферирование студентами их научных работ; диспутатории и конверсатории со студентами по научным вопросам; репетиции из пройденного; практический разбор дел с распределением между слушателями главных процессуальных ролей.

Не будем отступать от традиций и предложим рассматриваемый нами курс изучать с использованием следующих форм.

Лекции. В УрГЮУ по специализации «Экономическое правосудие» читается 32 часа лекций в течение года (первые два месяца в первом и втором семестрах). На наш взгляд, этого достаточно, если не проходить весь курс, начиная с основных положений классического гражданского процесса, а сосредоточиться на особенностях арбитражного процесса.

Семинары. С нашей точки зрения, правильнее все нелекционные занятия обозначать как семинары. Они могут включать в себя практические занятия, коллоквиумы, контрольные мероприятия и модельные процессы.

Практические занятия. Как предлагал В. В. Есипов, практические занятия «могут вестись... в форме казуистической, обнимающей решение со студентами задач на примерные случаи из судебной практики или практический разбор судебных дел» [Есипов 1901: 30]. С приведенным мнением мы полностью согласны: базой для практических занятий являются практикумы, подготовленные на основе актуальных юридических дел, а также при желании преподавателя – задачи, придуманные им самим, в том числе экспромтом, и вопросы, задаваемые студентами.

Коллоквиумы. Они традиционно проходят в форме заслушивания подготовленных студентами мини-докладов по вопросам толкования и применения права. Интересны в контексте специализации «Экономическое правосудие» две формы работы, дающие студентам возможность порассуждать самостоятельно и донести свои мысли до коллег публично, а именно:

представление всеми студентами эссе по одной теме, например в виде оценки необ-

ходимости той или иной нормы АПК РФ, ее содержания и соблюдения правил юридической техники;

представление всеми студентами проекта акта судебного толкования конкретной нормы АПК РФ, заданной преподавателем индивидуально каждому студенту.

Модельные процессы. В. В. Есипов писал, что «путем таких упражнений имеется в виду ближайшим образом ознакомить студентов с практической стороной процесса и с самим порядком судоговорения» [Есипов 1901: 26]. При этом полезно будет проводить не только полный процесс по экономическому спору в конце процесса обучения, но и так называемые мини-процессы по отдельным темам, имеющим особое значение в арбитражном процессе (например, представительство, судебные расходы, распорядительные права сторон и др.).

Важным элементом обучения по процессуальной специализации является составление студентами *процессуальных документов*, ведь от их содержания и вида порою зависит многое в исходе процесса. Комплект таких документов определяется преподающей кафедрой самостоятельно, но главное в выборе – соблюсти логику процесса и выбрать наиболее часто составляемые на практике документы.

В УрГЮУ, например, по предмету «Арбитражный процесс» студентам предлагается представить комплект, состоящий из претензии; доверенности; искового заявления; заявления об отводе судьи / заявления об изменении предмета или основания иска или об увеличении размера требований (по выбору преподавателя); заявления об обеспечении иска; мирового соглашения; кассационной жалобы. Эти документы выбраны для решения следующих задач:

«заставить» студентов осуществить эту часть обучения более-менее самостоятельно, без слепого копирования шаблонов из Интернета, не отличающихся высоким качеством;

дать студентам хотя бы общее представление о современном документообороте и об этических основах составления и оформления документов, особенно адресованных суду;

объяснить студентам суть основных процессуальных действий, совершаемых в ходе арбитражного процесса и в совокупности составляющих алгоритм рассмотрения конкретного экономического спора.

Для специализации «Экономическое правосудие» как основы послевузовской деятельности в аппаратах арбитражных судов в комплект можно включить и ряд судебных актов, изготовление которых возложено на практике, как правило, на помощников и секретарей.

Производственная практика. В советские времена многое в образовании было обязательным – посещение занятий, распределение на практику и на работу. И хотя в основном от всего этого отказались, возврат к хорошо забытому старому иногда не только возможен, но и нужен. Речь идет об обязательном прохождении студентами, обучающимися по программе специализации «Экономическое правосудие», производственной практики только в арбитражных судах, лучше – в арбитражных судах первой инстанции. Практика должна проходить под контролем вуза и включать в себя не только подшивку дел в архиве и аппарате суда в течение двух месяцев, но и обязательное посещение судебных заседаний, проводимых по всем видам дел, выполнение функций секретаря и помощника (например, изготовление под их руководством определений о назначении судебных заседаний или техническая организация аудиозаписи заседания или видеоконференц-связи).

Государственный экзамен. Проведение его в традиционной форме «вопрос – ответ» или решение электронных тестов для студентов, в ходе недавней сессии сдавших экзамен по арбитражному процессу, не очень целесообразно: дублирование не самоценно. Для студентов, обучающихся по программе специализации «Экономическое правосудие», в УрГЮУ в 2021 г. был проведен государственный экзамен, основанный на эклектичных критериях. «Вытянув» первый попавшийся билет, содержащий практическое задание, студент должен был решить его, в том числе при помощи справочно-правовых систем. Задание включало в себя практические и теоретические категории арбитражного процесса и материально-го права, прежде всего гражданского.

Процесс сдачи экзамена и его результаты порадовали преподавателей: те студенты, которые выбрали специализацию сознательно и пытались в ходе обучения понять основные правила экономического правосудия, получили высокие оценки; тем же, кто не хотел вообще ничего, не помогли и справочно-правовые системы.

Список литературы

Алексеев С. С., Яковлев В. Ф. О модели юриста и обучении в юридических вузах // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1976. № 4. С. 73–81.

Баженова Т. М. Оценка российскими профессорами-юристами подходов к преподаванию права // Российский юридический журнал. 2014. № 3. С. 199–208.

Белых В. С. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России: моногр. М.: ТК Велби; Проспект, 2005. 432 с.

Есипов В. В. О преподавании права. Варшава: Тип. Варш. учеб. окр., 1901. 34 с.

Интервью с заведующим кафедрой гражданского процесса Уральского государственного юридического университета, заслуженным деятелем науки Российской Федерации, доктором юридических наук, профессором Владимиром Владимировичем Ярковым // Юрист. 2019. № 9. С. 4–11.

Остапенко Д. Д., Татаркин А. И. Юристы для народного хозяйства // Хозяйство и право. 1980. № 7. С. 36–38.

Треушников М. К. Кафедры в решении задач юридического образования // Юридическое образование и наука. 2007. № 3. 6–8.

Юдельсон К. С. Вопросы организации преподавания специальной дисциплины «Разрешение хозяйственных споров СССР» // Актуальные проблемы высшего юридического образования в свете решений XXVI Съезда КПСС: сб. ст. / отв. ред. В. Ф. Яковлев и др. Свердловск: СЮИ, 1982. 250 с.

Якушев В. С. Хозяйственно-правовая специализация в юридических вузах (предложения по учебному плану) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1978. № 2. С. 86–93.

Валерия Дмитриевна Мельник – аспирант кафедры гражданского процесса Уральского государственного юридического университета. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: valeriemelnyk@yandex.ru.

ORCID: 0000-0001-8862-4317

Михаил Львович Скуратовский – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса Уральского государственного юридического университета. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: SKyML@ya.ru.

ORCID: 0000-0001-6950-7027

Economic Justice as Education Specialty Field in Law Schools

The article provides a retrospective view of the problems of higher legal education, the content, structure and specialization of which have been being discussed since the 19th century. The authors analyze pros and cons of the legal education specialization, handle in detail the forms, means and methods of economic justice teaching, and suggest the recommendations for the improving of educational courses teaching.

The authors make the conclusions related to the methodology for would-be judicial sphere specialists training. Firstly, there should be the deeper and close to practice specialization without civil procedure general dispositions duplication since that is the basis of non-criminal procedure. Secondly, so called core of the economic justice program should involve commercial procedure teaching as a part of general civil procedure that regulates resolving commercial disputes with focus on civil circulation participators remedy. Thirdly, teaching economic justice requires the use of modern educational technologies such as case method, moot courts and colloquiums.

Keywords: commercial procedure, economic justice, business law educational specialization, educational specialty field, pleadings, moot court

Recommended citation

Melnik V. D., Skyratovskiy M. L. Ekonomicheskoe pravosudie kak spetsializirovannoe napravlenie v yuridicheskom vuze [Economic Justice as Education Specialty Field in Law

Schools], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2021, no. 5, pp. 90–99, DOI: 10.34076/2410_2709_2021_5_90.

References

Alekseev S. S., Yakovlev V. F. O modeli yurista i obuchenii v yuridicheskikh vuzakh [About the Model of a Lawyer and Training in Law Schools], *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie*, 1976, no. 4, pp. 73–81.

Bazhenova T. M. Otsenka rossiiskimi professorami-yuristami podkhodov k prepodavaniyu prava [Assessment of Russian Law Professors' Approaches to Teaching Law], *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, 2014, no. 3, pp. 199–208.

Belykh V. S. *Pravovoe regulirovanie predprinimatel'skoi deyatel'nosti v Rossii* [Legal Regulation of Business Activity in Russia], Moscow, TK Velbi, Prospekt, 2005, 432 p.

Esipov V. V. *O prepodavanii prava* [About Teaching Law], Warsaw, Tip. Varsh. ucheb. okr., 1901, 34 p.

Interv'yu s zaveduyushchim kafedroi grazhdanskogo protsessa Ural'skogo gosudarstvennogo yuridicheskogo universiteta, zasluzhennym deyatelem nauki Rossiiskoi Federatsii, doktorom yuridicheskikh nauk, professorom Vladimirom Vladimirovichem Yarkovym [Interview with the Head of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Juridical Sciences, Professor Vladimir Vladimirovich Yarkov], *Yurist*, 2019, no. 9, pp. 4–11.

Ostapenko D. D., Tatarkin A. I. Yuristy dlya narodnogo khozyaistva [Lawyers for the National Economy], *Khozyaistvo i pravo*, 1980, no. 7, pp. 36–38.

Treushnikov M. K. Kafedry v reshenii zadach yuridicheskogo obrazovaniya [Departments in Solving Legal Education Problems], *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka*, 2007, no. 3, pp. 6–8.

Yudel'son K. S. *Voprosy organizatsii prepodavaniya spetsial'noi distsipliny «Razreshenie khozyaistvennykh sporov SSSR»* [Questions of the Organization of Special Discipline «Settlement of Economic Disputes of the USSR» Teaching], Yakovlev V. F. (ed.) *Aktual'nye problemy vysshego yuridicheskogo obrazovaniya v svete reshenii XXVI S"ezda KPSS* [Current Problems of Higher Legal Education in the Light of the Decisions of the XXVI Congress of the CPSU], Sverdlovsk, SYuI, 1982, 250 p.

Yakushev V. S. Khozyaistvenno-pravovaya spetsializatsiya v yuridicheskikh vuzakh (predlozheniya po uchebnomu planu) [Economic and Legal Specialization in Law Schools (Suggestions for the Curriculum)], *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie*, 1978, no. 2, pp. 86–93.

Valeriya Melnik – post-graduate student of the Department of civil procedure, Ural State Law University. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: valeriemelnyk@yandex.ru.

ORCID: 0000-0001-8862-4317

Mikhail Skyratovskiy – candidate of juridical sciences, associate professor of the Department of civil procedure, Ural State Law University. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: SKyML@ya.ru.

ORCID: 0000-0001-6950-7027

Дата поступления в редакцию / Received: 10.09.2021

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 11.11.2021

РОССИЙСКОЕ ПРАВО

ОБРАЗОВАНИЕ ПРАКТИКА НАУКА

Редактор *К. С. Путушкина*,
Дизайн обложки *К. О. Хрущева*
Компьютерная верстка *И. В. Яцюк*

Подписано в печать 26.11.21. Формат 60×84/8.

Бумага писчая. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 11,62. Уч.-изд. л. 10,8.

Тираж 100 экз. Заказ № 13

Дата выхода в свет 08.12.2021.

Цена свободная

16+

Уральский государственный юридический университет.
620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21